

Дэвлин Джейд

Магомама, или Попаданка наоборот

Глава 1

— Я тебя предупреждала, Шурочка, — неприятно улыбнулась свекровь. — Я говорила тебе, что Витя умный и интеллигентный мальчик, ему быстро наскучит это мещанское счастье и он уйдет к женщине своего уровня. Так что винить ты можешь только себя. Кто тебе злодей, что в тридцать пять ты уже больше похожа на престарелую швабру, чем на женщину? А кроме того, ничем не интересуешься, ничего толком не читаешь и не смотришь, стала скучная и узколобая. Впрочем, ничего страшного не случилось, на улицу вас никто не выгоняет, Витенька купил вам эту квартиру и дает достаточно денег, чтобы дети ни в чем не нуждались.

Ну а ты В сущности, твоя задача теперь растить мальчиков и обеспечивать Витеньке возможность с ними видаться тогда, когда ему это удобно. Надеюсь, у тебя хватит мозгов справиться хотя бы с этим.

Кстати, ты уже видела, что классный руководитель написала в электронном дневнике у Павла?

— Да, Валентина Дмитриевна, — тихо и обреченно проговорила в экран ноутбука усталая женщина, бледная, полноватая, с небрежно собранными в рассыпающийся пучок светлыми волосами. — Я как раз хотела попросить. Вам ведь недалеко, может, вы заберете Пашу с занятий, раз они заканчиваются на час раньше? Вы можете сходить в кафе, пообщаться, а я подъеду не позже, чем обычно, как только...

— Прости, дорогуша, но завтра я занята, — поджала губы моложавая дама на экране. — О таких вещах принято извещать заранее, знаешь ли. И вообще, что ты за мать, если тебе постоянно нужна какая-то помощь с детьми? Живешь на всем готовом, с машиной под задницей, белье в проруби не стираешь. Твоя прабабка, небось, в поле пятерых рожала и не жаловалась, все успевала. Ладно, мне уже пора. Не забудь приготовить Тошику снаряжение до выходных, Витя заедет и заберет его на игру в восемь утра. Все, до свидания.

И экран погас. Александра уронила голову на руки и несколько минут так и сидела возле заваленного распечатками докладов, тестов, картинок и текстов компьютерного стола. Господи, вот так закрыть бы глаза и не открывать больше как же она устала.

— Ма-ам! Я же просил куриные котлеты, а ты опять сделала из мяса! Не буду есть! И кетчуп ты не купила, да? Не буду!

— Мам, опять Пашка мой велик трогал?! Сколько раз я просил! Вот вечно в этом доме никакого нет порядка, верно папа говорил!

— Мам! Мама! Ты обещала найти инфу для доклада по ОБЖ, я же не успею после тренировки! Мам, а папа приедет за мной в субботу? Он обещал!

Саша со стоном оторвала голову от рук и мутноватыми от переутомления глазами посмотрела в сторону двери. Она любила своих детей. Она их очень любила бросила когда-то учебу, потому что Антон сразу после рождения много болел и все вокруг, включая Витю, твердили, что лучшее лекарство для малыша это мама. Да она и сама так считала. А через три года с удовольствием обменяла возможность вернуться в университет на второго сына. И все было хорошо Ну, почти.

Свекровь с самого начала невзлюбила невестку, так на то она и свекровь, разве у всех не так? И Витя мать не одергивал, отговариваясь тем, что Валентина Дмитриевна пожилой человек, да и не сказать, что совсем лезет в их семейные дела. И вообще, могла бы поискать общий язык с его матерью, в конце концов, она не монстр. Это женское дело погода в доме. А он устает, обеспечивая ей и детям достойную жизнь, можно хотя бы нервы ему не трепать глупыми ссорами?

Саша старалась не трепать и неустанно искала «общий язык» с профессорской вдовой, надменной и обожающей всех поучать, но вечно всем недовольной. И правда ведь, муж много работает, устает Зато с деньгами никогда нет проблем, можно не экономить на детских вещах, поездках, большой квартире в престижном районе, репетиторах, кружках.

Вот, правда, няню и помощницу по хозяйству Витя отказался нанимать, заявил, что это глупости и пустая трата денег, все равно Александра не работает, да и куда она пойдет без образования? По салонам красоты деньги транжирить? Ну глупости же, он ее и так любит, а лишний час, проведенный родной мамой с детьми, это кирпичик в их будущую здоровую психику и успешность.

Александра сама не поняла, в какой момент все изменилось. Когда она из веселой красавицы-жены, самой лучшей мамы и хранительницы домашнего очага превратилась в вечно ничего не успевающую и вызывающую у всех только раздражение престарелую клушу. Сначала Витя стал задерживаться на работе, потом пропадать в командировках, потом она нашла у него в портфеле с деловыми бумагами женские трусики. Все было так банально и глупо, как в дешевой мелодраме. Пойманный с поличным муж вдруг психанул, наорал на Сашу, обозвал дурой и старой мымрой, на которую ни у одного нормального мужика уже не встанет, ехидно поинтересовался, когда она в последний раз смотрела на себя в зеркало и пыталась поговорить о чем-то отличном от детских утренников или проблем с математикой у старшего. А потом успокоился и заявил судорожно рыдающей жене, что все к лучшему.

Ему надоело притворяться, их брак давно изжил себя, они чужие люди. И у него есть другая, которая его понимает и которая больше ему подходит. Детей он не бросит, он уже присмотрел им неплохую трешку в хорошем спальном районе и будет давать приличную сумму денег на расходы, но под отчет, естественно. И чтобы никаких заявлений в суд на алименты, иначе алчная бывшая жена вообще ничего не получит.

Александра, для которой в один страшный миг обрушилась вся ее жизнь, все не могла понять, как получилось, что ее веселый, ласковый, порядочный и любящий Витька превратился вот в этого чужого мужика с презрительным прищуром, и за что он так с ней?! За что?! Она ведь все делала правильно, всю себя отдавала ему и детям. Постарела? Так никого не молодят двое родов и бессонные ночи с болеющими детьми. Поправилась, да, особенно после второго сына.

Не было времени привести себя в порядок, да и сил тоже. Все ждала, вот дети подрастут, и она пойдет на фитнес и на танцы. Саша когда-то так любила танцевать, в детстве даже занималась этим почти профессионально, на соревнования ездила. Куда все делось? Сама дура, сама виновата. Распустилась, обаялась; конечно, мужу стало скучно и противно. Он еще молодой мужчина, вот и нашел себе.

Детей же не бросил? Вроде и не бросил, да. Приезжал, когда у него было время и настроение пообщаться с наследниками, денег давал.

Впритык, чтобы хватало на еду и оплату квартиры. Вещи детям сам покупал, кружки оплачивал, а Саше заявил, что она здоровая баба, себя должна сама обеспечивать. Пусть идет работать. Ну кто ей доктор, что за четырнадцать лет сидения дома она растеряла даже те знания в профессии, которые когда-то были? Что значит «с детьми все равно на полный день не устроиться и сложно все успевать»? А как раньше наши мамы успевали и не жаловались?

Подработку на полдня Саша себе все же нашла, тем более что старенькую киа «Рио» муж великодушно оставил бывшей жене, чтобы возить детей, как он выразился. На машине с грехом пополам женщина еще успевала подрабатывать курьером. Но с ужасом думала, что будет, когда верный железный конек начнет сыпаться. У нее и так почти не оставалось времени даже просто выспаться нормально. Да и денег все равно не особо хватало на самое необходимое, что там уж вспоминать про салоны красоты и фитнесы с бассейнами и саунами.

В довершение всего сыновья, недовольные тем, что пришлось переехать из престижного дома, от крутых друзей в «беспонтовый райончик», и вообще травмированные уходом отца, обвинили во всем мать. Папа хороший, папа приезжает в выходные и привозит подарки, а мама только без конца нудит что-то про уроки, тапочки и «убери, пожалуйста, у себя в комнате». Требуется мыть за собой посуду и вообще страшно надоедает.

Александра со смирением старой лошади волокла на себе весь этот непосильный груз, даже не пытаясь его скинуть, от усталости и недосыпа у нее наступило какое-то эмоциональное и интеллектуальное оупение. Шагала себе и шагала в колее, даже не пытаясь ступить в сторону от нее. Но силы постепенно кончались, и вот почему-то

именно сейчас, после разговора со свекровью и воплей сыновей, женщина почувствовала, что все. Край.

Их больше совсем нет, сил этих.

— Мама! — Старший сын появился на пороге с недовольным лицом и своей футболкой в руках. — Ты опять забыла погладить физкультурную форму! А бабушка говорит, что это безалаберность и признак ужасной хозяйки! Лучше бы мы жили с папой, зачем ты нас с собой потащила в эту дыру и теперь...

Это оказалось последней каплей. Спокойная всегда и исключительно терпеливая с детьми Саша вдруг взвилась с места и резко захлопнула дверь прямо перед носом у сына. И, не обращая внимания на вопли и стук, подошла к большому, в рост, зеркалу в дверце шкафа-купе. Там отразилась замотанная полинялая тетка в мешковатой футболке и джинсах, потухшая какая-то и словно полустертая. Никому не нужная, даже собственным детям. Странно... Яркая веселая девчонка-хохотушка, Сашка-вертушка, всеобщая любимица, способная танцевать сутки напролет, строить глазки и потом как ни в чем не бывало пойти сдавать зачет по сопромату, где ты? Куда ушла? Когда? Почему?

Неужели об этом ты мечтала, когда выходила замуж, когда рожала детей? Глухое отчаяние вдруг вскипело в душе и выплеснулось наружу резким вскриком. Александра почти в беспамятстве ударила по зеркалу обеими руками, чтобы стереть, уничтожить изображенную в нем мертвую женщину и вернуть ту, прежнюю Сашку. А если это невозможно то лучше, чтобы это все кончилось. Только детей все равно жалко Пусть бы кто-то занял ее место, просто чтобы сыновья не остались без матери. Пусть бы. Она с удовольствием отдала бы все, что осталось от ее жизни. Зеркало посыпалось острыми осколками, ранив руки в кровь, и Александра упала на пол, потеряв сознание.

Последняя мысль была: сама, дура, виновата.

Глава 2

Сама, дура, виновата. Попалась в такую примитивную ловушку. А еще боевой маг! Но я не ждала предательства от близкого друга да и встреча была назначена в людном месте, в нейтральном городе. И когда во время спокойной беседы за бокалом молодого вина на открытой веранде очень приличного трактира мимо меня по улице «грузчики» понесли большое зеркало, я не обратила на них внимания, не насторожилась.

Хотя краем глаза привычно зафиксировала движение. И когда это самое зеркало вдруг оказалось прямо напротив, а из толпы меня кто-то окликнул и я машинально обернулась, солнечный свет, отразившийся в полированном стекле, ударил по глазам, ослепляя и лишая ориентации в пространстве. Я вскрикнула и инстинктивно попыталась закрыться руками, что самое противное, и в этот момент еще не осознавая опасности, даже не подумала ударить режущим по стеклу, а ведь могла. Но терраса, на которой я сидела, выходила на людную площадь, по которой в честь выходного дня гуляла празднично разодетая толпа народа, бегали дети, выступали уличные артисты. Мне в голову не пришло бить заклинаниями в ту сторону.

Когда я опомнилась и проморгалась, было поздно. Вокруг уже не было оживленной праздничной площади, не было летней террасы, не было столика с напитками и легкими закусками. Были каменные белые стены, прорезанные узкими, как бойницы, окнами, забранными решеткой, было то самое проклятое зеркало, вмурованное в стену прямо напротив того места, где я стояла. Не было только двери.

Вообще. Пару минут я ошарашенно вертела головой, пытаюсь понять, куда меня занесло и как это случилось. А потом из глубин памяти вдруг всплыл отрывок старинной летописи, то ли сказка, то ли легенда о зеркальном двойнике. И меня прошиб холодный пот. Я медленно подошла к стене и дотронулась кончиками пальцев до гладкого холодного стекла. Это странное зеркало, оно ничего не отражало, только в глубине его клубился туман. Но как только я его коснулась, он рассеялся, и я увидела...

— Чтоб тебя демоны жарили! — Такое зло взяло, слов нет. — Райно, сукин ты сын! Что ты творишь?!

— Приветствую, моя прекрасная леди, — с издевательской усмешкой поприветствовал меня с той стороны стекла бывший друг и один из тех, кому я когда-то доверяла спину и свои первые девичьи глупости.

Он так и не смог смириться с тем, что я выбрала Кейдана. Было очень больно терять друга юности, а тем более видеть, как он постепенно, но очень явно сходит с ума и идет на все более низкие и страшные поступки, чтобы все же добиться своего. Причем этот идиот решил, что я с Кейданом потому, что тот герцог и владелец Западного Предела. И ему втемяшилось в башку, что если отобрать у моего любимого земли, замки и власть, то я переменю решение. Боги и демоны, у него редут на этом поехал окончательно. Сколько он глупостей натворил, едва не спровоцировал войну. Хорошо еще, что поединки одаренных никогда не затрагивают простой народ. Даже чужие замки разрушаются только после того, как из них вывели мирное население. Маги потом могут стены и друг друга хоть с землей сровнять. Вот Райно и пытался Но Кер Айриель древняя мощная крепость, защищенная помимо магии хозяина еще и системой противоосадных артефактов, без предательства изнутри ее не вскрыть.

Так что безумный Райно Вистер раз за разом безрезультатно штурмовал стены Западного Предела. И каждый раз пытался перед нападением убедить меня в том, что я ошиблась и, если добровольно уйду с ним, он оставит Кейдана в покое.

— Рай, — я потерла руками лицо и грустно посмотрела в лицо человека, с которым когда-то была очень близка. — Рай, пожалуйста, хватит. Приди в себя. Это уже болезнь.

— Ты моя болезнь, — согласился Райно, приближаясь к стеклу с той стороны и прижимая к нему ладонь там, где его касались мои пальцы. — И мое лекарство. Ты будешь моей.

— Сколько можно повторять? — я отдернула руку и даже отошла на шаг, сердито прикусив губу. — Нет, Рай! Не буду.

— Посмотрим, — усмехнулся этот ненормальный. — Вот теперь посмотрим. Как твой владетель Запада отнесется к тому, что ты вынесешь мне ключи от Кер Айриель. Вряд ли он простит.

— Что за чушь ты несешь?! Что вообще происходит?

— Ты же вспомнила легенду, да?

Райно там, за стеклом, прошел через всю комнату к резному комоду красного дерева и достал из верхнего ящика тот самый обрывок пергамента. Вернулся и посмотрел на меня с торжеством и предвкушением в глазах.

— Вспомнила. Это хорошо. Значит, поймешь и оценишь то, что я сделаю. Это все только для твоей же пользы. Я не могу допустить, чтобы ты совершила ошибку и осталась с этим. Ты все переосмыслишь, обещаю.

Я смотрела на него с ужасом и понимала, что Райно окончательно сошел с ума. Я действительно понимала, что он собирается сотворить.

И когда безумец принялся чертить на зеркале руны собственной кровью, заметалась по башне, пытаюсь уйти, скрыться так, чтобы меня не было видно в проклятом зеркале. Но спрятаться было некуда ни одного угла, ни одного предмета, даже тряпки, чтобы можно было загородиться. А потом зеркало вспыхнуло, и меня притянуло к нему, как глупую муху на паутинке. Я застыла в шаге от гладкой стеклянной бездны и в полном оцепенении смотрела, как с той стороны от поверхности зеркала отделяется мой двойник. Вторая я. Зеркальный призрак, потусторонняя сущность, у которой теперь мое лицо, моя магия и мои знания.

Райно притянул двойника к себе и поцеловал. Я с ужасом смотрела, как зеркальный призрак отвечает на этот поцелуй, трется о мужчину всем телом, демонстрируя желание, как мой сумасшедший тюремщик начинает сдирать с нее мою одежду.

— Она вынесет мне артефакты-ключи от Кер Айриель, и твой Кейдан будет уверен, что это ты предала его, — сказал Райно после того, как там, за стеклом, все закончилось и мой двойник, одевшись, выскользнул из комнаты. — Я заставлю его поверить, что ты в конце концов предпочла именно меня! А когда он окажется в грязи у моих ног, уверенный в своем ничтожестве и твоём выборе, я уничтожу куклу и выпущу тебя. И ты не сможешь уйти, потому что все Пределы будут уверены, что ты предала его ради меня.

— Райно, опомнись! — я сделала последнюю попытку. — Ты же сам вспомнил легенду со свитка. Зеркальный двойник опасен. Да, пока он полностью подчинен тебе, но по мере того, как я буду слабеть, он будет набирать все больше силы, пока от меня останется только тень, и...

— Я не допущу этого. Я знаю, что делаю. А ты посиди и подумай, кого действительно следовало выбрать, чтобы не попасть в такое положение.

— И ты называешь это любовью? — мне было горько и как-то словно душу разворотили. — Это что угодно, только не любовь, Райно. А еще ты играешь в опасные игры. Ты окончательно сошел с ума.

— Даже если и так, это ты лишила меня рассудка, — мой бывший друг подошел вплотную к стеклу и зло прищурился. — Это из-за тебя я потерял голову, покой и душу. И я заставлю тебя быть моей, даже если придется выпустить в мир десяток зеркальных монстров!

Вот так я и оказалась в странном плену в круглой башне с бойницами вместо окон, за которыми всегда клубился белый туман. Время остановилось. Мне не хотелось ни есть, ни спать, не было смены дня и ночи, хотя я каким-то образом понимала, что прошло уже несколько месяцев. Наверное, судила по тому, как убывали мои силы. Если сначала я металась по тесному помещению, билась о стены и об алмазно-твердое стекло зеркала, то теперь я просто сидела напротив непреодолимой преграды и смотрела, смотрела...

Я даже не поняла, в какой момент все изменилось. Там, за стеклом, вдруг исчезла спальня Райно, мое «окно в жизнь» торопливо завесили какой-то тряпкой, и мир качнулся. Куда-то несут зеркало? Зачем? Несмотря на апатию и слабость, я нашла в себе

силы встать и подобраться вплотную к стеклу, прижалась к нему ладонями, словно в последний раз пытаюсь продавить, расколоть проклятое зеркало. Двойник там, в настоящем мире, уже почти выпил из меня магию и в любой момент мог окончательно «вылупиться». Ладно я умру, когда это случится, но ведь и остальным не поздоровится. Почти неуязвимая, магически мощная гадина, абсолютно чуждая морали и нравственности.

И Кейдан. Мне становилось физически плохо, когда я думала, что эта тварь устроит моему любимому. Было очень больно думать о том, что он поверит это я его предала. Или не поверит? Вдруг догадается? Ну он же знает меня! Любит, понимает! Он должен догадаться, что это не я, должен что-то заподозрить! А если нет? Даже думать не хочется. Ну же! Ну кто-нибудь, найдите уже это демоново зеркало!

Райно я давно не видела, поначалу он еще пытался со мной беседовать, но, не получив ответа, злился и уходил. А последние несколько дней... Как я пропустила? Там явно что-то происходит! Я бессильно ударила кулаками по зеркальной поверхности, и именно в этот момент кто-то с той стороны сдернул покрывало. Я задохнулась, встретившись глазами со своим герцогом. Одного мгновения оказалось достаточно, чтобы охватить взглядом изменившийся пейзаж за стеклом: это уже не спальня Райно, это поле битвы, и там, за спиной Западного Ветра, дымятся развалины крепости моего сумасшедшего бывшего друга.

Кей пришел за мной?! Догадался?!

— Кейдан! — радостно вскрикнула я, снова ударив кулаками по стеклу. — Кей, ты...

И тут же поняла. Нет, не за мной. Нет, не догадался.

— Ты поверил, что я могла предать, — онемевшие губы почти не слушались, ноги сами отступили от зеркала на полшага, и руки зябко обняли плечи. Стало так больно и холодно.

— Шивон?! — Кейдан задохнулся, глядя на меня. — Что?! Ты...

Я понимала, понимала, что он не виноват! Зеркальная тварь она ведь не просто внешне моя копия, она полное мое отражение. Она движется, как я, она говорит моими словами, у нее моя аура, и отпечаток ее магии это отпечаток моей магии! Ветер не виноват, как и все остальные мои друзья, которые поверили своим глазам, ушам и магическому чутью. Почему тогда мне так больно? Почему?!

— Ты поверил, — повторила я, не в силах справиться с этой болью.

— Ты Шивон! Что происходит?!

— Я попала, как последняя дура, — нужно было брать себя в руки и хотя бы теперь нормально объяснить ему, что произошло. Быстро, в двух словах, глядя, как расширяются его зрачки и бледнеет без того мучнисто-белое лицо.

— Шивон, боги и демоны как?! Как тебя вытащить оттуда?! И что делать с этой?

Кейдан оглянулся, и за его плечом, чуть в стороне, на телеге, я увидела связанного Райно, уже лишённого герцогской цепи. А рядом с ним Мне хватило мгновения, чтобы понять зеркальный демон готов вот-вот переродиться, разорвать связь с моей тюрьмой, и тогда...

— Разбей зеркало! — заорала я что было силы. — Разбей! Сейчас же!

— Ши?! — растерялся он, заподозрив неладное. Но я не дала ему времени:

— Хочешь освободить меня, бей!

За его спиной жутким голосом взревел монстр с моим лицом и кинулся на того, кто оказался ближе всех, на Райно. А я отчаянно замолотила слабеющими руками по стеклу и снова заорала:

— Кей! Разбей зеркало, умоляю!

Кейдан, оглянувшись на монстра и сжав побелевшие губы, выхватил из ножен меч и что было сил ударил навершием рукояти по стеклу.

Осколки брызнули в разные стороны дробясь и режа острыми гранями мою тюрьму и меня.

— Шивон?! Нет!

— Спасибо. Прости.

Как жаль умирать. Да еще так глупо и рано. Но зато я еще успела увидеть и услышать, как потусторонняя тварь, едва не вырвавшаяся на свободу, с диким визгом разлетелась хрустальной крошкой, не успев никому по-настоящему навредить. Даже Райно. Этот идиот заслуживал смерти, но я рада, что успела его спасти. Жаль, что пришлось обмануть Кейдана. Но ведь смерть это тоже немножко свобода? Не хочу умирать. Обидно. Кейдан Чего бы я только ни отдала за возможность выжить и вернуться! Белый туман обступил со всех сторон, и откуда-то из его глубины мне вдруг послышался женский голос. Он звал и просил, а еще обещал отдать жизнь, если я что?

Глава 3

Ох больно.

Везде больно. Такое впечатление, что осколки разбитого зеркала не просто изрезали мое тело, а попали внутрь, и мелкое острое крошево течет по жилам вместо крови, режа и царапая изнутри. Так. Но если больно, значит, я жива? Значит, я все же дотянулась до голоса в тумане и взяла чужую жизнь в обмен на что, кстати?

«Дети, — всхлипнул вдруг кто-то совсем рядом. — Мои дети!»

— Что? — в горле пересохло, язык ворочался с заметным трудом, и я закашлялась.

Какое странное ощущение. Словно я не я.

«Конечно, не ты, это же мое тело, — тоскливо отозвался все тот же голос. — Но ты обещала!»

— Что обещала?! — я резко села и тут же тихо взывала неприятные ощущения нахлынули с новой силой. Стекло крошево в крови оживилось и пустилось в пляс по венам. Но это уже мелочи, гораздо больше меня волновал ответ на вопрос. Клятвы мага это же очень серьезно! Что я могла такого пообещать в обмен на жизнь?!

«Не бросать моих детей», — голос явно был женским. Печальным таким. Я собралась с духом и открыла глаза.

Ох, тварья мать! Где это я? И почему со мной разговаривает странная штука, похожая на цветной матерчатый гриб на тонкой ножке, да еще с хвостом?

«Это называется лампа, — все так же печально, чуть ли не умирающим голосом сказал гриб. — Господи, это даже не смешно.»

— Абсолютно не смешно, — согласилась я, продолжая оглядываться.

Тесная каморка, даже меньше, чем башня, в которую меня заточил Райно. Я бы подумала, что нищенская, но на полу хороший ковер, стены ровные и оклеены чем-то явно дорогим на вид, мебель очень непривычная, но сложная и новая. И зеркало, зеркало, которое разбилось, огромное, от пола до потолка, вделанное в дверцу шкафа, полного вещей из недешевых тканей Я снова перевела взгляд на странный гриб-лампу, и тут вдруг в закрытую дверь каморки заколотили ногами, а потом и вовсе принялись выламывать.

— Шура, ты там? — кричал новый голос из-за двери. — Отзовись! Открой дверь!

«Мужу позвонили, — растерянно сказал гриб. — Ох, что теперь будет?»

— Какому еще мужу?!

«Моему. То есть теперь твоему. Бывшему».

Тварья мать, лучше бы я просто сдохла, попытка встать окончилась неудачно я вдруг увидела свое отражение в зеркале, поперхнулась воздухом и позорно рухнула в обратном обморок.

Тихая ненавязчивая музыка звучала где-то внутри моей головы. Я прислушалась и с удивлением поняла, что довольно сложная мелодия в какой-то момент нелогично обрывается на полноте и начинается сначала, замыкаясь в круг. Что это?

— Гипертонический криз, — произнес мужской голос, и музыка прекратилась, что-то звякнуло, брякнуло, словно на деревянный стол поставили металлический предмет.

Руку больно кольнуло, я почувствовала холод входящей под кожу иглы и попыталась дернуться, но безуспешно.

— Можем, конечно, госпитализировать, — как-то кисло ответил мужской голос на чье-то неясное бормотание. — Но сами знаете по ОМС отвезем в районную больницу, а там в

выходные только дежурный врач, и тот к вечеру никакой. Ну да сами, в общем, решайте. Давление мы сбили.

— Нет, никаких больниц, — безапелляционно заявила какая-то женщина, судя по тембру немолодая, но очень уверенная в себе. — Там просто некому будет за ней присматривать, и вообще сегодня я еще согласна потратить свое время, но ездить каждый день на другой конец города извините. Вообще, этого следовало ожидать, при таком безответственном отношении ко всему буквально, в том числе и к собственному здоровью. Я всегда говорила...

Противная тетка нудела и нудела, ей отвечали не очень громкие мужские голоса, пару раз кто-то всхлипнул на заднем плане, вроде бы ребенок.

Так. Открыть глаза или пока не стоит?

«Да ничего интересного ты не увидишь, — вздохнул гриб на ножке. Этот голос я уже узнала. — Свекровушка, пьющая кровушку у всех, до кого дотянется. Гадина старая, к родным внукам ей лень ездить, ничего, что их мать чуть не сдохла».

Я недоуменно замерла. Комментарий гриба прозвучал довольно громко и отчетливо, а «свекровушка» и те, с кем она разговаривала, не обратили на него ни малейшего внимания, как будто не слышали.

«Да они и не слышат. Только ты, потому что оказалась в моем теле. Сейчас, подожди, она насосется и отвалится к себе домой, упырица ненасытная, тогда я тебе все расскажу».

Тварья мать, вот это я влипла. Хотя после того, что случилось, вся эта нелепая возня в странной комнате с зеркалом и говорящим грибом не так уж и плохо. Гораздо хуже было бы без остатка раствориться в небытии, после того как зеркальный монстр доел мою магию и принялся бы за душу. А так, выходит, я от него сбежала в куда? В чужое тело?

«В мое, — тут же уточнил гриб-лампа. — В тело Александры Михайловны Петровой, тридцати пяти лет, матери-одиночки двоих сыновей. РСР».

Это что за зверь? РС чего?! И как это мать-одиночка, если есть свекровь? Вдова, что ли?

«Да если бы! — невесело вздохнула лампа. — Вон он, муженек, примчался, как же, бесплатная сиделка-нянька-обслуживалка поломалась! Надо же что-то делать, а то его новой молодой женушке не нужны его детки в ее новой шикарно обставленной квартирке».

Так, погодите. Что-то не стыкуется. Какая, к тварьей матери, новая жена у мужчины, у которого есть старая тьфу, вот эта вот жена всего тридцати пяти лет девчонка совсем! Когда он успел заделать ей двух детей, извращенец? И с какого перепугу тогда она одиночка?! Тварья мать, меня что, занесло в чокнутый мир каких-то пустынных придурков, у которых гаремы?! Хотя и тут не клеится. У пустынных первая жена, да еще родившая сыновей, никогда одна не останется, она же мать наследника. Она, может быть, и старая, но зато старшая! В авторитете. А тут чего-то не похоже.

Лампа-гриб-старая жена тридцати пяти младенческих лет вдруг отчетливо захихикала. Но как-то невесело.

«Нет, у нас современное общество, где никто никому не должен, — пояснила она. — Особенно мужчина женщине. А женщина как раз должна, причем всем. Особенно если она мать».

Эм, тварья дупа, я попала в ад. Тьфу, зараза, так и знала, что ничем хорошим дурацкая придумка сумасшедшего Райно закончиться не могла. Но чтоб настолько?!

— А я вам говорю, оставьте лекарства и рекомендации. Я проконтролирую, чтобы Шура выполняла все предписания. Ей наверняка пойдет на пользу специальная диета, заодно сбросит лишний вес и станет похожа на человека. Что? Глупости, какое еще переутомление? Где она может переутомиться, дома, занимаясь детьми? Короче, не морочьте мне голову, выпишите лекарства и...

— Да нам-то что. Пишите отказ от госпитализации, и дело с концом.

— Дамочка, быстрее пишите, вы и так отняли у наряда кучу времени.

— Вы невоспитанный хам, и я обязательно напишу на вас жалобу! Уходите!

М-да. Похоже, надо открывать глаза и разбираться с этой визгливой старухой, у меня от ее голоса в голове звон и противные оранжевые круги перед глазами. Надеюсь, лампе эта бабка не слишком дорога, как память о бывшем муже?

«Да век бы не видела. Только ее попробуй выставь. Слово поперек скажешь она потом полгода будет припоминать, напакостит, где только сможет, и ни за что не повезет больше младшего ни на кружок, ни к врачу и Вите будет петь в уши, и...»

Так, отставить нытье! Не знаю пока, что тут за кружки, мужья и младшие, а эта бабка мне точно надоела.

Глава 4

Я все же открыла глаза и попыталась сесть. Так. Какова диспозиция для боя? Я все в той же комнате с разбитым зеркалом, но не на полу, а на какой-то узкой и неудобной кушетке. Рядом со мной переминаются с ноги на ногу двое мужиков в странных салатовых одежках и шапочках. Один из них складывает в большой саквояж жутковатого вида железки и другие непонятные штучки.

«Это врач из скорой помощи, — любезно пояснила Лампа, тьфу ты, Александра. — Они сделали укол, снижающий давление, а в остальном им пофиг. Может, попробуем их задержать? А то страшно»

Нет уж. Пусть проваливают, мне они не нравятся, со своим здоровьем я как-нибудь сама разберусь. Если я не чувствую сейчас в теле ни капли магии, это не значит, что ее не появится со временем. А если вернется хоть толика — без лечения я точно обойдусь.

Так, смотрим дальше. На кушетке в ногах сидит довольно потрепанный мужик с бледноватым и брюзгливым лицом бывшего красавчика и первостатейного зануды.

«Ну почему сразу бывшего? — обиделась Александра. — Он и сейчас ничего не то что я».

М-да-а-а, если мое новое тело выглядит еще хуже, чем этот мужик это плохая новость. Ему же лет двести на вид, а то и все двести пятьдесят! Старый извращенец, кто ему разрешил совращать ребенка?

«Он мой ровесник!» — почему-то обиделась Лампа.

Тварья мать. Как все плохо и непонятно Ну да ладно, потом разберусь, смотрим дальше, благо все присутствующие на пару секунд зависли, разглядев, что я очнулась.

Так, а вот и свекровушка, любительница кровушки. Тут я не ошибусь во-первых, больше противных старух в комнате не наблюдается, а во-вторых, в ее холеном и старательно накрашенном лице угадывается заметное сходство со старым извращенцем. Что интересно, детей я в комнате не увидела. То ли выставили, то ли им самим не хотелось тут находиться пока не знаю. Ну да и ладно.

— Наконец-то! — старая гримза поджала губы и посмотрела на меня как на бесхозного зомби, выползшего из-под мусорной кучи на ее заднем дворе. — Надеюсь, больше ты не станешь выкидывать таких фокусов! Безобразие, ты напугала детей, сорвала с работы Витеньку, отвлекла меня от важного дела, и все из-за какой-то ерунды и собственной безалаберности.

«Важное дело у нее. Опять морщины подтягивала в клинике, — пробухтела у меня над ухом Лампа. — Скоро вместо носа две дырочки останется, а уши можно будет на затылке бантиком завязывать».

Интересно, а вслух бывшая владелица тела такая же смелая была? Или это она выступает в разговорном жанре только потому, что ее никто, кроме меня, не слышит? Ах, простите я прислушалась к суфлированию Александры и сладким голосом продолжила:

— Валентина Дмитриевна! Какая досада, что я со своей глупой болезнью оторвала вас от такого важного дела, как косметическая подтяжка лица. Вам без нее действительно никак не прожить, это ведь жизненная необходимость отдать несколько сотен тысяч, чтобы выглядеть моложе своих шестидесяти пяти лет.

Лампа, никем, кроме меня, не слышимая, запищала от ужаса, и мне показалось, что она даже своим хвостом задергала в попытке убежать и спрятаться. А вот я как ни в чем не бывало честно вытаращилась в багровеющее пятнами личико вредной тетки и заботливо спросила:

— Что такое, мама, вам нехорошо? Доктор! Доктор, не уходите, нашей бабушке плохо!

И, пользуясь тем, что все совершенно ошалели от такого моего выступления, я села на кушетку, а потом прицельно пнула бывшего мужа Александры ногой, спихивая на пол:

— Витя, что ты сидишь?! Задержи докторов и подай матери воды! Не видишь, пожилого человека сейчас удар хватит?

«Его сейчас самого удар хватит, — мрачно прокомментировала Лампа. — Ты ему свекровь сдала, как стеклотару за бутылку водки Он знать не знал, куда его маман такие суммы тратит из тех, что он ей на лечение выделяет. Она-то пела про сердце и желчный».

Ничего, значит, вдвойне полезно обоим правду узнать.

«Она мне, то есть тебе, этого в жизни не простит, — совсем впала в уныние Александра. — Сожрет теперь».

Подавится. Я сама кого хочешь сожру. Тем более дамочка вовсе не выглядит чудищем, обычная манерная тетка рухнула на стул, обмахивается платком с видом умирающей моли и мелкими глоточками пьет воду из стакана, которым ее любезно снабдил мужик в салатовой пижаме. Причем мужик этот выглядел подозрительно довольным, хотя его опять задержали. И второй от двери лыбится. О, подмигнул! Мне. Кажется, эта гримза и их достала.

А бабушка все старается, делает вид, что прямо сейчас кони двинет, и даже не смотрит на своего Витеньку. Тот тоже, гляжу, расцвел пятнами, прямо жаб-бурбулюк с Потрехонских болот. Это у них семейное, похоже. Но скандалить на людях постеснялся. Жаль, я бы понаблюдала с удовольствием, мне же надо знать, чего ожидать от этих персонажей в будущем. Нет лучше способа, чем вот такое представление, где люди теряют выдержку и показывают свое нутро.

«Витенька» тем временем пошел провожать мужиков в пижамах до двери, и, как только они скрылись из комнаты, свекровь моментально перестала умирать. Выпрямилась на стуле и вперила в меня ненавидящий взгляд.

Лампа на заднем плане, кажется, упала в обморок. Ну что сказать, я ее понимаю. Это мне пофиг на чужую родню, а для Александры это мать мужа, старшая женщина в роду. И хотя я бы на ее месте все равно не позволила так с собой обращаться, в Шурочкину сторону бросить камень у меня рука не подымется. Не все рождаются боевыми магичками. А эта ведьма, судя по ледяным глазам и кривой усмешечке, и правда умеет устроить окружающим веселую жизнь.

— Вот, значит, как, Шурочка, — прошипела бывшая свекровь. — Мало того, что ты испортила жизнь моему сыну, дрянь неблагодарная, ты еще и мне смеешь вредить? Тебе это дорого станет.

— Посмотрим, — я ответила прямым безмятежным взглядом, чем привела старуху в замешательство. Она ждала, что я испугаюсь и начну просить прощения? Похоже. — Вы ведь, Валентина Дмитриевна, уже в том возрасте, когда пора подумать о том, кто за вами в старости будет ухаживать, воду подавать, горшки менять.

Я смотрела прямо в лицо старухи и понимала, что интуиция меня не подвела бью в цель.

Она испугалась, хотя и старалась этого не показывать. Откуда я это все узнала? А насмотрелась в свое время таких вот дамочек за триста, выпивших все соки из родни и прислуги. Ко всем своим милым привычкам они еще и трусливы, крайне подозрительны, всегда ждут подвоха и никому не доверяют, кроме тех, кого смогли сломать и превратить в своего раба. Поэтому я, все так же по наитию, под обморочное молчание Лампы продолжила:

— Очень сомневаюсь, что новая жена Витеньки будет этим заниматься. Да и на него самого надежд нет. А вы ведь так не любите пускать к себе в дом чужих людей, особенно по найму. Или обкрадут, или отравят, да? Так что на вашем месте я бы хорошо подумала, прежде чем портить отношения с единственным человеком, на которого вы могли бы рассчитывать.

— Да я... да я куска хлеба из твоих рук не возьму! — опомнилась наконец свекровь. — И все расскажу сыну, пусть знает, какую неблагодарную змею мы пригрили!

— Ну мне же легче, — я пожала плечами и безжалостно продолжила: — Не придется за

старухой ходить. А насчет змеи и Витеньки, вы забыли, наверное, что я в курсе не только о подтяжке лица. И тоже много чего могу рассказать.

Тут я, конечно, стреляла наугад: Александра до сих пор молчала как настоящая лампа. Но, судя по вытянувшейся физиономии свекровушки, я снова попала точно в яблочко.

Глава 5

Что интересно, бывший муж Александры в переговоры так и не вступил. Такое впечатление, что его все же самую малость мучила совесть, но ему эти муки активно не нравились, и уж он их душил-душил, душил-душил а в процессе ему было не до бывшей жены, и вообще, смотреть на нее неприятно. Так что он общался с «докторами из скорой», с мамочкой своей, с детьми где-то там, в «прихожей», а для Шуры у него доброго слова не нашлось, кроме беглого «выздоровливай» через дверь. А еще он воровато оставил на столе цветные бумаги. Про них, едва оправившись после шока, Лампа сказала, что это деньги. Грустно так сказала, ей было больно от равнодушия когда-то любимого человека и отца ее детей, который теперь откупается от нее мелочью, как от побирушки.

Ну а для меня как раз все было к лучшему. Я дожидаться не могла, когда все эти незнакомые и не слишком приятные люди уберутся восвояси и я получу, наконец, возможность закрыться в этой тесной каморке и выспросить Лампу подробно: какого демона здесь происходит и как так получилось. Я через дверь слышала, как мужчина прощается с сыновьями, и с интересом ждала, додумаются ли юные обитатели этого дома заглянуть к матери, проверить, как она вообще? Или оба настолько в папочку, что решат лишней раз не беспокоиться?

Впрочем, вроде бы они еще совсем маленькие. Александра тихонько вздыхала на столике, я прошлась немного по комнате и по подсказке Лампы сходила по естественным надобностям, как только гости отчалили. А удобно тут у них все устроено, хотя и ужасно тесно. Потолок такой низкий, мне все время кажется, что вот-вот упадет на голову. Но зато удобства без магии, а работают на ура! Называется кана-ли-за-ция. Надо запомнить.

Дети, уразумев, что мамаша хоть и медленно, но ползает, почти совсем успокоились. Старший, с которым свекровушка успела пошептаться перед уходом, почти сразу скрылся в своей каморке, и оттуда стали доноситься звуки «компьютерной игры». Шура так сказала. Потом узнаю, что это за зверь такой и чем недоросль так занят, что даже к матери больной не зашел. Глянул только от двери, убедился, что больше не падаю, фыркнул и отвернулся. Прелестно. А вот младший через пять минут пришел под бочок. Я только-только настроилась расспросить Александру, а тут он, с подушкой, мишкой и выпяченной нижней губой, как у готового зареветь трехлетки. Вроде большой уже парень, лет десять на вид.

Шура вон разохалась, как над младенцем, а у меня сработали инстинкты этого тела. Я приподнялась на своем неудобном ложе и приглашающе раскинула руки, куда вся эта компания из мальчишки, подушки и мишки с радостью бросилась. Я не то чтобы опытный воспитатель, своих детей мы с Кейданом так и не успели завести. Но мелких вообще-то люблю и повозиться с ними всегда соглашалась с удовольствием. А этот вроде бы не чужой этому телу.

Но сейчас мне как можно скорее хотелось узнать, куда я все же попала, и нахально отжавший вторую подушку короед, с удобством устроившийся на явно привычном месте чуть ли не прямо посередине маминой кровати, этому делу мешал. Он посопел-посопел да и задрых, а мне как разговоры разговаривать? Тьфу ты! Вот дура. Лампу ведь, кроме меня, никто не слышит. И она вполне отвечает на мои мысли. Значит, живем, значит, сейчас будет информация. А короедик пусть дрыхнет пока, потом подвину. А то умиление-умилением, а мне тоже надо нормально спать, не мостясь по краешку кушетки без одеяла и подушки.

Этот ночной разговор запомнился мне на всю жизнь. Мне и горько было за эту несчастную женщину, и зло брало на то, как она позволила с собой обращаться, и сочувствие накатывало волнами.

Потому что хорошо осуждать чужое малодушие или недогадливость со стороны и с позиции силы. Когда сама ты любимый балованный ребенок, бой-девка на улице и в младшем скулисе. Хорошо, когда у тебя в тринадцать лет с первой кровью приходит магия и твой потенциал таков, что другим бы позавидовать. Хорошо быть уверенной в себе, имея за плечами прочный тыл, клан родни, деньги. Хорошо.

И даже это не спасло меня от большой любви бывшего друга, от предательства и неверия друзей, от смерти. А Шура обычная девчонка из провинции, замотанная хозяйством мать, добрый и порядочный, но выпивающий отец, младший брат-оболтус. Сначала родили няньку, потом ляльку. Мальчик свет в окне, ему все самое лучшее, самое вкусное парню нужнее, он будущий мужчина, кормилец. А тебе маме надо помогать, девочка-хозяйюшка, да что тебе этот факультатив, ты главному учишься, чтоб замуж удачно выйти и жить счастливо. Все остальное глупости, все так говорят, и в книгах пишут. Все эти бизнесвумен в итоге несчастные и одинокие старухи, толку от ее успехов, если детей не родила, семьи не построила?

У меня от такой постановки вопроса аж волосы на Шуриной голове зашевелились. Это что за?! Короче, много там было обычного до тошноты и невеселого. Мелочи из тех, что капелька за капелькой любой камень сточат. Девочки это особые существа. Девочкам нельзя кричать, спорить, отстаивать свое, не дай боги, драться! Вот мама на папу никогда не кричала и не ругалась, даже когда он домой на рогах приползал. Поднимала, отмывала, укладывала, а утром еще и рассолу подавала. Погода в доме женское дело, а мужчины они как дети, ласку любят. Будь мудрее, будь мягче. Ты будущая мать и жена, и никак иначе! Ведь без мужа женщина ничто, любые ее достижения ерунда, если за подходящие штаны не выскочила. И учили, учили все детство быть послушной девочкой, старшим никогда не перечить, с братом не ругаться, «уступи, тыжедевочка, тыжестаршая, тыжумнее».

Удивительно разве, что Шурочка как огня боится любого конфликта и не переносит разговоров на повышенных тонах? Что недолюбленная девчонка, у которой в семье ласка была только для «мужчин-детей» (это вообще что за ужас?! Я всегда думала, что мужчины такие же люди, как все, а не половозрелые младенцы), так приросла к тому, кто по-настоящему пригрел? Нет, само-то по себе это ведь прекрасно! И женой, и матерью, да. Но зачем так откровенно выпихивать дочь из дому в восемнадцать, дескать, замуж иди, пора, провыбираешься до двадцати, останешься старой девой, никто и не возьмет, вот тогда наплачешься! А Шура вон и школу закончила неплохо, уехала в столицу, поступила в хороший вуз, училась не без успехов, кое-чему даже научилась, хотя диплома так и не получила. Была веселой, легкой, женственной. И за первого попавшегося не пошла, выбрала своего Витю. И неплохо ведь жили! Виктор был хорошим мужем, ну, до того, как добрым, ласковым, заботливым по ее меркам. Красиво ухаживал, слова говорил Все как в сказке!

Глава 6

И Шура справлялась с детьми и хозяйством, ей это нравилось. Пусть и Антон болел поначалу много, но выправился ведь! Дом сиял, все знакомые нахваливали ее способность наводить волшебный уют и готовить такие обеды, что пальчики оближешь. И сыновья у нее умницы и вовсе не слишком избалованные! Просто развод, стресс, вот и покатило все к бесам. А раньше ведь все было правильно, как бабушка когда-то учила. Муж не пьет, не бьет, деньги приносит в дом, к жене ласков чего еще надо?

На мое скептическое хмыканье она только невесело вздохнула. И стала рассказывать дальше. Про то, что не такая уж она и дура, в конце концов, и не лентяйка, и вообще Ну вот вроде жаб-то ее не то чтобы козел, изверг и паразит. И в то же время были некоторые настораживающие моменты. Например, только сын окреп и Шура решила в институте восстанавливаться кое у кого презервативы стали рваться и рваться, прямо каждый раз. Это такие штуки, которые м-да.

Чего только не придумают люди без магии. Но не суть. Очень вовремя вторая беременность подоспела. И сразу вдвоем на нее насели со свекровью: дети это счастье, как ты можешь вообще о чем-то другом думать, рожай, это же твое главное предназначение в жизни, мы все поможем И свои родители из провинции названивали, мозг правили.

Родила. Ну и какая учеба с двумя, которых оставить не на кого? Да и Антон, словно из ревности, стал снова чаще болеть, даже в детсад не отдать. Так, вечерами для Виктора отчеты разбирала, освоила даже какую-то 1С. Заклинание, что ли? А, неважно пока.

А еще через три года? Вроде позвали ее на хорошую работу по знакомству, как мелкий подросток, с перспективами, так надо же так совпало муж именно в день собеседования купил себе клубнику (это что за пакость такая? Ягода? Не люблю ягоды, и правильно), на которую у сына жутчайшая э аллергия? А, крапивница, понятно. Ну вот, и оставил на тумбочке в прихожей. Забыл, с кем не бывает. Деть, понятное дело, налопался и стал весь в папочку в малиновую крапчатку. С ревом, зудом и прочими радостями. Чуть ли не отеком гортани.

И если бы один такой случай, я бы тоже, как наивная Шурочка, решила ну случайность, с кем не бывает. Да только вот она, бедолага, нашла во мне свободные уши и все рассказывала, рассказывала. Таких случаев там не один был, и не два. Нет, больше клубничкой муж детей не кормил, но он то забыл, что Шура просила пораньше вернуться, ей надо бы на курсы этой самой загадочной 1С, и старшего из сада не забрал — бросай все и беги, то на работе неожиданно задержался, то Валентина Дмитриевна, милостиво пообещав пару часов посидеть с внуками, в последний момент оказывалась занята И прямо всегда та-ак совпадало все неудачно... или удачно кое для кого.

Как раз в это время примерно умер Шурин отец, мать стала много болеть и не могла приехать помочь с внуками, ей самой требовалась помощь. Витя не жадничал, всегда разрешал послать денег, хотя и ворчал временами, что там еще сын есть, здоровый лоб, квартиру на него переписали, мог бы и лучше о матери заботиться. Но это же не со зла? Помогать же не отказывался. А что не хотел жену на работу отпускать так это ведь потому, что любил, скучал без нее и о детях заботился! Фитнесы все эти, так она для него и так красивая была, он сам говорил! И что полнота к лицу, и что...

«Шура, ты дура? — в какой-то момент не выдержала я. — Они же тебя использовали, подстраивали это все и даже особо не прятались! Как ты могла во все это верить?»

«Сейчас и сама вижу, — вздохнула Лампа. — А тогда Ну подумай, это же не чужие люди, это муж, любимый, самый близкий защитник, опора. Как ему не доверять? Подозревать? Да мысли такой не было. Разве нормальные любящие люди так поступают со своими близкими? И потом он ведь просто хотел детей и чтобы я всегда рядом».

Лампа всхлипнула, а я мысленно сплюнула.

Тьфу ты, в самом деле!

«Да и не сразу ведь плохо стало. Знаешь, у нас говорят, что если посадить лягушку в холодную воду, а потом медленно и постепенно ее нагревать, то она сама не заметит, как

сварится. Вот так и я. Тут вроде мелочь, там промолчала, сям „мудрость“ проявила. И как-то вдруг постепенно оказалось, что я всем должна, а мне никто. И уют уже не тот стал, и я сама не та. Сейчас вспомнить, и подруг моих Виктор из моей жизни выдавил, и увлечения мои, если они не касались того, как поудобнее семью обслужить. А я, дура, ничего не замечала, пока гром не грянул».

Уфф-ф Короче, все сложно и грустно, но не безнадежно. Для меня.

Правда, сведений о мире, куда я попала, маловато. То есть они есть, но мельком, пришлось самой мозгами шевелить, чтобы выловить из невеселой Шуриной жизни крохи информации. А перебивать и сворачивать на нужную мне тему я не стала надо же человеку хоть раз в жизни выговориться, даже если она уже не она, а Лампа.

Главное, что я поняла здесь нет магии. Вот это может стать проблемой но решать я ее буду завтра. Утро вечера мудренее. Я осторожно сдвинула сладко посапывающего мальчишку к стеночке, не обращая внимания на его недовольное бурчание сквозь сон, на тихое оханье бывшей хозяйки кровати и тела дескать, разбудишь, он перенервничал и вообще маленький еще, и устроилась поудобнее. Хочет дрыхнуть в моей кровати, пусть привыкает к тому, что мне тоже надо место. И одеяло, кстати! Вот же шушрик гнездовой, замотался, окуклился и доволен. А мать мерзни! Нет уж. Я вам не Лампа. В смысле, не Шурочка. Поэтому устроилась вполне неплохо, отвоевав себе и подушку, и существенную часть кушетки, а сыночка обняла, как тряпичного бурбулю из своего детства, укрыла нас обоих одеялом и как провалилась в сон без сновидений. Все за-автра

Утро началось эпически.

— Мама! Мама! — благим матом заорал у меня кто-то над самым ухом. — Я из-за тебя проспал!!! Почему ты меня не разбудила?!

Инстинкты боевой магички оказались сильнее навыков этого тела, да я вообще забыла, что оно не мое, а я сама непонятно где. И отреагировала так, как привыкла реагировать на опасность: резко скатилась с ложа, сгруппировалась, отпрыгивая в сторону, и ударила на звук заклинанием остоленения. Кхм хотела ударить, но ничего не вышло. Магии как не было, так и нет.

Зато есть вострепанный, заспанный и красный от злости недоросль, застывший в шаге от дивана и с открытым ртом тарашившийся на прыгучую мать.

Глава 7

— Совсем ошалел, так орать с утра пораньше? — недовольно спросила я, поднимаясь с пола и набрасывая сдернутое одеяло на перепуганного спросонья младшего.

— Я ошалел?! — голос подростка дал петуха от возмущения. — Посмотри, сколько времени! Я опоздал на контрольную из-за тебя! Я вообще везде опоздал!

— Сыночек, тебе сколько лет? — обманчиво-ласково спросила я, одергивая на себе странную одежду, которую Шура вчера назвала футболкой. — На вид вроде достаточно взрослый, способен сообразить, что после вчерашнего приступа надо не просто самому о себе позаботиться, но еще неплохо бы матери помочь. Что, это такая сложная мысль?

С этими словами я отодвинула онемевшего парня с дороги и пошла в «санузел», это гениальное местное изобретение безмагичных существ.

— Бабушка сказала, что ты просто пытаешься привлечь к себе папино внимание! — сквозь дверь санузла донесся до меня приглушенный вопль опомнившегося как его? Антона. — Ничего серьезного с тобой не было! И вообще...

— И вообще, я не глухая, — выйдя из туалета, я ласково улыбнулась недорослю и тут же, пока он не успел еще чего-нибудь сказать, скрылась за другой дверью в ванной. И уже оттуда закончила: — А ты грамотный. Полюбопытствуй, там на столе выписка лежит. В ней написано, чье внимание я пыталась привлечь. Раз мои слова для тебя не авторитет узнай мнение врачей.

Контрастный душ удалось устроить с помощью здешних кранов даже без магии, поэтому я довольно бодро выбралась из ванной комнаты минут через пятнадцать. Пока мылась-вытиралась, успела оценить состояние тела. М-да подумаю об этом позже. А то чего-то даже в маленькое запотевшее зеркало над раковиной было страшно заглядывать, и я малодушно не стала его протирать. Вот сейчас чуть разгребусь, встану перед большим зеркалом в комнате Шурочка же только одно разбила, а втораядвигающаяся стеклянная дверь осталась целой и тогда разом оценю глубину задницы, в которую попала. И буду думать, как выбираться.

Что интересно, пока я мылась под текущими сверху струями, никто под дверью ванной больше не орал. Ну и отлично. Я спокойно прошла в свою комнату, из которой уже слинял мелкий, и полезла в шкаф, чтобы достать свежее белье и чистую одежду. Лампа-Шурочка вполне успешно руководила этим процессом со своего места, хотя по ее судорожным вздохам я поняла, что вопли сына ее взволновали и задели.

«Заходил, читал?» — спросила я вскользь у Лампы, натягивая довольно удобные черные штаны из плотной ткани, которые прежняя их хозяйка называла «джинсы».

«Нет, — угрюмо вздохнула Александра. — Он ведь правда опоздал все опоздали. И завтрак не готов. Паша по утрам любит какао».

«Шура, твои дети не безрукие, не безмозглые и достаточно взрослые, — мягко сказала я, оставляя на потом возможность внимательно рассмотреть собственное отражение в зеркале. Мельком я специально старалась не заглядывать, глупо и нерационально надеясь, что если сделаю все „правильно“, то смогу обнаружить в отражении свое собственное лицо. — Да, им еще нужна родительская защита и опека, но уж приготовить себе еду в таком возрасте мальчики умеют».

С этими словами, не слушая возражений, я вышла из комнаты и отправилась на кухню. Есть-то мне тоже хотелось! А учитывая, что я понятия не имею, как тут и что устроено, у старшего парня просто не будет выбора либо он мне поможет, либо все останутся голодными.

М-да-а-а, это я удачно зашла на враждебную территорию. Как боевой маг, я прекрасно умею приготовить еду с помощью магии или на походном костре. А здесь что-то непонятное, о чем я, умница, даже не подумала расспросить Шуру. И при этом на кухне обретается притихший младший с губами сковородником и вздрюченный старший. Сидят за столом. Смотрят на меня.

— А почему завтрак еще не готов? — задала я резонный со своей точки зрения вопрос.

— Так ты же проспала и не приготовила, — с презрительно недовольной интонацией выдал Антон.

— Сынок, ты плохо меня расслышал? — я прислонилась плечом к косяку и участливо посмотрела на подростка. — Мама заболела. Достаточно серьезно. У мамы после гипертонического криза очень плохо с памятью. Если и дальше на маме ехать, посвистывая кнутом, у мамы в мозгу лопнет сосуд и мама станет овощем, который тебе придется не просто кормить, но еще и эти менять... как их... — я пощелкала пальцами, вспоминая слово.

— Памперсы? — робко пискнул Паша.

— Вот! — обрадовалась я. — Они самые. Молодец. Так что считайте, что обслуживающая машина под названием «мама» поломалась.

Антон снова фыркнул, схватил со стола плоскую коробочку со светящейся цветной стеклянной поверхностью и начал тыкать в нее пальцем, а сам в это время, довольно зло косясь на меня, ушел в коридор.

Точно. Это же мобильник, Шура упоминала! Средство связи. Я слышала, он там разговаривает с кем-то. Кажется, с отцом и с бабушкой. И кажется, ни тот, ни другая не рванули решать проблему здорового лба с завтраком и опозданием. Папа на совещании, бабушка просто занята, и ей неудобно разговаривать. Понятно, почему в кухню вернулся не мальчик, а хмурый осенний день. Я, все еще стоя в дверях, спокойно его пропустила и мило улыбнулась в ответ на сердитый взгляд.

— Итак, сегодня ты тут за главного. Считай, что мы репетируем мою окончательную поломку и отказ памяти. Где у нас еда? Показывай.

Скрипнув зубами и пробормотав: «Хватит придуриваться», явно голодное дите вынуло из навесного шкафа пакет с хлебом, а из большого серебристого ящика, из которого пахло холодом, нечто, отдаленно смахивающее на...

— Может, ты и колбасу нарезать разучилась? — сын ехидно шлепнул на стол здоровенную розовую штуковину, чем-то похожую на трубу из прессованной ветчины.

— Ну почему, это как раз не разучилась, — я прошла, наконец, в это странное неизведанное помещение, огляделась, нашла нож их там несколько торчало из специальной подставки в виде железной банки, наполненной странными мягкими веревочками, между которых втыкались лезвия, и машинально подбросила с проворотом, определяя баланс. Так себе, но сойдет. И-и-и раз-раз-раз-раз!

М-да. Слегка переборщила с нарезкой. Куда нам столько-то? С другой стороны, у меня хороший аппетит, а нарезанная еда в холодильном ящике не испортится. Кивнув своим мыслям, я ловко через пол кухни закинула нож в ту самую держалку и только тут поняла, что в помещении стало очень тихо. Оба мальчишки таращились на меня, открыв рты и не дыша.

Ах ты ж, тварья дупа! Расслабилась!

— Ну, кто будет бутерброд? — преувеличенно бодро предложила я и потянулась за хлебом.

Но парни мою бодрость не разделили, глаза у них по-прежнему оставались квадратными. Тогда я демонстративно вздохнула и многозначительно постучала себя пальцем по виску, намекая на все то же объяснение дескать, это не я, это оно само. Поломалось. Ничего не знаю, я маленькая, я больная.

Глава 8

— Как это, не пойдем в школу? — совершенно обалдевший младший ребенок уронил на блюдце бутерброд.

— Ну обыкновенно, — я пожала плечами и намешала себе еще черной жуткой смолы из красивой банки с золотой этикеткой, на которой было написано: «Кофе растворимый».

Это я со старшего сына собезьянничала. На вкус гадость невероятная, даже с сахаром в виде белого песка. Но бодрит, бодрит! Как хорошее зелье от мастера гильдии.

— Вот вы когда болеете, остаетесь дома, я все бросаю, покупаю вам лекарства, готовлю вкусные вещи и вообще всячески люблю, правда? Во-от. Теперь моя очередь болеть, а вы будете меня лечить и ухаживать.

— То есть ты и работу прогуляешь? Но тебе тогда не заплатят! А я из-за тебя должен тренировку пропустить? — возмутился старший.

— Я же из-за тебя пропускала занятия, даже институт бросила. И потом, на контрольную ты уже опоздал, этот, как его УЖАБА? ОБЖ! Точно! Доклад по нему не приготовил, форма на тренировку не глажена. Смысл тащиться?

Я посмотрела на Антона серьезно-невинными глазами и пожала плечами. А он потерял дар речи. Еще бы, Шурочка у нас была свехопекающей и самоотверженной до потери пульса мамой, у которой любой прогул, любое недовольство преподавателей и любое отступление от правил вызывали чувство тревоги и чуть ли не истерику. А вот мне, во-первых, пока в принципе наплевать, своих проблем хватает, а во-вторых я слишком ленива, чтобы так квохтать над детьми. Даже над своими а тут странное дело: чем дальше, тем больше я двоих этих мальчишек именно своими и воспринимаю. Вот ведь времени прошло кусочек вечера, ночь и половинка утра! А у меня в самоощущении такие перемены. Впору насторожиться, но пока я в себе не наблюдаю желания расстелиться детям ковриком под ноги, паниковать рано.

— Антон, ты позвони, пожалуйста, мне на работу, скажи, что я заболела и не выйду на смену. Сегодня днем придет участковый врач и выпишет мне лекарства, надо будет сходить купить.

— Я позвони?! — кажется, чем дальше, тем больше сын уверялся, что мать действительно серьезно повредила мозгами.

— Ну да, — кофе у меня закончился, и я со вздохом отставила чашку. — А я вам с Пашкой в школу записку напишу. Взаимовыручка основа семьи!

— Какую записку, мам?! — похоже, Антон начал всерьез паниковать. — Кто сейчас пишет записки?! В классный чат в вацапе все сообщения шлют.

— М-да? В этом месте у меня поломка, — согласилась я невозмутимо. — Но постараюсь вспомнить. После того как ты позвонишь на мою работу.

Вообще, конечно, мне сейчас больше всего хотелось сбежать в «свою» комнату и там немного побиться головой о целое зеркало. Вдруг получится провалиться обратно, пусть даже в башню. До меня только сейчас дошло, что за перипетиями Шуриной семейной жизни я толком ничего не узнала о мире, в который попала, и как бы мне действительно не отъехать в дом для скорбных разумом, если я слишком сильно стану показывать, что не умею и не знаю простейших вещей.

Старший сын, похмыкав и несколько раз покосившись на подставку для ножей, в которую я больше не рисковала бросать острые предметы через всю кухню, пошел в комнату, принес оттуда еще одну плоскую коробочку с цветной поверхностью и демонстративно потыкал в нее пальцем. Я наблюдала с интересом, заодно точно убедилась, что здешние буквы я знаю и могу прочесть. А то совсем весело было бы.

Так вот, он тыкал в картинки, оттуда вылезали белые квадратики с текстами сообщениями, и я быстро сообразила, что именно так тут люди общаются на расстоянии. Ну-у-у-у здорово! Почти так же удобно, как магический вестник. Так вот, сын,

скептически шевеля носом, как капризный кролик, «отпросил» меня с работы, а потом толкнул коробочку-«мобильник» ко мне.

— Ну. Спасибо, Тош, — я как ни в чем не бывало подхватила приборчик со стола и потопала к себе. — Сейчас напишу вашим э... учителям.

И торопливо закрыла за собой дверь, кинувшись к Лампе: «Объясняй давай, где тут классный чат и что это вообще такое?!»

Уф-ф-ф-ф все оказалось не так страшно. Разобралась.

Заодно выслушала целую лекцию о школе и жизни детей в ней. А пока Шурочка мне ее читала, я решила все же собраться с духом и подойти к зеркалу. Воровато выглянув из комнаты и убедившись, что в конце концов осознавшие и оценившие идею прогула деточки плотно засели в своих комнатах у «компьютера» и планшета, я затворила дверь поплотнее, мысленно выругалась, обнаружив, что нет даже намека на внутреннюю задвижку. Видимо, вчера, когда врачи ломились в дверь, ее и снесли. Хотя а почему следов тогда не осталось? От выломанной?

О, тут ручка поворачивается и запирает! Поворачивалась и запирала, ага. До вчерашнего вечера. Теперь надо новую ставить. Я еще повздыхала. И пошла к уцелевшему зеркалу. Ну, раз-два-три! Скидываем халат и смотрим!

«Какого лысого гоблина твоему мужу еще надо было? — слегка удивленно спросила я через пару минут. — Натуральная блондинка, — я распустила кое-как стянутые в хвост волосы, и они рассыпались пшеничной волной ниже плеч. — Лицо правильное, глаза большие, нос прямой, губки бантиком. В теле, формы есть!»

Тут я с уважением приподняла Шурину большую грудь, вздохнула: всегда о такой мечтала, вот на тебе, называется и продолжила: «Это для меня, боевой магички, такое неприемлемо слишком большой вес и мало мышц. Непривычно и неудобно. Тяжко будет на тренировках и тем более в сражении. Но ты-то! Домашняя, уютная, дважды рожавшая женщина и все на месте! Пухленько, плавненько, складочки где надо, линии мягкие, животик вон какой уютный. Талия есть. Бедрa тяжелые, красивой формы, с ямочками, как мужчины любят. Грудь! Да за тебя пол королевства герцогов бы передралось, дай ты им на обнаженное тело полюбоваться!»

«Ты издеваешься, да?» — вдруг обиделась Лампа.

«С чего вдруг?» — я удивилась и не утерпела, еще раз повернулась к зеркалу другим боком, чтобы оценить силуэт. У меня, костлявой боевички, такого отродясь не было.

«Да о чем ты говоришь?! Я жирная корова, с пузом, с целлюлитом, и вообще! — вспылила вдруг Александра. — И никакие диеты не помогают, хоть голодом себя замори! Только хуже становится, неудивительно, что Витя ушел к другой, она за собой следит. Возьми телефон, глянь! У меня там есть фотографии с их свадьбы и медового месяца. Свекровушка прислала, сволочь старая! А я, дура, даже не удалила, словно рану ковыряла пальцем!»

«Э-э-э-э...» — больше слов у меня не было. Но пошла и взяла «мобильник», нашла фотографию, посмотрела.

«Знаешь, Шурочка, твой Витя либо идиот, либо извращенец. Из этих, любителей маленьких девочек и даже мальчиков. Потому что такие тощие лапки, острые коленки и ребра вместо женской груди бывают у детей, а нормальная, здоровая, взрослая женщина так выглядеть не может!»

Лампа икнула и перестала трагически всхлипывать. Я хотела добавить еще пару штрихов к портрету ее бывшего мужа, но тут в коридоре раздался быстрый топот, и дверь без стука распахнулась.

Глава 9

Как я успела за полсекунды схватить и натянуть халат это отдельная магия, на которую я себя, если честно, способной не считала. Но вовремя она появилась, потому что вломившийся в комнату без стука младший ребенок явно не тот персонаж, перед которым матери стоит рассекать в голом виде.

— Мама! — с порога возопил младший наследник. Я тоже играть хочу! А он не пускает, он и так целыми днями, а мне тоже, а когда, а пусть уступит, МАМА-А-А!!! Папа сказал, что это для двоих компьютер!

«Вот потому надо было в школу их вести, — мрачно прокомментировала эти вопли Лампа. — Теперь весь день от экрана не отлипнут. Еще и передерутся пятьдесят раз».

Голос младшего сыночки именно в этот момент набрал какую-то особую пронзительную визгливость, у меня зазвенело в ушах, я шагнула к пацану и мягко, но решительно закрыла ему рот ладонью, придерживая другой рукой за затылок.

— Ти-хо, — шепотом сказала я ему на ухо, наклоняясь поближе. — Во-первых, надо было постучаться. А во-вторых, у мамы и так голова поломалась, ты хочешь ее добить? Нет? Умница. Значит, можешь продолжать орать, но только шепотом, договорились? Кто не шепотом, того я укушу за нос!

Глаза у детеныша стали по золотой монете, но главное, он перестал верещать.

Я удовлетворенно кивнула, параллельно выслушивая бухтение Шурочки по поводу компьютерных игр, и велела Пашке:

— Я забыла, из-за чего вы ругаетесь. Так что пошли, покажешь и объяснишь. Но шепотом, договорились?

Сынок закивал, то ли радостно, то ли удивленно. Решил, что мать сейчас отберет игрушку у брата и отдаст ему? Ну а я, на минутку выставив его в коридор, оделась нормально и пошла разбираться, что там не поделили два маленьких чудовища.

«Ноутбук» волшебную книгу в комнате Шурочки я уже видела и даже включала под руководством хозяйки, но в комнате Антона стоял совсем другой агрегат. Здоровенная плоская штука с движущейся картинкой на ней, большой черный ящик и еще штука с буквами-квадратиками на столе под руками мальчишки. Он азартно елозил и щелкал какой-то блямбой по столу и напряженно рассматривал бегающих по картинке сикарашек.

Обиженно сопящий Паша за руку подвел меня к столу и ткнул пальцем в старшего брата, а потом в картинку:

— Вот!

— Вижу, — согласилась я, с интересом рассматривая шустрых козявок, скучковавшихся прямо посередине изображения, и пока игнорируя громко сопящего старшего.

Тот делал вид, что никого тут больше нет, никого он не замечает, тем более что у него на голове была надета такая смешная штучка, похожая на коромысло, с круглыми набалдашниками, прикрывающими уши. И я слышала, что там, в набалдашниках, есть звук, который, видимо, достаточно громок для Антона, но не для нас. Тварья дупа, как тут все интересно и сложно устроено!

— Я тоже хочу поиграть! А он не дает!

— Иди отсюда, ябеда, — сквозь зубы процедил старший, косясь на меня из-под своего коромысла с легким вызовом.

Хм-м-м-м, хм-м-м-м. Я огляделась, нашла в комнате стул, поставила его рядом с Антоном и уселась, внимательно разглядывая, что там происходит на картинке с сикарашками.

— Что это за игра? Раз вам так обоим интересно, я тоже хочу разобраться!

— Ты?! — Тошка так удивился, что даже сдвинул блямбу с одного уха и уставился на меня так, словно вместо матери увидел, к примеру, жареную курицу, которая задала ему вопрос по теории построения заклинаний в условиях разреженной магической среды. — Хочешь разобраться?!

— А я что, рыжая? Вам весело, а мне нельзя? — я отобрала у сына коромысло и немного неловко напаялила его себе на голову. — Ух ты! Как все хорошо слышно! Только ни твари не понятно.

В этих штуках слышалась музыка и слова на чужом языке.

— Я с английским интерфейсом играю, — процедил, слегка опомнившись, недоросль. — Ты все равно не поймешь.

— Ха! — азартно хмыкнула я, отбирая у него и ту штуку, которой он по столу елозил. Я уже успела разглядеть, что ею он как-то руководит сикарашками на картинке. — А ты такой глупый, что даже объяснить не сможешь? Значит, сам не умеешь толком играть, а куда же!

Кажется, это заявление поразило мальчишку в самое сердце. Он приоткрыл рот и пару минут просто молчал, а потом возмутился и... Короче, развела младенца на слабо, взрослая тетка. И нет, мне не стыдно.

Через час мы вдвоем азартно орали и спорили, а я как вцепилась в «мышку», так ее и не отдала, самостоятельно достраивая «замок» в «Майнкрафте» и отбиваясь от ночных монстров. Эта игрушка оказалась ужасно интересной и вовсе не глупой.

Кроме того, оказалось, что в этом мире огромное количество людей буквально живет в той картинке на «экране», постоянно общается между собой на «английском» языке и еще иногда высмеивает тех, кто пишет в «чате» с ошибками. Так что старшему сыну пришлось все время лазить в «гугл-переводчик» и смотреть не только как переводится, но и как правильно пишется то или иное слово. А Паше он презрительно заявил, что тот не знает английского, так что «нефиг позориться».

— А я выучу! — запальчиво орал младший, прорываясь к экрану. — Mam, mam! Я выучу же? Ой! Смотри, монстр! Быстро же надо.

— Уйди, злодей, мама сама знает, как монстров бить, — пробурчала я, вызвав у обоих сыновей немного нервное хихиканье.

Тварья дупа, эта игрушка оказалась очень затягивающей. Я обо всем забыла и о Лампе, скучающей в соседней комнате, и о том, что мне бы по-хорошему информацию собирать и в мир вживаться вместо развлечений, и о...

Опомнились мы все трое, когда вдруг в животе у старшего взревел голодный монстр и его рык тут же подхватил страшный зверь из пузика мелкого.

— М-да, — я задумчиво «сохранилась» и вышла из игры. — Что-то я тоже есть хочу. Что у нас на обед?

С этими словами, не дожидаясь реакции мальчишек, я встала и пошла на кухню.

М-да-а-а а ведь после завтрака никто и не подумал убрать со стола и помыть посуду. Все так и стояло, образуя пока еще легкий беспорядок. И вчерашние чашки в раковине мокли потихоньку, ведь Шурочка так и не навела чистоту перед сном.

— Так что будем есть? — спросила я у сыновей, которые, как загипнотизированные, пошли за мной следом.

— Как это?! — наконец озвучил общую мысль Антон. — Ты ничего не приготовила, что ли? — и он с легким сомнением уставился на грязные бокалы.

Похоже, они его не то чтобы пугали просто было очень непривычно. Раньше ведь красота наводилась «сама собой», и таким же макарон на тарелке появлялась еда из воздуха.

— Сынок, это ведь я заболела, а не ты? У тебя-то с головой все в порядке должно быть, — довольно ехидно выдала я. — Сам подумай, если мы все трое дружно играли в Майнкрафт и чатились, то кто, по-твоему, должен был помыть за нами посуду и приготовить обед?

— Ты всегда готовила! — возмутился сын. — И убирала! И папа говорит, а бабушка...

— Тут нет ни папы, ни бабушки, — поправила я, усаживаясь на стул. — Есть только больная мама. Которая все никак не поймет: едим мы все трое, посуду пачкаем все трое, развлекаться, как выяснилось, можем одинаково. А готовить и убирать должна только я одна?

Глава 10

— Но ты же мама! Ты должна! — выдал сынуля, демонстративно сложив руки на груди.

— Кто сказал?! — поразилась я и склонила голову к плечу, с искренним интересом глядя на него.

— Но папа всегда говорил! — нашелся Антон и победно засопел.

— Ну, собственно, к папе тогда и претензии, нет? — я склонила голову к другому плечу и улыбнулась. — Вот когда он придет, можете с ним порешать это дело. А пока насущный вопрос что сейчас есть будем?

— Ты всегда раньше все делала и не выпен... не отказывалась, — непримиримо выпятил подбородок старший.

Младший пока помалкивал, переводя взгляд с меня на брата и хлопая глазами.

— Антоша, а помнишь, как ты раньше ходил на горшок, не выговаривал букву «р» и боялся монстра из-под кровати? — я, не сомневаясь, привела эти примеры, потому что если о мире Шурочка мне не слишком много рассказывала, то о детях она поведала достаточно.

— При чем тут это?! — тут же вспыхнул подросток.

— Ну как при чем. Ты вырос и изменился. Перестал делать какие-то вещи, которые раньше казались естественными, вот и я тоже.

— Выросла? — дите попыталось изобразить скепсис.

— Ну почти. Будем считать, что постарела. Ваш папа так и сказал: стала старая, поэтому он завел новую жену.

Антон приоткрыл рот и «завис», точно как этот здешний компьютер. И кажется, впервые в его голове что-то там провернулось по поводу папы-мамы и самой идеи бросить семью ради чужой тетеньки.

— Но ведь новых мам не бывает? — робко подал голос младший, и у него вдруг обнаружились глаза на мокром месте. — Я не хочу другую маму!

— Я как-то тоже не хочу в утиль, — мелкого пришлось поймать, притянуть к себе и потискать, поцеловать в макушку. Старший смотрел на это дело, задрал нос, но в глазах все же что-то такое мелькнуло. — Но если продолжать на мне ездить, я все же развалюсь на части и выбора у вас не будет.

— Пф-ф-ф!

— Вот тебе и «пф-ф-ф». Ин-тернет у тебя под рукой, прочитай про гипертонический криз и инсульт, — уже серьезно сказала я Антону. — Но это потом. А пока пошли все вместе смотреть, что у нас есть из провианта. Открывай холодильник.

Ну что, обедали мы снова бутербродами, правда на этот раз горячими: уж настолько моего кулинарного умения хватило даже в этом странном месте. Я, рисуясь перед мальчишками (поскольку они этого явно ждали), залихватски резала хлеб, остатки колбасы, помидоры, огурцы и сыр, Паша, старательно сопя, мазал ломти сливочным маслом, а Антон включил плиту (тварья дупа, я, наконец, подсмотрела, что вот эта стеклянная поверхность здесь нагревается, и поняла, как ее включить!), после некоторого раздумья таки нашел сковородку и помог раскладывать на ней бутерброды. Нормально поели только вот посуды грязной образовалось сразу много, а еще кончились сыр и колбаса.

Делать нечего, пора выбираться во внешний мир. Страшно но мне ли бояться?! Я на монстров в Залесье ходила с одним полуразряженным амулетом и раненой ногой, а тут не сумею в городе до продуктовой лавки смотаться? Еще как сумею! Но одна не пойду. В рамках приучения детей к совместной деятельности. Так что я озвучила свое решение сыновьям, выслушала бухтение Антона, радостно объявила ему, что кто чего принесет,

тот то и будет лопать, а кто ничего не добудет в битве за провиант, тот ляжет спать без ужина.

И пошла переодеваться. В комнате я опять полезла в шкаф, косясь на как-то совсем притихшую Лампу. Чего-то она, ой, а вдруг ушла?! Совсем исчезла, и я теперь осталась разгребать чужие проблемы одна?!

«Шура! Шур, ты тут?»

«Второй раз за день бутерброды это вредно для желудка, — пробухтела Лампа. — И вообще...»

«Уф-ф-ф, — я так обрадовалась, что даже не обратила внимания на ворчливый тон. — И вообще, Шур, что сами приготовили, то и полезно есть, не выдумывай. Это во-первых. А во-вторых...»

«Вы так весело там разговаривали, — перебила меня Лампа. — Тебе правда понравилась эта дурацкая игрушка? И английский. Паша терпеть не может английский, а тут кричал сам, что выучит. И Антон с тобой разговаривал, не просто фыркал, как в последнее время. И ты же ничего особенного или магического не делала! Знаешь, так странно. Я все время беспокоилась, чтобы дети были сыты, здоровы, чтоб учились, чтобы правильный психологический климат и совсем забыла, что можно просто как-то, и Тоша знает, оказывается, где у меня сковородки а мне казалось...»

«У тебя на это не было сил, — я достала чистые джинсы из шкафа и села на кушетку рядом со столом, на котором стояла Лампа. — На то, чтобы задуматься. Ты настолько была раздавлена предательством мужа, а потом забежалась и погрузилась вот в это все, что забыла даже, как дышать. Забыла, что ты человек, а не прислуга и не бытовой магический артефакт. А дела и усталость не давали тебе опомниться. Сейчас ты просто получила время на то, чтобы посмотреть на ситуацию со стороны».

«Только поздно»

«Не дрейфь, прорвемся, — повторила я фразу, подслушанную у сына. — Хочешь, пошли с нами в магазин?»

Мне вдруг стало так жалко ее! Это ведь Шурина семья, Шурины сыновья, а я явилась и развлекаюсь тут у компьютера, шучу и дразню мальчишек, а она сидит в комнате и может только слушать через дверь. Ну и что, что во многом она сама так все устроила в своей жизни? Ну и что?! Идеальных людей не бывает, и все мы ошибаемся. Особенно если рядом те, кто горазд в спину подтолкнуть и сверху наступить.

«Не потащишь же ты с собой торшер», — грустно усмехнулась Александра.

«Надо будет потащу, — я решительно встала и взяла Лампу за подставку. — Но сначала давай посмотрим, может, тебя можно разобрать на части и взять что-то одно, маленькое и незаметное?»

«Погоди!» — испуганно пискнула Шура, но я уже решительно сняла ножки абажур. Повертела его в руках, отложила в сторонку и спросила: «Ну как? Чувствуешь что-нибудь?»

«Ничего, — после некоторого размышления поведала моя собеседница. — Только видно стало лучше, и обзор круговой. Ух ты.»

«Значит, можно осторожно разбирать дальше, — сделала я вывод. — Слушай а как ты вообще оказалась в этой штуке? Я вот знаю, что моя магическая сущность попала в твое тело через зеркало. А ты как умудрилась? Почему не заняла мое тело там? Понятно, занимать было нечего».

«Я испугалась вдруг в последний момент, — призналась Шура. — Так плохо было, что хотелось не быть. Понимаешь, не умереть, а просто не быть. Я так устала, а потом вдруг я поняла, что... ну и испугалась за детей. Как бы там ни было, а им плохо без матери. На Витю надежды нет. Не бросит, но и внимания столько же не даст, не уследит, не позаботится как следует! И сама не знаю как, вцепилась в первое попавшееся на глаза. Вот, в лампу. Помню, она включена была и светила как маяк в темноте».

«Странная история. О, эта стеклянная штучка тоже выкручивается? Сейчас если вдруг почувствуешь себя хуже сразу ори, поняла? Я не думаю, что тебе в таком положении по-настоящему можно навредить, но лучше будем осторожными. Давай, тихонечно оппа! Ну как?»

«Не знаю странно. Я твои руки чувствую, теплые и от них словно энергия идет. Это, получается, я не сама лампа, а именно лампочка? Ты меня выкрутила?»

Глава 11

Пришлось придумывать, куда упаковать маленькую и хрупкую на вид штучку, в которой поселилась Шура, так, чтобы, с одной стороны, ей все было видно, а с другой чтобы не разбить. Кто его знает, возможно, это ни на что не повлияет. А если нет? Если, разбив хрупкий матовый стеклянный шарик, мы навсегда потеряем Шуру? Нет, что-то не хочется. Поэтому пришлось экспериментировать. Надо ведь, чтобы ей было все видно и слышно. Опытным путем было установлено, что корпус лампочки не стеклянный, а из какого-то довольно прочного матового пластика.

Сначала мы хотели сунуть лампочку в прозрачную пластиковую же баночку с ватой на дне, а потом все это запихнуть в карман джинсовой рубашки так, чтобы край донышка торчал наружу и Шуре все было видно. Но выяснилось, что банка в карман никак не лезет, а из сумки никакого обзора. Так и эдак вертели, а потом я завернула основание штучки в носовой платок и просто пихнула в кармашек.

Тут нам повезло, она оказалась «энергосберегающая и диодная». Я не особо поняла значение терминов, но усвоила, что светит такая ярко, ест мало и может быть маленького размера. Вот как Шура. Ну и двинулись. Правда, кое-кто бухтел, что надо проследить, как оделся младший, восьмилетний Пашка, но я цыкнула: нечего делать из здорового парня младенца! Трусы на голову не надел? Шнурки на «кроссовках» завязал? Вот и молодец. А все эти «пусть возьмет флиску, вдруг замерзнет» излишество и баловство. Один раз замерзнет научится одеваться по погоде или запасаться теплой одеждой сам.

Антон нарядился в смешной наряд, изукрашенный во всех местах эмблемами прикладной некромантии, и смотрел на меня с вызовом. Я поняла почему, когда Лампа в кармане развздохалась, и опять на нее шикнула. Правда, сначала выяснила, что некромантская символика не запрещена и по морде за нее на улице не бьют. Стражникам не жалуются, проклятиями не швыряют вслед. Ну и в чем проблема? Ах, не нравится? Ну, дорогая, он же не на тебе череп с языками пламени нарисовал, а на своей футболке. Чем бы дитя ни тешилось, хоть пусть на пузе себе скелет красками изобразит, вреда от него никакого. Зато ребенок доволен и менее конфликтен.

Страшновато было переступать порог незнакомого, но уже немного освоенного жилища, а куда деваться? Выпихнув за порог обоих сыновей, я под чутким руководством Шуры закрыла дверь на ключ и огляделась. Так. Это называется «подъезд», а вот там какая-то реально жуткая штуkenция под названием «лифт». Ну не-ет! В эту лязгающую ловушку я точно не полезу, даже ради поднятия авторитета в глазах детей!

«Тошка тоже боится лифта, — хмуро вздохнула Александра. — Мы один раз здесь на три часа застряли. Так что...»

— Пешком вниз пойдем, — решила я.

— У-у-у-у! — взвыл младший, который лифта не боялся.

— А ты, если хочешь, на лифте езжай, — разрешила я.

— Один?! — поразился Паша.

— Ну да, если тебе так нравится эта душегубка.

— Нет, — сумрачно засопел мелкий. — Один не хочу.

Вот так мы и пошли по лестнице вниз. Ужас! Я думала, что знаю, какие бывают высокие башни. Но здесь! Мы топали, и топали, и топали, а спуск все не кончался. Я насчитала семнадцать этажей, пока мы, наконец, добрались до выхода на улицу! И тут, на первом этаже, нас поджидали первые приключения. Когда мы подошли к двери и Антон нажал какую-то черную пупочку сбоку от нее, в приоткрывшуюся щель вдруг всунулась здоровенная черная морда с оскаленными зубами и оглушительно, на весь подъезд, рявкнула.

Собака! Здоровенная! И невоспитанная, судя по всему. Правильные собаки не лают без команды. Поэтому я, первым делом отшвырнув обоих сыновей куда-то себе за спину,

резко хлопнула протискивающуюся в щель псину ладонью по морде и прикрикнула:

— Сидеть!

Пес от неожиданности, а главным образом оттого, что услышал команду, выданную уверенным голосом, перестал лезть из щели, как мохнатое черное тесто из квашни, и хлопнулся на задницу.

Тут только я сообразила, что у меня в ушах тихонько звенит. То есть не звенит, это Шура пищит на одной ноте. Ой, тварья дупа, она собак боится?

«Нет! Не боюсь! Но это не собака, это невоспитанный крокодил! А хозяин у него невоспитанная сволочь!»

И действительно, вслед за лохматой горой в подъезд втиснулся здоровенный детина в кожаной куртке, бритый налысо и с надбровными дугами натурального тролля. Увидев нашу компанию: меня в воинственной позе, мальчишек, испуганно выглядывающих из-за моей спины, и ошалело сидящего на заднице пса, детина шевельнул всем лбом и выдал:

— Своих оглоедов на поводке води, если собак боятся, а Порох не кусается!

Ух! Я даже не разозлилась, это какое-то другое чувство было. И все это время помнила же, что магией приложить нахала не получится. Зато! Зато я же сейчас в Шурином теле, а она потрясающе красивая женщина с фигурой! С грудью! Да такие амбалы должны к ее ногам штабелями складываться, вместе со своими собаками. А не бухтеть тут.

Поэтому я выпрямилась, приподняла подбородок и оглядела молодчика с ног до головы взглядом королевы, которой по пути к трону попался особо неучтивый рыцарь в нечищенных доспехах.

— Молодой человек, — у Шуры был низковатый голос, грудной, да еще и резонировать имелось чем. — Будьте так любезны посторониться. И на будущее: такой сильный и представительный мужчина просто обязан проявлять больше учтивости. Иначе я могу подумать, что ваша собака и то лучше воспитана.

Мимходом потрепав сидящего пса по лохматой макушке, я взглядом показала впавшему в прострацию амбалу на дверь, и тот — о чудо! послушно ее придержал, давая мне выйти. Глаза у него были совершенно оловянные, а брови трогательно сложились домиком на низком лбу.

— Дети, вперед! — скомандовала я, на прощание сделав последний выстрел в сторону амбала: — Спасибо, молодой человек. Вот теперь другое дело.

И улыбнулась, так, слегка, только краешками губ. Чтобы он, с одной стороны, не подумал, что я ему тут авансы раздаю, а с другой чтоб добило!

Сыновья выпали из подъезда безропотно уж не знаю, что их больше впечатлило: пришлепнутый ладонью пес или раздавленный Шуриной статью его хозяин. А вот Лампа из кармашка на груди голос подала:

«Как ты это сделала?! Нет, с собакой понятно Я бы, наверное, так тоже смогла если бы не растерялась. В теории я знаю, как правильно с ними обращаться и что главное не бояться. Но с Прохором ты как?!»

«Прохор это хозяин черной горы шерсти? — уточнила я. — Да с ним все точно так же. Главное уверенность. А с твоими внешними данными это легко. Ты такая красивая, что я даже не сомневалась, этот мужик упадет к нашим ботинкам, словно спелый плод с ветки».

Глава 12

«Я красивая?! — переспросила Лампа. Да в каком месте? Ты что, думаешь, я себя в зеркале не видела?!»

«А глаза мужика этого ты сейчас видела? — ехидно уточнила я на ходу, вложив обе ладони в руки сыновей и попросив их отвести меня туда, где мы обычно берем продукты. — Вот такая я стала забывчивая, да. Я ведь никакой магии не применяла, заметь. У меня было только то, чем обладаешь ты. Просто я уверена в том, что это потрясающе красиво, понимаешь? Знаю я это, верю и потому даже не сомневаюсь, что вот такой Прохор остолбенеет лучше, чем от заклинания».

«Я так не смогла бы», — попыталась уйти в грусть Шура. Но я не позволила:

«Еще как смогла бы! Просто кое-кто нарочно внушил тебе, что ты уродина и, кроме него, никому не нужна, кто на тебя взглянет. Вот, убедилась? Еще как взглянет! Кого захочешь, тот на тебя и взглянет, потому что есть на что посмотреть!»

«Но я толстая!»

«Слушай, мы же вместе смотрели картинки. Я тебе сразу сказала вас кто-то обманул с этими показами, журналами и прочим! Какой-то злобный некромант, наверняка! Из тех, кто любит с трупами... того... Такая худоба хороша у скелетов на кладбище, их больше в братскую могилу поместится. Живые люди так выглядеть не должны. Я бы еще поняла, если бы как у ваших мужчин на картинках мышцы развитые, гармоничные. Да и то, у вас же население не из боевых магичек состоит, а из обычных женщин, им бицепсы такие зачем? И точно к тварьей дупе не должно быть ручек-спичек, ввалившихся щек и губ, как у вампириши, которая присосалась к осиному гнезду».

— Ма-ам! — отвлек меня голос младшего сына. — А мы что, пешком пойдем по магазинам? А почему не на машине?

Тут я очнулась и обнаружила, что под управлением сыновей подошла к какой-то очень странной железной телеге с крышей. Я такие видела на движущихся картинках у Шуры в ноутбуке. И еще тогда решила, что никакие силы не заставят меня вот в такое сесть. Ну, если только совсем не припечет. И управлять я сей телегой не умею, тут советами Лампочки не обойтись

— Нет, Паш, мы пойдем пешком, — я потянула сыновей подальше от машины.

— Как пешком?! — выступил уже старший. — А покупки как потом домой?!

— В руках, Тош, в руках. Как люди без машины их носят.

— Но они же тяжелые!

— И что? Нас трое, вместе унесем. Зачем еще все вместе за добычей ходят?

— Да почему?! На машине проще! — не унимался сын, отказываясь отходить от жутковатой телеги.

— Антон, я вчера сначала чуть не получила кровоизлияние в мозг, а потом крепко стукнулась головой, — терпеливо пояснила я. — Во-первых, я забыла, как эта штука водится, а во-вторых, просто боюсь не справиться с управлением. Вдруг мне станет плохо прямо за рулем?

Это я получила мысленный пинок от Шуры и дальше уже повторяла ее слова, чтобы правдоподобно звучало. Антон какое-то время шел рядом со мной молча, потом спросил:

— Значит, тебе правда вчера было плохо? Ты же терпеть не можешь ходить пешком в магазин, сама говорила и что спина потом болит, и вообще...

— Правда, — я не видела смысла врать, хотя и не стала, конечно, рассказывать подростку о том, что его мама вообще-то не просто заболела, а умерла.

«Может, не надо было так, — робко напомнила о себе Шура. — Зачем ему знать? Он

маленький еще».

«Он здоровый парень, который уже должен заботиться о тебе, — возразила я. — В меру своих сил. Никто не требует от подростка с мечом в руках лезть на крепостную стену, чтобы отбить нападение врага. Хотя и такое бывало. А Антон пусть привыкает, что это не женщина должна вокруг него танцевать, а он должен защитить и позаботиться!»

«Что же, о нем самом заботиться не надо, что ли?!»

«Надо. Мы это и делаем. Но его приучить к ответным действиям и умению не только вкусно кушать маму, но и следить, чтобы мама не кончилась, тоже необходимо. Шура, ты сама говорила: если с тобой что случится твои дети никому особо нужны не будут. Поэтому ты просто обязана позаботиться о себе и научить этому детей!»

На этом наш глубоко философский диспут сам собой увял. Поскольку мы отошли от страшной колымаги и я более-менее успокоилась, настало время оглядеться по сторонам. Нет, конечно, я и раньше осматривалась, по вбитой в кровь привычке отслеживать ситуацию, чтобы успеть отреагировать на опасность. Но обычно в городе эта «чуйка» слегка ослабевает много людей, зданий, нет опасности дикого зверья. Хотя я вон в городе попалась.

А тут был не просто город какой-то, огромный городище! Дома высоченные, окон тварья прорва. Людей за ними должно жить представить страшно. Но все равно, место это мне нравилось улицы широкие, много деревьев.

Приятная погода, тепло. Судя по молодой листве сейчас весна. Обидно умирать весной, так что мы и не будем! Особенно если не соваться на «проезжую часть», по которой туда-сюда с ревом снуют железные телеги. Кстати, смердят они преотвратно. Хорошо, что легкий ветерок довольно бодро уносит этот запах в даль.

«В ближайший магазин не идите, там дальше за углом Пятерочка, — деловито поучала меня Лампа на ходу. — Там все дешевле. Качество не ахти, но можно выбрать. Витя вчера расщедрился, — надо же, впервые в голосе Шуры по отношению к мужу прозвучал сарказм вместо затаенной тоски. — Оставил целых пятнадцать тысяч! Испугался, видать, что нянька сляжет и уже не получится делать хорошую мину при плохой игре. А так-то он нас деньгами не балует. Кружки детям оплачивает, если в школе что-то надо, оплачивает, а вот все остальные траты еще обосновать надо и убедить, что детям нужна новая одежда и нормальная еда, а не капусточка с сосисочкой, сто рублей на ребенка в день».

«Сто рублей это мало?»

«Сейчас в магазине и увидишь».

М-да, увидела. И перестала удивляться, зачем Шуре надо было так уродоваться на работе, чтобы кормить детей больше чем на ту сумму в день. Нет, я против баловства, разносолы с дорогими колбасами придется пока отложить, но нормальное мясо, овощи и сезонные фрукты... на этом жмотиться для детей последнее дело. И побаловать ведь хочется Шуре. И что интересно, по некоторым косвенным признакам я поняла, что это баловство сыновья почему-то относили на отцовский счет.

Ну нет уж! Я как-нибудь пока воздержусь, учитывая, что работу придется менять. Не сумею я так быстро научиться водить колымагу. Значит, те бумажки, что оставил Виктор, надо растянуть как можно дольше. И в смешную проволочную тележку мы грузили не то, к чему тянулись лапки мальчишек, а что я сама, как много повидавший и бывавший в походах маг, сочла нужным для выживания длительное время. Тем более что продуктовая лавка здесь была как целый базар в одном небольшом помещении! Удобно.

Крупы, мясо, которое можно хранить в холоде, корнеплоды всякие, со шкуркой и даже немножко с землей сами помоем и почистим. Муку, чудной и очень сладкий песок — сахар. Пироги научу печь, парням в жизни пригодится.

Яйца, молоко.

Специи вот тут у меня глаза разбежались! Да это же сокровище, да за такие деньги!

Шура у меня в голове орала в голос, что нам не надо столько черного перца горошком, и коричные палочки в таких количествах не нужны. Пришлось скрепя сердце брать по одному пакету. Ну ничего-о-о! Зато основные запасы сделаны, несмотря на кислые рожицы пацанов «чипсов», булочек и «бакуганов» я не купила. Теперь задача стояла посложнее: как донести добычу до дома.

Глава 13

— А папа всегда покупает нам чипсы и вообще все, что захотим, — ныл Пашка, когда мы выгружали мешки с едой из проволочной тележки на колесиках. — И на машине возит.

«Угу, раз в неделю можно тысячу рублей спустить на чепуху и вредную еду, не ему ведь потом ночь не спать, если младшего стошнит, а у старшего от колы этой несчастной газы и бессонница на фоне перевозбуждения, — вздохнула Лампа. — Зато папа щедрый, добрый и веселый, а мама скучная и злая, заставляет есть овощи и делать уроки».

— Домой придем, и я объясню, почему не купила это баловство, договорились? — предложила я капризуле. — Прямо сядем все втроем, и я вам кое-что интересное покажу и расскажу.

— Про вредную еду небось, — хмыкнул Антон.

— Нет, интереснее. Поворачивайся, загружу тебе курицу в рюкзак. Ты ж у меня парень сильный, думаю, такого груза даже не заметишь, а мне, как женщине, прямо приятно будет, какой у меня сын заботливый и развитый не по годам. Да вообще любой девчонке такой парень первым понравится.

— Пф-ф-ф, нужны мне какие-то девчонки!

— Сейчас не нужны, потом понадобятся. Отбою не будешь знать.

«Чем грубее лезть, тем она действеннее?» — ехидно прокомментировала Лампочка, глядя, как слегка опешивший Антон безропотно грузит в рюкзак не только битую птицу, но и сетку с корнеплодами кар-тошкой.

Мне кажется, она слегка ревновала своих мальчишек ко мне. Ну я ее понимала. Легко мне, имея взгляд со стороны и паря над ситуацией. А с другой стороны чего ж теперь-то? Не пускать же все на самотек.

«Именно, — невозмутимо согласилась я, под тем же соусом нагружая еще и младшего, но строго следя, чтобы тот от усердия не перестарался. — Доброе слово и троллю приятно, знаешь ли».

Оба пацана сосредоточенно сопели кажется, им непривычно было топтать домой такими нагруженными. Ничего, зато мышцы нарастут. Кстати, надо не забыть им самим об этом напомнить.

Когда мы подошли к подъезду, сыновья довольно заметно запыхались и, кажется, одновременно вспомнили о том, что мама внезапно стала бояться лифтов. Представили себе путь вверх по лестнице на семнадцатый этаж и впечатлились по самое немогу.

— Пошли, мам, ты же храбрая, — выдал мне младший, беря за руку. — Не бойся, я с тобой!

Старший в это время молча кусал губу и странно на меня косился. Интересно, а раньше он лифтом пользовался или без дополнительного груза в рюкзаке пешком бегал?

«Ездил, но с уговорами и за взятку, — вздохнула из кармана Шура. Я ему что-нибудь покупала всегд.»

«Ну нет. Тут теперь я самая маленькая и слабая, всего боюсь, особенно лифта, ибо женщина. Это он пусть мне взятку дает, если не хочет пешком на семнадцатый этаж идти!»

Видимо, мысль о взятке была написана у меня на лице, потому что Антон даже не попытался провернуть фокус с вымогательством, наоборот, поправил рюкзачок за спиной и целеустремленно потопал к лифту со словами:

— Да ладно, мам, чего там бояться-то, и правда. А пешком на семнадцатый этаж тебе после вчерашнего точно нельзя, да еще с сумками!

Ах ты, маленький хитрец! Вывернулся, смотри!

Шура у меня в кармане весело хихикала, я с трудом сдерживала улыбку, дети тоже как-то приободрились, вот такие веселые мы и приехали к своей двери. И обнаружили на лестничной площадке раздраженного и надутого бывшего отца семейства. Он, видимо, довольно давно топтался под дверью и жал пупочку «звонка», поэтому с ходу напустился на меня с претензиями:

— Где тебя носит?! Ты знаешь, сколько времени вообще?!

— Сколько? — довольно безразлично удивилась я, глянув в сторону небольшого окна на площадке. Белый день за ним, какого лысого гремлины ему надо?

О, а Шура в кармане притихла, и у меня почему-то такое впечатление, что она даже втянула несуществующую голову в плечи.

— Ну не-ет! У меня обед не резиновый! Я все бросил, не поел, приехал проверить, все ли в порядке с детьми, и что?

— И что? — все так же безразлично поинтересовалась я, легким движением руки отодвигая мужчину с дороги.

Ну да, легким, он же не сопротивлялся. Не ожидал? Не ожидал. Так что я спокойно открыла дверь ключом и запустила притихших мальчишек в прихожую. Они как-то споро побросали рюкзаки с покупками у порога кухни и смылись по своим комнатам. Хм? Пугаются разговоров родителей? Бывший муж вошел сам, без приглашения. Ну, я пока не стала ему мешать, просто не обращала на него внимания и, спокойно разувшись, отправилась выкладывать покупки на стол, чтобы рассортировать по местам хранения.

— Я, кажется, с тобой разговариваю, — Виктор ввалился в кухню следом за мной, и лицо у него было... вот что Шура в нем нашла?

Шур? А?

«Не знаю, — как-то удивленно и подавленно отозвалась Лампочка. — Сейчас смотрю и сама не пойму. А еще я его боюсь в последнее время, оказывается, всегда боялась. Но уже не так сильно, потому что с тобой и самое страшное уже случилось, в конце концов. Чего мне теперь трястись?»

— Я в целом неплохо слышу, — ответила я наконец начавшему раздуваться от возмущения жабу. Вот хоть тресни, не могла я его иначе воспринимать, еще и потому, что он краснел, как его мамуля пятнами. — Но так и не поняла: что именно ты приехал проверять? Что такого могло с детьми со вчерашнего вечера случиться?

— Антон звонил с утра и сказал, что ты проспала в школу, не приготовила детям завтрак и вообще ведешь себя странно, — чуть выдохнув, сквозь зубы поведаль этот «проверяльщик».

— И? — я слегка насмешливо приподняла бровь, под тихое суфлирование Шурочки раскладывая принесенные крупы по банкам и убирая в шкаф. — Ты приехал, чтобы что? Сделать им запоздалый завтрак?

— Что за чушь ты несешь? — бывшенький поджал губы, принимая вид хозяина, недовольного тупостью прислуги. — Я хочу знать, где ты шлялась и почему вдруг начала пренебрегать своими обязанностями, и вообще...

— А, ты хочешь меня от этих обязанностей избавить? — «обрадовалась» я. — Сам будешь возить детей в школу по утрам или поручишь нашей любимой бабушке? Нет?

— Что?! — растерялся Виктор.

— Мы с тобой вроде бы разошлись, верно? — я выпрямилась, уложив в нижний шкаф сетку с картошкой, и улыбнулась ему в лицо, легко тряхнув волосами и расправив плечи так, что выдающаяся Шурина грудь мягко колыхнулась под плотной тканью джинсовой рубашки. — С чего вдруг после этого тебя интересует, где я «шлялась»?

«И всегда так, — почти всхлипнула Шура из кармана. Ну почему я шлялась?! Я ни разу, ни разу не дала повода во мне сомневаться! Это он завел любовницу, на которой потом

женился, а я...»

«Спокойно, дорогая, нас с тобой больше не волнует, что за странные фантазии бродят в голове у бывшего, — мысленно ответила я, усмехаясь про себя. — Все же не некрофил и не этот... любитель малолеток. На женские прелести реагирует как положено, глазами к декольте прилип намертво, и дыхание чуть сбилось. Сама видела, как на тебя мужики ведутся. Захотим — десяток таких Викторов найдем, хоть он лопни!»

Глава 14

— Вообще-то я волновался, — вдруг буркнул Виктор. И отвел глаза от моей груди.

Хм? Решил сменить тактику? Похоже.

— Ты же знаешь, я о тебе беспокоюсь. Вчера лежала без сознания, а сегодня потащилась неизвестно куда, а вдруг тебе стало бы плохо на улице?

«Вот как всегда, — грустно констатировала Шура. — Этим все всегда и заканчивалось. Стоило мне попытаться всплыть, настоять на своем, на желании пойти доучиваться, выйти на работу, на курсы потом как он тут же говорил, что это же забота! Это обо мне же это ведь мне будет тяжело и с детьми, и с этим всем и я начинала себя чувствовать виноватой. Ну правда ведь, вчера было плохо, а сегодня побежала, да? Только почему-то теперь я чувствую себя не виноватой, а дурой, которую опять где-то обманывают, а она не поймет даже, где именно и в чем».

«Потому что это не забота, а тварья манипуляция, — ругнулась я. — Заботился так волк об овце, пока от нее одни копыта не остались. Правильно ты чувствуешь, и это уже хорошо, что не начала мне тут виной угрызаться».

— Плохо мне или хорошо, а продукты никто за меня не купит. Если школу еще можно пропустить, то кормить детей надо каждый день. Ну, как видишь, справилась, — я разложила последние покупки по местам и ласково так спросила: — Ты еще что-то хотел спросить? А то у тебя обеденный перерыв скоро закончится.

— Что-то ты неприветливая стала, изменилась в худшую сторону, — обиженно поджал губы бывший. — Ну понятно, одиночество женщину не красит, — попытался ужалить он.

— Да что ты? — я улыбнулась и перекинула волну Шуриных пшеничных волос через плечо, скрутила в жгут и отпустила, любясь, как светло-русый каскад рассыпается золотистым дождем. — А я вроде не замечаю ухудшения. Многим, знаешь ли, нравится. В отличие от тебя.

Этот козел несколько минут смотрел на меня как замороженный, а потом сглотнул и с независимым видом отвернулся. И бросил вскользь:

— Между прочим, в дом, где тебе не рады, и приходить не хочется. Я работаю, обеспечиваю вам условия, могла бы и постараться, для того чтоб мне приятно было это делать. А то ведь мне может и надоест.

— «Вам» это нашим детям? — я начала злиться.

Ах ты, мырряк болотный! Шантажировать собрался?! То есть, если я не буду приветливой к тебе, ты перестанешь заботиться о собственных сыновьях и они тоже станут «бывшими»?

— Насколько я помню, лично за меня ты ни копейки не платишь, все идет на обучение, лечение и питание детей. С чеками.

— Ну-у... — многозначительно протянул Виктор, глядя на меня уже по-прежнему, свысока. — Вот и подумай. Хорошая мать всегда интересы детей ставит на первое место.

Шура у меня в кармане притихла, и я чувствовала, что она испугалась. Вот так, значит, и было. При малейшем ее сопротивлении и попытке поднять голову этот хмырь начинал грозить оставить детей без содержания. На себя-то Александра худо-бедно зарабатывала, а при том, что детей несколько раз за день надо было отвезти-привезти, накормить-проследить, уложить-постирать времени на полноценное какое-нибудь ремесло не так много оставалось. И Шура боялась тем более что у нее не было набранной годами привычки работать вне дома, не было того самого ремесла, что прокормит.

Но я не Шура.

Хотя вот так, не зная брода и мира, не буду пока соваться на отравленные пики.

Хитрость это тоже военная стратегия.

— Хорошо, я подумаю, ты прав, — я показательно опустила глазки и еще раз глубоко вздохнула, чтобы грудь колыхнулась. Соблазнить этого слизня трясинного да в страшном сне мне такое не снилось, сдался он сто лет! Но сейчас это опять же стратегический ход и способ разрядить напряжение. Рано идти на открытый конфликт. — Но я действительно нездорова, мне тяжело. Спасибо, что приехал проведать.

Кажется, Лампа это тоже поняла, уловила мои мысли, что ли? Но как-то выдохнула. А жабеныш, явно расслабившись в ответ на привычное отступление бывшей жены, довольно ухмыльнулся и даже снисходительно так потрепал меня по плечу, словно невзначай скользнув чуть ниже.

— Ну-ну, не куксись. Это я так чтобы в чувство тебя привести. Я все понимаю, давление, криз это серьезно. Поэтому ты нервная и дерганая. Отдыхай, завтра пятница, никаких серьезных занятий у детей, а потом и выходные. Пожалуй, я утром заберу мальчишек, поедem на пару дней в Шишмарино, на дачу. А ты как раз отдохнешь и придешь в себя.

— Спасибо, — выдавила я из себя жалкую улыбку, изо всех сил борясь с желанием придушить гаденыша на месте.

«В чувство привести», ага. Скорее, на место поставить. А то ишь, прислуга голос подавать начала, непорядок.

— Так что подготовь там все, чтобы я утром приехал, посадил их в машину и не задерживался, — выдал прощальное указание Виктор, уже направляясь к двери. — Заеду в восемь.

И ушел.

«Собери детей это значит сложи им рюкзаки для плавания, там бассейн, проследи, чтобы встали вовремя, к приезду папы были накормлены и в дороге не ныли, заготовь сменную одежду на три, получается, дня...» — начала перечислять Шурочка, и я не поняла, она мне список дел диктует или уже на мужа бочку катит, типа, выдал повеление и пошел, такой довольный.

«Разберемся, — я в задумчивости заперла за бывшим мужем дверь и пошла обратно на кухню. — Слушай а у вас тут в этом мире есть поверенные или стряпчие? Люди, которые разбираются в законах и за деньги разъяснят тебе твои права, а также будут представлять твои интересы в суде, если придется? Писари есть, которые умеют грамотно составить ходатайство или там жалобу?»

«Э, есть. Юристы называются, — удивленно отозвалась Шура. — А зачем тебе?»

«Шур ну сама подумай. Что, так и будем ему в ножки кланяться каждый раз? Он ведь чувствует власть, и ему нравится. А если вдруг, предположим, захочет покуражиться еще как-то? А если его новая жена устроит скандал, что он слишком много тратит на бывшую семью? Да мало ли случиться может. Неужели же бывшие жены у вас совсем бесправные?»

«Нет не совсем. Ой, ты хочешь на алименты, что ли, подать?! Нет-нет, мы же договорились по-хорошему, и вообще, это значит испортить отношения, мало ли что выйти может, и э...»

«Э, Шур, погоди. Для начала, что такое алименты?»

Я достала из шкафчика над стеклянной плитой кастрюльку и налила в нее воды из маленького крана, торчавшего над раковиной. Я уже усвоила, что просто так воду тут пить нельзя, только «фильтрованную». Эх, вот была бы магия, я бы и очистила, и вскипятила в три секунды!

«Ну, мужчина обязан давать часть своей зарплаты детям. Даже если не хочет, у него вычтут на работе. Но это так сложно все, сто способов есть увильнуть и неприятности устроить бывшей жене, всегда лучше по-хорошему договориться».

«Неприятности бывшей жене и без алиментов можно устроить, было бы желание. Давай

не будем торопиться, а найдем хорошего стряпчего и заплатим за то, что он разъяснит нам все мелочи. Для начала».

Я задумчиво потерла нос и решила, пока греется вода в кастрюле, еще и ту смолу бодрящую себе заварить. Для этого надо включить чайник. Ага, тоже сейчас воды наберем.

«Это дорого, я даже не знаю, — засомневалась Шура. — И вдруг заорала в голос: Осторожно!»

Поздно, я уже поставила мокрый белый кувшин на специальную подставку и нажала кнопку. И тут в меня ударила синяя молния.

Глава 15

«Очнись! Шивон! Господи, да очнись же! — кричал кто-то у меня над головой. — Сейчас дети прибегут, испугаются! Только не умирай, пожалуйста, пожалуйста!»

— Я и не умираю вроде, — голос прозвучал хрипло и как-то незнакомо.

Где это я? Что со мной? А! Это же Шурина голос. Я попала в ее тело из зеркала, и...

«Вставай, пожалуйста! — жалобно уговаривал голос. Точно, это лампа, в которую угодила Шурина душа. — Вставай тебя током ударило. Нельзя мокрыми руками, и вообще ты как?»

Уф-ф-ф, вспомнила, точно, меня ударил чайник. Длинной такой синей искрой. Хм-м-м. Я встала с пола, на который съехала, оказывается, вдоль кухонного стола. Ну хорошо хоть, навзничь не грохнулась. Шуму было бы, и дети точно бы прибежали. И снова вызвали «скорую», ага. А все же, что это было?

Очень странно, но искра была похожа на разряд сырой магии, какие бывают в некоторых пещерах, например, где гномы добывают золотой камень электронит. Но почему вдруг белый прибор, даже отдаленно не похожий на смолу мифических древних деревьев, сохранившуюся под каменной толщей в течение миллионов лет, вдруг шибанул в меня магией?

И самочувствие как-то у меня изменилось после этого удара. Точнее, не самочувствие даже, а ощущение. Причем не в худшую сторону, что удивительно. И знакомый такой зуд в кончиках пальцев. Давно-давно забытый, но знакомый. Как как было в детстве, когда дар пробудился! Боги и твари, неужели я ведь думала, что в этом мире нет магии, уже почти смирилась с этим, хотя и ощущала где-то внутри сосущую пустоту и от этого жуткую неуверенность, незащищенность и беспомощность. А теперь кажется эта пустота уже не такая пустая?

«Ты как? Ты что? — продолжала с тревогой спрашивать Шура, и я мимоходом порадовалась, что не упала вперед, а то еще раздавила бы ее в нагрудном кармане. — Шивон, не молчи, пожалуйста! Я не успела сказать, что чайник старый и его нельзя мокрыми руками и он весь мокрый был».

— Да я не молчу, — машинально ответила я вслух, а потом не сдержалась, протянула руку и филигранным, за годы практики отточенным движением нарисовала в воздухе руну управления.

Чайник, подаривший мне эти незабываемые ощущения, плавно поднялся с подставки и завис в воздухе.

«Это что?! — ошалело переспросила Лампа, и мне показалось, что ее голос в голове прозвучал как-то четче и громче. — Это...»

«Магия вернулась, — подтвердила я, блаженно улыбаясь. — Слабенькая, едва-едва на троллий носок, но лиха беда начало. Шура! Живем! Теперь нам никакой жаб не страшен, теперь...»

Мои ликующие мысли были прерваны громким звонком в дверь. Тварья дупа, до чего противный звук! Но счастье от обретения магии было так велико, что я почти на крыльях полетела открывать дверь. И обнаружила там, ой. Вчерашнего доктора, который подмигивал мне от двери.

— Добрый день, — немного удивленно выдала я, рассматривая широкие плечи и твердый подбородок, подернутый тенью легкой небритости. Так у жгучих брюнетов бывает, когда утром вроде прошелся лезвием, а к обеду уже контуры несбывшейся бороды проступают.

— Добрый, — мужчина чуть улыбнулся. — Можно войти? Как вы себя чувствуете?

«Впусти, это наверное то, про что вчера говорили врач по ДМС, — непонятно пояснила Шура, уловила мое недоумение и дополнила: — Ну говорили же вчера, что доктор из поликлиники зайдет проверит мое самочувствие и выпишет лекарства. А поскольку,

когда Витина компания оплачивала страховку ему и его семье, я еще была женой, у меня тоже этот довольно недешевый пакет. Скорая вчера тоже была не простая, а ДМСная. Только я все равно думала, что придет врачаха из медцентра, которая нас курирует».

Пока она все это мне объясняла, гость успел аккуратно разуться, повесить легкую полотняную куртку на крючок в прихожей и пройти вслед за мной в комнату. Там он огляделся и требовательно так уставился на меня.

— Я правильно понимаю, постельный режим вы не соблюдаете?

— Эм... — я слегка растерялась, а Шурочка в моем кармане как-то подозрительно примолкла, и вот еще что странно: я почувствовала, как к щекам приливает кровь, словно я краснею? Это еще чего такое? Это точно не мое! Шурино?!

— Это крайне безответственно с вашей стороны, поджал губы пришелец. Но я так понимаю, что у вас двое детей а где же муж? Неужели он не догадался, что после такого опасного приступа вам надо обеспечить как минимум покой?

— Мы разведены, — сказала я, все с большей настороженностью понимая, что Шура выключилась и дальше справляться придется мне самой. Что ж такое, а?

— А, — кивнул мужчина. — Понятно. Но в любом случае я сейчас вас осмотрю. Жалобы есть? Все звуки произносите правильно, слова вдруг не забываете? Нарушения координации не было? — он глянул на меня остро и внимательно, и я вдруг заметила, какого необычного цвета у него глаза серо-синие, с сиреневатым оттенком.

— Эм, да вроде все в порядке.

— Вытяните руки перед собой. Вот так подержите, пока я не скажу. Закройте глаза, коснитесь носа и по стойте с закрытыми глазами. Теперь улыбнитесь. Прочтите внятно, что вот тут написано, — он взял со стола какую-то газету и сунул мне.

Я, здорово недоумевая про себя, выполнила все команды, смутно припомнив, что когда-то приятельница с факультета травниц рассказывала про сто и один способ диагностировать болезнь наскоро, без магии, по внешним признакам. Похоже, этот лекарь занимался именно такой диагностикой. Что он только собирался у меня найти?

— Ну, по всем признакам микроинсульта все же не было, хотя мне очень не нравится ваш вчерашний обморок, — заключил мужчина. — Я сейчас выпишу рецепт, но помимо приема препаратов вам придется соблюдать диету, не только пищевую, но и эмоциональную. И правильнее всего будет пройти обследование. Я могу поговорить с кем-то из ваших родственников? Помимо тех, которых видел вчера?

Он держался очень профессионально и корректно, но что-то все время не давало мне покоя. Что-то было в его взгляде помимо лекарского внимания к деталям. И Шура говорила, что ждала другую лекарку, почему же пришел именно этот?

— Эм, нет, — спохватилась я, понимая, что промедлила с ответом на последний вопрос. — Я одна с детьми. Так что...

— Со мной можно поговорить, — в дверях вдруг нарисовался Антон и уставился на гостя в упор, сложив руки на груди и упрямо выпятив подбородок. — Вы врач? Тогда...

И тут сыночка сдал меня, м-м-м, как там Шура вчера сказала? Как стеклотару в пивной ларек.

— Мама с утра себя плохо чувствовала, проспала, а еще не помнит некоторые вещи. Это серьезно?

Глава 16

— Я так понимаю, ты старший мужчина в этом доме? — очень серьезно спросил сына гость-лекарь и, когда Антон, решительно прикусив губу, кивнул, представился: — Меня зовут Александр Сергеевич.

— Пушкин?! — быстро и непонятно переспросил Тошка и тут же отчаянно покраснел. — Извините.

— Ничего, я привык, — вдруг улыбнулся этот Александр Сергеевич. — Но фамилия моя не Пушкин, а Семенов. Я вчера приезжал по вызову к твоей маме и теперь собираюсь быть ее лечащим врачом. Так что ты сказал про потерю памяти?

— Она с утра не помнила некоторые вещи и слова, — наябедничал сын. — И машину не смогла вести.

— Так, — Александр Сергеевич снова чуть нахмурился. — Значит, все хуже, чем я думал. Я настаиваю, — тут он обратился ко мне, — чтобы вы прошли комплексное обследование. КТ, МРТ и желательно УЗИ артерий. Вы еще очень молоды, а уже проблемы с давлением это не шутки. Вы, молодой человек...

— Антон, — представился сын, вошел в комнату и протянул доктору руку.

Тот совершенно серьезно ее пожал.

— Вы должны следить, чтобы больная не волновалась и не переутомлялась, а также соблюдала диету.

— А ничего, что я тоже тут и я вообще-то совершеннолетняя и дееспособная? — не выдержала и влезла в разговор двух «серьезных мужчин».

— А вы одинокая женщина с двумя детьми, которая довела себя до нервного срыва и обморока, пытаетесь тащить неподъемный воз, — проникательно заметил доктор и остро взглянул на меня из-под пушистых (я даже позавидовала) ресниц. — И которая, дай ей волю, и дальше будет гробить свое здоровье, лишь бы дети ни в чем не нуждались. Но у вас, слава богу, сын уже взрослый и настоящий мужчина. Он проследит, чтобы мать не взвалила на себя еще какую-нибудь тяжесть, не нервничала и вообще берегла себя. Я прав?

Антон коротко кивнул и посмотрел на меня грозно. А мне вдруг ужасно смешно стало, но я понимала, что смеяться нельзя ни в коем случае. И всю дорогу, пока Александр Сергеевич объяснял Тошке про лечение, режим и диету, а также про то, что по полису ДМС я могу завтра же прийти в новый медцентр, который через три дома от нас и пройти все обследования. Более того, я должна сделать это обязательно... Так вот, всю дорогу сын сосредоточенно хмурил брови, сжимал губы и старательно запоминал. Наконец, этот странный лекарь попрощался и пошел к двери, мне велел не вскакивать, и вообще, сегодня очень желательно не прыгать по квартире, а полежать спокойно и отдохнуть.

Антон пошел его провожать, а ко мне в комнату незамедлительно просквозил младший, юркнул ко мне под бок, обнял за предплечье обеими руками и захлюпал носом.

Ну здра-а-асте! Вот ведь принесло этого лекаря! У меня магия вернулась, я и без него буду здоровее всех самых здоровых, а он мне тут детей напугал. Даже с точки зрения воспитания подрастающего поколения мне это не нравится. Да, будут знать, что мать не железная, но я бы и словами все сумела объяснить, всяких нервов и рыданий мне ни к тварьей дупе не надо! Мелкого я затискала и успокоила, конечно, он, со свойственной всем детям легкостью, утешился и вскоре забыл о неприятном, когда я ему стала рассказывать, как завтра папа с ними поедет на дачу, как они там будут купаться в бассейне а я полежу и отдохну дома и буду прямо как новенькая.

А вот с Антоном так просто не получилось. Первое, что он заявил мне, когда удалось выпроводить младшего поиграть на освободившемся компьютере, было:

— Кофе я тебе больше пить не разрешу! — и подбородок выставил с видом

непреклонного родителя. — Тебе вредно!

— Хорошо, Тош, не буду кофе пить, — примирительно согласилась я, пряча улыбку.

— И в медцентр завтра сходи! Александр Сергеевич сказал, что запишет тебя на пятнадцать часов. Я, может, не поеду в Шишмарино, а останусь с тобой и провожу? — последнее предложение прозвучало уже далеко не так уверенно.

Ну да, он все еще ребенок, и ему действительно трудно отказаться от предстоящего удовольствия, но он мужественно предлагает. Втайне надеясь, что такое самопожертвование все же не понадобится.

— Нет, Тош, провожать меня не надо, что я, сама через три двора не дойду? — улыбнулась я. Пацан просиял и уже с чистой совестью собирался свалить выгонять младшего брата из-за компьютера, но тут я обломала ему всю малину: — А вот посуду бы помыть, тут мне помощь понадобится. И ужин приготовить.

Это надо было видеть растерянную физиономию Антошки! Такой подлянки он не ожидал: одно дело мужественно жертвовать собой и вообще строить из себя защитника матери в разговоре со взрослым мужчиной, да еще когда тот на полном серьезе с тобой объясняется. И совсем другое вот эта неприятная проза жизни посуда! Мыть! И еще ужин ужас! Глядя на его вытянувшееся лицо, я все же не выдержала и засмеялась:

— Хорошо, не прямо сейчас. Давай отдохнем немного, а потом все дружно навалимся на проблемы. Иди поиграй, только Пашку не трогай, теперь его очередь, возьми планшет. Я на тебя надеюсь, что ближайшие минут сорок будет тихо, без воплей и скандалов, я успею подремать.

Ох, вот я зверская изверга, требую от мальчишки не храбро бросаться в гущу боя, а каких-то скучных и противных мелочей, вроде того, чтобы не драться с братом за игрушку. Но все же дите оказалось достаточно напугано моей болезнью, так что Антон кивнул, насупился и ушел. А я вытащила из кармашка висевшей на спинке стула рубахи лампочку Шуру и строго спросила: «Ну и что это было сейчас? С чего вдруг ты решила поиграть в молчанку, бросив меня один на один с этим симпатичным лекарем?»

«В том-то и дело, что симпатичным как-то уныло вздохнула Лампа. Я вдруг увидела, что существуют на свете и другие привлекательные мужчины кроме Виктора. И вот жизнь вокруг не замерла, а я, не знаю, как объяснить, словно и не жила толком. Все как-то крутилась, крутилась... тут должна, там должна. А чего я сама-то хотела? Так и не успела, получается, даже задуматься. И Александр мне этот понравился, действительно понравился, хотя это как-то глупо, засматриваться на мужчин в моем положении. Я ведь даже теперь пожаловаться не могу, что я толстая, старая и некрасивая, потому что я вообще больше не человек, у меня никакого тела нет ни толстого, ни старого, никакого. Я лампа!»

Глава 17

Я только вздохнула. Впервые почувствовала себя узурпаторшей, занявшей чужое место. Но тут же одернула и собственную слякоть, и Шурина: «Отставить ныть! К нам магия вернулась, это уже чудо, так что кто знает, вдруг что-то придумаем еще. И потом, Шур, неужели тебе просто не интересно? Это же настоящее волшебство!»

Это я так заманивала, помня, что в моем мире те, кто не владел даром, всегда о нем мечтали и жутко им интересовались. А тут такого вообще в помине не было, людям приходилось делать чудеса своими руками. И они, надо сказать, неплохо справлялись: плита эта, чайник-самкипятыльник, горячая вода в кране и канализация в такой высоченной башне это и магии далеко не всегда под силу! Только для богатых и знатных, для тех, кому денег хватает оплатить сложные бытовые артефакты и их обслуживание специалистами с даром. А тут Шурина семья далеко не аристократы, тем не менее уровень жизни у них такой, что какой-нибудь землелашец из пограничья двадцать раз позавидует. Или, скажем, средней руки ремесленник даже из богатого города Так вот. Несмотря на все привычные для здешних людей удобства, неужели Шуре не интересно будет посмотреть на магию? Да ни в жизни не поверю! И я была права. Шура еще пару раз судорожно вздохнула, и я почувствовала, что ее отпускает. Не знаю, как почувствовала, может, сыграло роль то, что я держала лампочку в руках.

«А знаешь, — задумчиво так выдала Александра. — Мне вот как-то сильно легче стало, когда ты меня в руки взяла. Словно энергия влилась какая-то и заткнула собой сосущую пустоту, в которую я проваливалась. Что это? Та самая магия?»

У меня внутри все замерло от странного предчувствия, причем я не могла сказать, хорошее оно или плохое. Но точно знала правильное.

«Похоже. Ведь пока ты была вкручена в тот прибор, я правильно понимаю, через хвост с вилкой ты получала вот эту энергию, которой меня стукнул чайник? А потом я держала тебя в руках и носила в кармане, могла вполне делиться тем незначительным мизером, что образовался в организме. Потом меня шибануло сырцом и уровень настолько повысился, что я смогла сотворить простейшее заклинание левитации А вот когда пришел доктор, я рубашку сняла и повесила на стул, и к тебе энергия поступать, получается, перестала. Может, поэтому тебя еще так накрыло?»

«То есть поэтому я в такую депрессию впала? Ну-у-у может быть. Обычно я так себя не загоняю, а тут просто накрыло».

Я только хмыкнула в ответ, но согласилась. Не стала даже мысленно проговаривать, что в целом-то отсутствие энергии и порождает это угнетенное состояние духа, но мысли при этом не на пустом месте же взялись. Правильные по сути мысли были про то, что жизнь прошла куда-то, а результат. Ладно, чего жалеть о прошлом, лучше придумать, что с будущим делать.

«Как думаешь может, поэкспериментировать с этим вашим э-лект-ри-чест-вом?»

«Не думаю, что надо спешить, — рассудительно заметила Шура. — Так и перегореть можно. Знаешь, как наши приборы, когда скачок напряжения в сети».

«Дело говоришь, — нехотя признала я. — С магией то же самое и артефакты спалить большим потоком сырца можно, и самого мага. Но попробовать что-нибудь ужасно хочется, да?»

«Да! — засмеялась Александра. — А что этой твоей магией вообще делать можно?»

«О-о-о-о-о! — я предвкушающе улыбнулась. — Мно-о-ого чего. Но для наглядности и поднятия настроения мы с тобой сейчас сделаем вот что!»

Встать с кушетки и подойти к зеркалу было делом нескольких секунд. Кстати, надо бы починить шкаф и вставить новое стекло в ту дверцу, что я разбила. А еще интересно: кто вчера убрал осколки? Я точно не убирала, и, когда пришла в себя в теле Шуры, их уже не было. Свекровь? Да шаз-з-з. Виктор? Ха! Загадка. Но оставим ее на потом, а сейчас займемся приятными вещами.

«Смотри, Шур, это первое, чему учат девочек в подготовительном классе при магическом скулисе, — объяснила я, снова пристраивая лампочку в нагрудный карман накинутой рубашки. — Мелочь, а эффектно».

Я подняла руки, концентрируя энергию в ладонях, как воду из родника, и сделала жест, словно плеснула эту воду себе в лицо, чтобы умыться. А потом «зачерпнула» еще и провела руками по волосам, пропуская пряди между пальцами.

«Ну как? — давно я не чувствовала такого ликующего предвкушения от чьей-то реакции. — Как тебе, а?»

«О-бал-деть, — потрясенно выдохнула Лампа. — Просто обалдеть!»

Или уже мне вдруг на секунду показалось, что Шурин голос слышится не со стороны кармана, а так, словно она внутри меня. Но это ощущение тут же прошло, и я решила, что мне показалось. К тому же «обалдеть» было от чего Шура, конечно, и так красotka, но после суматошного дня, полного непоняток, после всех тяжелых переживаний и огромной усталости ее лицо, хотя и оставалось привлекательным, уже несло на себе отпечаток горя и возраста. Темные тени под глазами; слегка обозначившиеся, но уже заметные складки у крыльев носа; потускневшие, усталые глаза; сухие, чуть обветренные губы; едва заметная еще морщинка между бровями. И все это вдруг исчезло, словно смытое сырой магией с лица. Кожа посвежела, губки налились, глаза засияли. Эффект временный, конечно, но кто мешает повторить? А раз через десять-пятнадцать, если делать это регулярно каждый день, оно и закрепится.

А еще вот волосы! Немного спутанные пряди под воздействием волшебства разгладились и легли роскошной блестящей и мягкой волной на плечи, довольно заметно удлинились, и теперь в зеркале отражалась не просто красивая женщина, а почти королева! Или настоящая магичка, что даже еще лучше.

«Слушай а с фигурой так что-нибудь сделать можно?» — спросила Шура, когда мы вдоволь налюбовались на свое отражение.

«А что ты хочешь сделать с фигурой? — удивилась я и тут же догадалась сама: — Похудеть, что ли? Зачем?! Да ты ненормальная с этим похудением. Все вы тут ненормальные. Скелет это не символ красоты, тварья дупа, это символ смерти!»

«Ну так уж сильно не надо, — немного смущенно выдала Александра. — Просто талию чуть потоньше и задницу бы уменьшить. И целлюлит...»

«А это еще что за зверь?» — озадачилась я.

«Ну вот эта неровная кожа на бедрах, как апельсиновая корка. Это ужасно выглядит, а избавиться от нее очень трудно».

«Совсем вам тут голову задурили, — недовольно нахмурилась я, и красotka в зеркале повторила мою гримасу. — А сиськи, прости за грубость, это тоже некрасиво у взрослой женщины?»

«А при чем тут...»

Глава 18

«А при том! Этот твой целлюлит такой же половой признак, как увеличенные грудные железы. У половозрелой женщины это нормально! И знаешь, я, кажется, поняла, в чем тут проблема: дело в том, что у вас эталоны красоты навязывают не просто мужчины, а мужчины в возрасте. У них уже темперамент не тот, знаешь ли, это даже не пресыщенность, просто возрастное угасание. Вот им, чтобы вернуть былое, вечно хочется новых впечатлений, а еще воспоминаний про то, как они были юными и у них организм реагировал даже на пенек в лесу, не то что на ровесниц. И начинают искать девочек помоложе, еще помоложе, так и доходят до того, что хотят не женщину, а девочку-подростка».

«Ну ты и завернула, но что-то в этом есть, если задуматься».

«Еще бы! Ты вон предложи молодому парню на пике неумности женщину, и ему, поверь, плевать будет на твой этот, как его целлюлит. Вот ни разу он ему не помешает, потому что он в принципе хочет все, на что глаз упал. И женщин хочет всех вокруг, и красивы они для него все подряд. Это старому пердуну уже попробуй угоди».

«Хи, — вдруг развеселилась Шура. — Витя-то всего на четыре года старше меня».

«А судя по его новой жене старый пердун!» — радостно закончила я.

Мы обе захихикали, как две девчонки-проказницы. Настроение скакнуло выше отметки «все хорошо», и под это дело было решено пойти и навести немного порядка. Шура ратовала за то, чтобы мы и на кухне испробовали магию, но я, немного подумав, решила, что перенапрягать дар в первый день не стоит. А кроме того, у нас двое сыновей, не охваченных хозяйственными работами на благо всей семьи, беспорядок! Мне не трудно, но это сейчас, а мало ли бывает обстоятельств, когда матери может понадобиться помощь? Да им же самим потом пригодится умение ни от кого не зависеть и обслуживать себя самостоятельно. Хуже нет беспомощного мужика, который зарастет грязью и умрет от голода возле этого их холодильника, полного еды, только потому, что нянька не разогрела и на стол не подала. Озвучив Шуре все эти доводы, я пошла добывать сыновей из компьютерной игры.

Вот удивительно, что угроза припахать к мытью посуды делает с детьми! То дрались с воплями, пять минут, по словам Лампочки, мирно ужиться не могли, а то затихарились у компа, как два мыша-заговорщика, и даже препирались шепотом, когда «Да мочи его, мочи! Дурак! А-а-а, не видишь, мана почти кончилась?!» вдруг переходит в дружное шипение про «Да тихо ты, мать разбудишь, она придет и тоже захочет играть!»

— Захочет, конечно, — обрадовала я наследников, возникая в дверях. — А посуду мыть она не хочет категорически. И готовить не хочет. И полы подметать. И стирать. Ничего не хочет, хочет компьютер!

— А так нечестно! — после некоторого замешательства выдал младший и, видя мои лукаво и хитро прищурившиеся глаза, быстро продолжил: — Ты сама говорила, что у всех свои обязанности, и у нас они хорошо учиться! А у тебя какие?

— А я на работу хожу! — тут же отбила я удар и с интересом наклонила голову к плечу. — Тоже ничего так обязанность. Хуже школы.

— Да где?! — попытался возразить мелкий. — Хуже школы вообще ничего не бывает!

— Да-а-а? — обрадовалась я и посмотрела на старшего, ожидая его аргументов, но Антон оказался умнее и предусмотрительно помалкивал. — А скажи мне, Паш, сколько месяцев у тебя летние каникулы?

— Три, — недоуменно пожал плечами малек.

— Отлично. А теперь представь, что у тебя не три месяца на отдых летом, а, например, вообще нисколько.

— Как это?! — поразился Паша.

— А вот так. У работы вообще каникул не бывает. И осенних-весенних-зимних тоже. Бывает отпуск, но он меньше одного месяца в год и не обязательно летом.

И я дальше, под диктовку Александры сама-то не сильно пока в курсе реалий этого мира, еще минут пять рассказывала ошалело приоткрывшему рот ребенку всякие подробности из жизни работающих взрослых людей. И пока сын не сделал вывод, что вовсе отказывается взрослеть, поспешила завершить лекцию неожиданным выводом:

— Из всего следует что? Что мама тоже человек, хочет играть в компьютер, зависать в сети и гулять с подружками, а вместо этого пашет сначала на работе, а потом дома на кухне. Честно это, по-вашему? Нет? Тогда извольте делиться, господа дети!

— Чем? — Антон заранее подозревал подвох и поэтому смотрел настороженно из-под своего коромысла с нашлапками. Шура сказала, что это наушники.

— Всем, конечно, — обрадовала я. — Будем взаимно делиться. Вы со мной компом, я с вами грязной посудой. Чтобы никому не обидно было. Сейчас все вместе встаем и идем на кухню убирать и готовить ужин, а потом все вместе топает к компу и разыгрываем на турнире, кто будет следующим дежурным по раковине!

— Ха! — воспрянули сыновья хором. — Да я... да мы тебя сделаем!

— Это мы еще посмотрим, — я многозначительно сложила руки на груди и кровожадно улыбнулась. — А сейчас вперед, кухня ждет нас! Ни за что не поверю, что вы такие слабаки и не справитесь с несчастной картошкой!

Ну, что сказать. Слабаков в нашем семействе не водилось, а то, что Антон сострогал половину корнеплодов в мусорный мешок, когда чистил, и Паша расколотил две чашки из четырех это ерунда и мелочи жизни. Тем более что я жульничала и другие чашки с тарелками ловила магией, притормаживая у самого пола. Ну и вообще, конечно, на первый раз помощь сыновей была чисто символическая, просто чтобы привыкали.

Потом мы поужинали и пошли собирать вещи мальчишек для поездки на дачу. И вот тут я взялась за них всерьез: мне-то Александра подсказывала, что где лежит и куда это засунуть, а парням пришлось заучивать с нуля, и я не успокоилась, пока каждый сам не собрал свой рюкзак. Только после этого был обещанный турнир у компьютера. Мы по-честному, еще до начала игры, договорились о правилах, о том, сколько будет раундов, и о том, что проигравший честно отдает долг и не обижается. Ну и да, я вредная магичка, я всюю пользовалась тем, что вместе с магией ко мне вернулась быстрота реакции и еще кое-какие преимущества, но я их сделала! Под громкие вопли Шуры в голове она за меня болела. Так ее разобрало азартом любо-дорого. А мальчишкам полезно столкнуться с достойным противником, у которого есть чему поучиться. А еще пусть только за успехи в детской игрушке, но они меня прямо зауважали. А это отличное начало!

Решено было, что дежурства начинаются с понедельника. Так что сегодня все расползлись в душ и по кроватям, причем вымотанные за день разными событиями парни отрубались мгновенно и без капризов, не то что обычно, как Шура рассказывала.

«Завтра мы пойдем сначала к этому стряпчему-юристу, а потом к врачу», — уже засыпая, строила планы я.

«Ох!» — всполошилась Шура, и я уловила, что ее взволновал даже не юрист, а визит к симпатичному доктору.

«Чего ох?»

«Слушай, а может, разгладишь немного целлюлит? Ну что тебе стоит?»

Глава 19

«Да дался тебе этот целлюлит. Ладно, чуть-чуть можно и убрать. И вообще, плавность форм нам не мешает, но немного подтянуть мышцы тоже дело. Просто чтобы не устать и лучше себя чувствовать».

«А это тоже можно сделать магией?»

«Да щаз! Волшебное зелье для лентяев даже в магическом мире не придумали. Красоту навести одно, а настоящую силу получить — тут работать надо».

«Ну ладно. Это и правильно на самом деле. Просто, знаешь, когда сил жить-то нет, то про какую физкультуру можно разговаривать».

«Ну да, согласна. Но мы-то с тобой заживем, и еще как. Вот пойдем и сразим симпатягу доктора, сразу настроение повысится».

«Да-а, пожалуй. Только... Знаешь, даже одеться покрасивее не во что. В нормальный средний магазин как ни зайди, все сшито на девочек-соломинок, а мне консультантки через губу заявляют, что моих размеров нет и вообще не бывает. Обидно. Сейчас-то я уже и не хожу по бутикам, а раньше деньги были. И все равно нормальных вещей почти не случалось. А когда случалось — то из нереально дорогого места за жуткие деньги. А так если только на рынке на мой размер, а там в основном какие-то жуткие балахоны в блестящую розочку.»

«Ерунда! Главное, что появилась вера в свою красоту и желание ее подчеркнуть, а остальное мелочи, вполне решаемые магией. Завтра заглянем в магазин и покажем твоим консультанткам правильный размер!»

Утро началось с того, что мы с Шурой без всякого будильника проснулись вовремя, подняли мальчишек, живо запихнули в них нехитрый завтрак, поцеловали обоих и проводили до машины бывшего. Сам Виктор подняться в квартиру не соизволил, даже из-за руля не встал, только милостиво и небрежно кивнул мне в раскрытое окошко этой демонской повозки. Мне смотреть-то страшновато было на этого вонючего железного монстра, будь моя воля, я б детей на десять шагов к этому ужасу не подпустила. Но Шура реагировала нормально, и я понимала, что мои страхи лучше лишний раз в новом мире не демонстрировать. У нее и своих хватало.

Так что надо побыстрее отвлечься, тем более что у нас и правда полным-полно более интересных дел. И как только входная дверь в квартиру закрылась, я скинула ужасно удобные ботинки, затейливо сшитые из кусочков кожи и ткани, прошла в комнату и вслух обратилась к Шуре:

— Так. Где у тебя документы? К стряпчему надо идти, имея на руках все возможные бумаги, да и самим заранее неплохо бы разобраться, что к чему.

«В шкафу в нижнем ящике зеленая пластиковая папка. Ох что-то мне все же страшновато. Ты просто не знаешь, каким бывает Виктор, когда он в ярости. Вдруг а еще может попытаться отобрать детей».

— Не бойсь, мы не будем действовать кавалерийским наскоком, мы сначала проведем разведку вражеских позиций, — пробормотала я, вытаскивая из указанного ящика большой полупрозрачный конверт, плотно набитый бумагами. — Так, давай разбираться. Поясний мне, как тут где и что оно обозначает.

Еще через час я целеустремленно топала по улице, с интересом оглядываясь по сторонам и примечая разные необычные вещи. Все же это оказалось чудное ощущение разглядывать и угадывать, для чего предназначены все эти незнакомые вещи и явления, а также додумывать, какие из них выполняют знакомую по собственному миру функцию. Если бы не Кайдэн и не то, что я умерла для своих друзей и мира, я решила бы, что это замечательное приключение.

«Вон та контора, которую мы нашли через интернет, — отвлекла меня от мыслей Шура, уже привычно путешествующая в моем нагрудном кармане. — Ой, страшно».

«Да не покусает же нас ваш стряпчий, — отмахнулась я, поднимаясь на крылечко, пристроенное к первому этажу довольно высокого дома. — Мы ведь пришли всего лишь за консультацией, причем не бесплатно».

«Цены у них...»

«Ничего, на чем-нибудь другом сэкономим».

Мы вошли в маленькую приемную, в которой сидела секретарша и через стеклянную дверь был виден кабинет местного стряпчего юриста. Надо запомнить. Здесь было уже несколько человек, и нам вежливо предложили подождать своей очереди. Я присела было на обитый кожей диванчик, но уже через несколько минут почувствовала нарастающее напряжение. Дело в том, что мне через стеклянную стену был виден этот самый юрист в кабинете, а еще он мне был слышен. Нет, слова было почти не разобрать, но вот интонация. Этот сухощавый бледноватый мужчина с внушительными залысинами и мясистым носом на худом лице разговаривал с клиентами тоном утомленного и раздраженного вельможи, которого достали тупые слуги. Нет, не так... то есть не вот так откровенно, но некое пренебрежение и поучительный тон прекрасно были слышны даже без слов. А еще у него было довольно брюзгливое лицо и тусклые рыбы глаза. Вот никогда не любила судить о человеке по внешности, но тут может, мне все же мерещится невеста что? Я пересела поближе к двери в его кабинет и незаметно применила один простенький магический приемчик, который дети в скулисе использовали, чтобы слышать подсказки у доски. Ну и ровно через три минуты решительно встала и пошла к выходу.

«Ты куда?! А как же... Мы ведь уже заплатили за консультацию!» — растерялась Шура.

«Ничего, пусть пропадет та мелочь. Но разговаривать с этим юристом мы не будем. Он там в кабинете учит какого-то такого же „Витеньку“, как обокрасть жену и детей при разводе. И делает это с таким сладострастным удовольствием в голосе советует, как заранее, пока они еще женаты, снять деньги с общего счета, как переписать имущество на родню, как продать добрачную квартиру жены, а при покупке новой под надуманными предложениями записать ее не на них с супругой, а на мать козла ну и много еще таких вот полезных советов. Сама понимаешь, с нашей проблемой к такому гаду лучше не соваться».

Шура в кармане совсем приуныла. А я, сердито фыркая и не обращая внимания на оклик секретарши, спустилась по ступенькам на тротуар и задумалась.

«Так. Нам нужна женщина-стряпчий, да и то не каждая. Лучше всего с хорошими рекомендациями. Эх! Да где ж сейчас эти рекомендации раздобыть? Это время надо, а его у нас нет».

«Так давай в интернете посмотрим отзывы, — предложила Шура. — Знаешь мне одна знакомая говорила про всякие женские паблики в соцсетях, там разные эти феминистки. Я всегда считала их дурами ненормальными, когда они советовали не в домашнее хозяйство упираться, а заниматься собой, своей работой и своим образованием. Мне казалось, что главное для женщины семья, а они не своим делом занимаются и других плохому учат».

«А что ж тут дурацкого или плохого? — удивилась я. — Правильно все. Хотя, конечно, кому что нравится. Просто с работой и образованием безопаснее. И не потому, что все мужчины сволочи, а просто такова человеческая природа. Власть тяжелая ноша, с которой мало кто справится, независимо от пола. И если отдать эту самую власть над собой в руки другого человека полностью, то есть риск, что он сорвется в штопор».

«Ну, в общем, я как-то краем глаза видела, что они советовали друг другу юристок. Может, и нам вот такую надо?»

«Естественно! И как найти твой женский паблик? Что это вообще такое? Дом, где собираются феминистки и обмениваются опытом?»

«Ну почти, — Шура засмеялась. — Это просто сайт или группа в соцсети. У нас есть интернет в телефоне, так что мы можем сразу тут и посмотреть».

Глава 20

— Значит, так, Александра Михайловна, что мы имеем, — обстоятельно и негромко проговорила симпатичная светловолосая женщина в очках, примерно ровесница Шуры. — На все остальное имущество вашего бывшего супруга у вас документов нет, но вот копия свидетельства о собственности на квартиру. Она куплена на имя вашего мужа и детей, но! Во время вашего брака. Я так понимаю, чуть ли не за два года до развода. Видимо, запасной аэродром готовил. Но вам сейчас это на пользу. То есть как минимум на половину доли супруга вы имеете право, и выселить вас из этого жилья невозможно. Конечно, Виктор может существенно осложнить ситуацию, если вы, к примеру, решите недвижимость продавать, чтобы улучшить жилищные условия или с целью разъехаться с детьми, когда они повзрослеют. Но на данный момент именно он у нас в уязвимой позиции, и просто необходимо этим воспользоваться. Далее алименты. Я правильно поняла, что Виктор занимает довольно высокий пост в совместной российско-финской компании? Да? Замечательно. Помимо того, что у него белая зарплата, его руководство не пойдет на всяческие уловки, которые по знакомству устраивают себе многие мужчины на чисто российских предприятиях, занижая вдвое или втрое реальный доход. Вряд ли ваш муж, нацеленный на карьеру, только назло вам уйдет в дворники. Так что перспективы у нас есть.

«Ох, как это все неприятно, некрасиво как-то», — бормотала у меня в голове Шура.

В конце концов я рассердилась и мысленно на нее рыкнула: «А то, как он тебя из дому выставил, красиво было?! Как угрожал детей отнять и оставить их без копейки красиво?! Шура, не будь душой! Иногда надо сражаться, чтобы тебя не били просто так!»

Ну и она мне, слава всем богам, больше не мешала слушать юристку. Эта женщина мне понравилась, она говорила дельные вещи простым, понятным языком, разбирая вместе со мной документы и быстро записывая мои ответы на вопросы себе в блокнот для дальнейшей обработки. Мы действительно нашли адрес ее конторы в одном женском паблике, я почитала отзывы тех женщин, с которыми она работала, и без колебаний отправилась на другой конец города на подземном поезде, ох, то еще приключение. Страшно, аж жуть! Но оно того стоило.

— Ну что, Александра Михайловна, я начинаю готовить документы для подачи в суд?

— Да, начинайте, — согласилась я под тихое оханье Шуры. — Я заплачу аванс, и с понедельника мы приступаем.

— Отлично. У нас неплохие шансы. Что касается гипотетической угрозы забрать детей, то, во-первых, поверьте, на самом деле очень часто всем этим грозным отцам они на самом деле не нужны, а во-вторых, это далеко не так просто сделать. Но лучше, конечно, если вы найдете постоянную работу с официальным трудоустройством. Зарплата тут не так важна, как характеристика из отдела кадров.

«Так правильно, конечно, но суд... Я так не люблю все эти официальные инстанции, а потом еще конфликты, — вздыхала Шура, когда мы с ней ехали в сторону дома на подземном поезде, которого я все же усилием воли почти перестала бояться. — Только, знаешь ты, наверное, права. Я веду себя как курица какая-то, все готова уступить, только бы меня не тронули но ведь это касается Антона и Паши. И вот что, когда эта дама мне рассказывала, как Виктор хорошо живет, бросая мне изредка подачки, при этом еще и без конца претензии предъявляет, меня вдруг такое зло взяло! Да что ж я за слизня такая! Почему позволяю всем себя топтать?!»

«Вот, отличные, умные мысли, — я старалась не дышать в вагоне носом, потому что по случаю теплой погоды пахло в нем специфически. — Это начало новой жизни, вот увидишь. А пока нам с тобой до визита к симпатичному доктору просто необходимо зарядиться положительными эмоциями, а также принарядиться, как считаешь?»

«Денег не так много а, ладно, пропадай моя телега, все четыре колеса, — вдруг залихватски выдала Лампочка. — Ты что-то говорила про сюрприз консультанткам? Я хочу в этом поучаствовать! Выходи на следующей остановке, там большой торговый центр, заскочим в пару отделов, мне всегда так нравились их модели, но сама понимаешь. И теперь жутко любопытно, как ты выкрутишься с помощью магии!»

Я только предвкушающе ухмыльнулась и выскочила из вагона. Уф-ф-ф-ф! Так, теперь страшненькая самобеглая лестница, и я на свободе!

Здоровенная махина, битком набитая разными одежными и обувными лавками оказалась в пяти минутах от метро. Шура сказала, что это известный «дисконт-центр» и что тут все можно купить подешевле, но приличного качества. Если в размер влезешь, конечно. Ну, что сказать. Я вошла в огромный холл, огляделась по сторонам. Всюду прозрачные стеклянные стены, за которыми рядами на плечиках висят всяческие одежды. И как выбирать? А, начнем с цвета. Вот куда глазам смотреть приятнее туда и пойдем.

«Вот, я же говорила, — грустно вздохнула Шура, когда мы обследовали вешалки с весьма милыми шелковыми э такими растягивающимися блузочками пастельных тонов. — Они все сшиты или на малолеток, или на дистрофиков. Вроде вон той. Смотри-смотри, как с напарницей переглядывается, когда думает, что я не вижу Дурочка, в зеркале-то все отражается так, что только слепой с моего места не разглядит их насмешливые ухмылочки».

«Ничего, сейчас повеселимся», — хмыкнула я.

Поведение продавщиц мне тоже не понравилось, хотя особой злости не вызвало, что возьмешь с молоденьких дур? Еще поумнеют, когда сами родят пару детей и перестанут влезать в детские вещи. Или не поумнеют. Но это не моя проблема.

— Девушка, можно вас на минуточку?

Ой, с какой рожицей она ко мне через весь магазин шла! Это видеть надо было. Видимо, их тут все же немного надрессировали, что надо к покупателям относиться вежливо и вообще-то выполнять свою работу, но как же тощенькую красотку это раздражало!

— Добрый день, вы хотели что-то присмотреть для дочери? — сквозь любезный оскал так и просвечивало надменное: «Тупая корова, не видишь, тут на таких седла не продают!»

Вслух она, конечно, ничего такого даже близко не говорила, улыбалась вежливо, просто у нее эта маска держалась плоховато и из-под нее все время лезло всякое. Странно, почему такая явная неприязнь к нормальной женщине? А если бы, предположим, Шура действительно не себе, а дочери кофточку покупала? Или малолетняя соплюха нюхом чуяла, что все же для себя? Ну и что? Злилась, что все равно ничего не куплю и она зря теряет время? Так это вроде ее работа. Ладно, в любом случае это будет весело.

— Нет, девушка, я для себя. Помогите подобрать вот к этой и вот к этой комплект, хотелось бы еще брюки и что-то потеплее сверху, но достаточно элегантное.

И-и-и-и, как ее перекосило-то.

— Боюсь, на ваш размер ничего нет, — сладким голосом пропела соплюшка.

Глава 21

— Да что вы, девушка, это вашего размера тут ничего нет, а на меня полно вещей, — с ласковой ехидцей проговорила я, пуская в ход чары простейшей иллюзии. А затем приложила кофточку к себе, показав, что она на меня еще и свободно сядет, а потом к груди девицы, и благодаря волшебству вдруг оказалось, что шелковая тряпочка не налезет «консультантке» даже на нос. — Как же вы так? — я с искренним сочувствием заглянула в ошарашенное личико. — И с размерами промахиваетесь, и сами ни во что не влезаете, вот вам тяжело-то, бедненькая. Ну так что, подберете мне брюки?

Девушка помотала головой и поморгала неестественно длинными и густыми ресницами, отстранила от себя кофточку, вытащила бирку с цифрами и вчиталась в написанный там размер.

Потом, глянув на меня дикими глазами, снова приложила одежку к себе и даже попыталась сунуть руку в рукав. Конечно, она у нее не пролезла, заклинание стяжки применить незаметно раз плюнуть.

— Что-то у вас, девушка, с глазомером не в порядке, — под тихое мысленное хрюканье Лампочки посочувствовала я девушке. — Сходите к врачу, может быть? Ну ничего, бывает, вы молодая, еще приведете зрение в порядок. А пока пойдемте, все же покажите мне брюки. И юбки. Кстати, вот те сарафанчики мне тоже нравятся; пока я буду мерить, вас не затруднит найти там что-то в таком же цвете?

Девушка заторможенно кивнула и, слегка покачиваясь, пошла вдоль рядов с вешалками. А я отправилась в примерочную, под сдавленное хихиканье Лампы.

«Все же это было жестоко, — чуть успокоившись, высказалась Шурочка. — Она же и так тощая, а теперь вовсе заморит себя голодом. Решит, что поправилась».

«Не заморит, перед уходом я ей мозги вправлю, — успокоила я, задерживая занавеску и оставаясь один на один с большим зеркалом. — А пока у нас другая задача».

«Угу, мне интересно, каким образом ты натянешь эту шелковую футболочку сорок восьмого размера на мой пятьдесят второй, — скептически хмыкнула Александра. — Хотя натянуть-то можно, но на что это будет похоже? Тетя-гусеница?»

«Почему гусеница?» — рассмеялась я, и Шура вдруг прислала мне отчетливую картинку: словно я смотрю на себя в зеркало, на мне надето что-то тонкое и очень обтягивающее, и из-за этого все аппетитные складочки выпирают валиками, что действительно делает меня похожей на гусеницу, вставшую на задние лапки.

«Ну не-ет! Достоинства надо подчеркивать, а не выпячивать, причем делать это умело! — высказала я умную мысль. — Смотри сюда. Сейчас я продемонстрирую тебе магическую трансформацию. Вообще-то с помощью волшебства можно создать красивую одежду из любой тряпки и даже из копны сена. Но у меня пока очень маленький резерв в твоём теле и, насколько я могу судить, почти не прокачаны каналы. Так что, даже если хватит сил на такое радикальное превращение, оно продержится недолго, и мы рискуем остаться в сене вместо платья прямо посреди улицы».

«О нет, такого нам точно не надо! — содрогнулась Шура. — Слава Золушки, под которой карета превратилась в тыкву, меня точно не прельщает!»

«Что еще за Золушка?»

«Героиня одной сказки. Ты не отвлекайся, потом расскажу. Сейчас интереснее, что ты с футболкой сделаешь!»

«Да все просто. Увеличиваем размер надеваем и-и-и-и подгоняем так, чтобы сидело идеально по фигуре, но при этом ничего не обтягивало. Во-от Ну как?»

«Зашибись, — выдохнула Александра. — А ну-ка, рукав чу-уть короче ага, и вырез. Нет, ты права, так слишком вызывающе».

«Легкий намек всегда больше интригует, чем открытая демонстрация», — усмехнулась я

и выглянула из примерочной:

— Девушка! Что там с брюками и юбками?

«Вообще-то она не обязана приносить, это ж магазин самообслуживания».

«Ха! На что спорим, притащит? Не сможет от любопытства удержаться и все еще не верит, что я во все это влезу. Решила, что с кофточкой, эм... футболкой ей от жары показалось».

И правда, уже вернувшая на личико любезно-презрительное выражение девица появилась возле примерочной, держа в руках по паре вешалок, и со словами: «Это самые большие размеры, но вам они не подойдут» застыла, снова хлопая на меня своими веерами. Еще бы, ведь та самая бежево-розовая футболочка из удивительного тянущегося и струящегося шелка сидела на мне так, что я сама от себя глаза с трудом в зеркале отвела!

— Девушка, если у вас не все в порядке со зрением, вам не стоит работать в магазине одежды, — любезно улыбнулась я онемевшей продавщице. — И с чувством цвета у вас так себе, но вот эти давайте. А вот это унесите, оно не подходит.

Ох и устроила я примерку! А потом и «дефиле», как выразилась Шура, по магазину, потому что я хотела посмотреть, как сидит обновка в движении, а для этого пришлось выйти в зал к большим зеркалам. И заодно, задрав носик, полюбоваться на отвисшие челюсти худосочных консультанток. И надо же было так случиться, что, когда я как раз «дефилировала» по залу в той самой кофточке и потрясающей юбке-карандаше (тварья дупа, уж-ж-жасно неприличный крой, но как он мне шел!), весьма скромной длины чуть ниже колена, но подчеркивающей умопомрачительную линию тяжеловатых крутых бедер и круглую задорную попку, мимо магазина как раз проходила компания молодых парней. Слишком молодых, на мой вкус, но это мелочи по сравнению с тем, как они остановились у витрины, словно внезапно приклеившись к полу, и уставились на меня во все глаза.

«Ой, — всполошилась Шура. — Ой, кажется, у нас что-то не в порядке. Сейчас будут ржать.»

«Да с чего ты взяла? — удивилась я, небрежно поводя плечом и делая элегантный, почти танцевальный разворот у самого стекла и уходя вглубь магазина, взмахнув на прощание золотистой копной волос. — Ну? Ржут? Или челюсти уронили, любясь на красоту неземную?»

О нет, парни и не думали смеяться. Они любовались, чуть ли не роняя слюни, или я не женщина и ничего не понимаю в мужской реакции. Я еще раз продефилировала мимо них и на ходу мимолетно одарила их королевской улыбкой, что вызвало в рядах молодых мужчин заметное оживление. А один вообще поднял два больших пальца вверх и восторженно присвистнул.

«Ну? — я засмеялась, уходя обратно в примерочную. — Все еще боишься, что толстая и все будут смеяться? Заметь, я просто магией подогнала одежду, чтобы она сидела, но для этого достаточно хорошей швеи. Волшебство не обязательно, если ты знаешь, что ты королева и ты прекрасна! Верь в это, тогда и остальные поверят».

«Да в теории я все это без тебя знаю, — вздохнула задумчивая Шура. — Только верить в себя самое трудное, когда все вокруг говорят, что верить не во что».

«Ну, сейчас-то ты убедилась, что никакое похудение тебе ни к тварьей дупе не нужно, и что ты сама по себе красивая женщина, на которую западают даже мимо проходящие парни? А эти твои тощенькие девицы, перед которыми ты так стеснялась не найти свой размер, только ресницами завистливо хлопают. Ни на одной из них, заметь, этот ансамбль не будет вполтину так эффектно смотреться! Для этого надо формы иметь, а не мослы. Обрати внимание, теперь они смотрят не с презрением, а с завистью. На что спорим, эта девчонка теперь будет думать не о том, как похудеть, а о том, как поправиться до человеческих размеров?»

«Ну-у-у да. С ума сойти и правда ведь!»

«И кстати, целлюлит твой мы еще даже не трогали, сильно он парням помешал?»

«Так мы ж его не показывали».

«Тьфу ты. Вот упрямая! Ладно, берем эту футболку, ту кофту, эту юбку и еще белые брюки».

«Ох белые? На мою ах, черт! Знаешь? Берем! Зря я всегда думала, что мне белое не по возрасту и не по фигуре. Отлично смотрятся!»

«Купим подходящие туфли, и считай, что доктор уже у наших ног!» — подвела итог я.

Глава 22

«На двух вещах никогда нельзя экономить, — уговаривала я вздыхающую и бурчащую Шуру, оплачивая последнюю покупку в кассе. — На обуви и на нижнем белье. Ты не представляешь, как меняется внутреннее ощущение женщины, когда она не просто снаружи красиво одета, но еще и под всеми этими нарядами чувствует себя комфортно. Ну а про туфли даже говорить нечего. Какая тут красота, если едва ковыляешь и мечтаешь об одном снять поскорее проклятые колодки?»

«Денег осталось кот наплакал, — вздыхала Шура. — Конечно, на той неделе мне еще заплатят за отработанные смены, но больше ты на ту работу не выйдешь, если я правильно поняла. Алименты еще когда будут и будут ли а если срочно что-то детям понадобится?»

«Что, например? — я была настроена более оптимистично. — Ты забываешь, что сейчас у нас есть кое-что получше денег — магия. Так что с внезапной простудой или вывихнутой ногой я справлюсь без врачей и затрат на зелья, а если что посерьезнее, так нас бы потраченная сумма все равно не спасла».

«Как только Виктор узнает, что я подала на алименты, он тут же перестанет платить за кружки и сдавать деньги на школьные нужды, — рассудительно, но уже без прежнего ужаса сказала Шура. Мне даже показалось, что она не столько сетует, сколько советует и ищет выход. — У меня, конечно, есть небольшие накопления на самый-самый крайний случай. Но нам с тобой все же срочно надо искать работу».

«Думаю, найдем», — несколько легкомысленно отозвалась я, с любопытством вертя головой по сторонам.

Все же другой мир, да еще такой яркий, красочный! Одни движущиеся картинки чего стоят прямо на улице на здоровенных щитах! Правда, содержание довольно однообразное, но первое время привлекают внимание только так. И люди вокруг все же очень сильно отличаются от моих соплеменников.

Более свободные и раскованные. Нет, озабоченных, сердитых, грустных, усталых тоже хватает. Но в общей массе эти люди не думали о том, что они будут есть этим вечером и чем кормить детей завтра утром. То есть именно голод им не грозил. Это очень чувствовалось. Здесь не привыкли бояться засухи, или нападения дикого магического существа, или междоусобных войн. С одной стороны, такая беспечность кажется мне диковатой, а с другой как же здорово, что во вселенной есть миры, где люди могут так жить!

Я шла по улице, инстинктивно подстраивая тело под свою привычную походку. Шурина «полнота», из-за которой у них тут все дрюклы мозги поели, мне совершенно не мешала, наоборот, добавляла движениям плавности, устойчивости и грации. Мне нравилось смотреть на себя в витрины, нравилось, как узкая юбка и элегантные светлые туфли на очень удобном небольшом каблучке подчеркивают Шурины полные икры и тонкие лодыжки. И, тварь дурацкого Виктора за дупу покусай, нравилось, как оглядывались мне вслед мужчины.

Вот прямо не уставала я Александре на каждого из них указывать и чувствовала, как она постепенно тоже начинает получать от происходящего удовольствие.

В новый медцентр мы пришли чуть-чуть раньше времени, потому что со всеми приключениями и покупками я не заметила, как прошло пол дня. Смысла не было заходить домой, так что, как заверила Шура, проще посидеть на мягком диванчике и полистать журналы. Или поиграть в какую-нибудь игрушку в телефоне. Или на фотографии сыновей полюбоваться, когда они младше были. Сама не знаю, откуда у меня к этому интерес. Но спокойно насладиться созерцанием у нас не получилось. Когда мы открыли мелодично звякнувшую дверь в просторное светлое помещение, там, к моему изумлению, бушевал как минимум ураган.

Опешив, я остановилась на пороге и, слегка вздернув бровь, стала наблюдать. Ураган производила в основном одна молодая женщина, скорее даже девушка, но вокруг нее клубился разный народ, в основном мужчины и еще одна дама, сильно постарше. Девуца

рыдала, размазывая по лицу макияж, и что-то не совсем внятно выкрикивала в крутящийся вокруг нее хоровод, попеременно отшвыривая от себя разные мелкие вещи: карандаш, скомканный лист бумаги, перепачканную салфетку, в которую только что лила слезы.

— Они издеваются! — невнятно и сумбурно выкрикивала несчастная. — Все издеваются! Я не могу! Работать! В такой обстановке! Сто вещей сразу! Я не компьютер! То закажи! Тут напомни! Ах, блондинки все дуры, но ты! — она снова залилась слезами и уткнулась в светлосалатовую грудь женщины постарше, которая тут же обняла реву и стала вполголоса что-то ей объяснять, поглаживая по голове.

«Кхм, ты уверена, что в этом лекарском центре нас точно вылечат, а не наоборот? — с интересом спросила я у Шуры, оценивая раскиданные по бежевому ковру в центре холла обрывки бумаг и прочий мусор, а также растерянные лица присутствующих. — Пока мне кажется, что здесь запросто могут пришить на место головы ногу и сказать, что так и было».

«Эм», — только и успела ответить Александра, потому что именно в этот момент нас заметили, причем не кто-то, а наш вчерашний симпатичный доктор.

Он вообще-то почти не принимал участия в этом странном танце вокруг ревушей девицы, стоял чуть в стороне, сложив руки на груди, и имел о-очень сложное выражение лица. Этакую смесь растерянности, досады и легкого недоумения поверх небольшого чувства вины. Лекарь Александр Сергеевич встретился со мной глазами, застыл на пару секунд, оценивая наш с Шурой эффектный силуэт на фоне стеклянной двери, и поспешил навстречу.

— Простите, ради бога, — он ловко подхватил меня под руку и повлек вглубь помещения мимо странной конструкции, напоминавшей трактирную стойку, только из очень светлого дерева, возле которой, собственно, и продолжался циркус с рыданиями и вскриками. — Извините но, похоже, у нас только что уволилась работница, и возникли некоторые затруднения. Понимаете, только открылись, еще столько организационных дел, молодая девушка не справилась с обязанностями офис-менеджера, к тому же ей пришлось совмещать с регистратурой, и...

«Переведи, — с интересом попросила я примолкшую под впечатлением Шуру. — Я примерно половину слов не поняла».

«Да что непонятного, девица не справилась с новым большим хозяйством и с ведением документации, — вздохнула Лампочка. — С непривычки это трудно может быть. Причем, судя по составу зрителей и участников, а также по крикам этой девочки, врачи здесь в основном мужчины, и они ее еще и потроллили как следует, когда она начала путаться. Ну вот, результат».

«Что они с ней сделали?! — ошалело переспросила я, заходя вслед за лекарем в небольшую комнату с кушеткой, столом и компьютером. — По что?!»

Глава 23

«Ну, подразнили довольно зло, — стала объяснять Шура. — Девочка совсем молоденькая, а мужики взрослые, конечно, она им не соперница. Хотя и девки такие языкастые бывают но эта не сдюжила».

«Понятно, — успокоилась я, прогнав от мысленного взора картинку компании зеленошкурых, пытающихся девушку то ли сожрать, то ли иначе поиметь. — Забавное выражение. Меня б попробовали потроллить, я б им показала, чья дупа в болоте зеленее».

«Да уж не сомневаюсь, — развеселилась Шура. — Эти тролли сами бы от тебя бегать начали».

— Вы сегодня прекрасно выглядите, — прервал наш мысленный диалог лекарь Александр Сергеевич. — Кажется, обошлось легким испугом. Тем не менее обследоваться надо. Я сейчас выпишу вам направление, и ах, черт! — Я вопросительно изогнула бровь, а лекарь опять немного смутился. — Извините, небольшая техническая проблема. Как же не вовремя все это, — он машинально пятерней взъерошил свои аккуратно причесанные волосы и от этого как-то разом помолодел и стал похож на мальчишку. — Видите ли, вызвать сисадмина, чтобы разобрался с неполадками во внутренней сети, тоже входило в обязанности уволившейся сотрудницы.

Лампа в моем кармане вдруг как будто слегка нагрелась, а в голове оживился Шурин голос:

«Спроси, у них есть постоянная фирма, обслуживающая медцентр, или они вызывали разового сотрудника? Или планируют нанять постоянного? У меня просто есть кое-что на примете, и...»

— А что у вас случилось? — решила я начать с самого простого.

— Да досада такая. Истории болезни недоступны, — растерянно поделился Александр. — Пишет: «недостаточно прав для доступа». Слетело что-то, а что непонятно. Наверное из-за того, что с полчаса назад свет мигнул.

Я вздохнула и под терпеливое суфлирование Шурочки повторила вопрос про сисадмина, кто бы ни был этот загадочный зверь.

— Был, но сплыл, — мрачно поведал лекарь. — В прямом смысле три дня назад сплыл, отправился на каякинг куда-то к черту на рога. Фрилансер, печень его кхм, — он спохватился. — Извините, Александра Михайловна, я сейчас. Катя должна была позвонить в кадровое агентство, но, похоже... Да, похоже, не позвонила.

— Так, без паники. Сейчас мы решим эту проблему.

Кхм, кажется, Шура в роли подсказчика из волшебной лампы чувствовала себя гораздо увереннее, чем когда была на своем месте. Или просто у нас сложилась такая удачная боевая двойка? А что, бывает! Так или иначе, слово в слово повторяя за ней и даже почти копируя интонацию, только уверенности добавила. А потом выбрала на мобильнике в контактах надпись «Сема-некромант», про себя тихо окикиморев от такого прозвища. Шура, хихикая, пояснила, что это мегаспец, раньше подрабатывал в конторе Виктора, потом ушел еще куда-то, но ей всегда помогал, и с 1С разобраться в том числе. Как сложно у них тут жить, а! Уф-ф-ф, ладно. Позвонила и, дождавшись ответа, вступила в переговоры.

— Не, мать, сам не приеду. Работ — за гланды. Щас дам тебе контакты одной конторки, которая берет на абонентское обслуживание таких страдалцев, пришлют человека. С моими рекомендациями нормального телеграфируют, не парься. Какие, говоришь, у них там параметры?

Быстро выяснив у слегка опешившего от такой моей скорости и решительности Александра про то, что у них тут десять компьютеров и еще всякое медицинское оборудование, Сема-некромант заявил, что фигня-война, он даст наводку на других некромантов-волшебников и все уладится.

— Если они только не прое... э, не потеряли пароль от сервера.

Я вопросительно подняла бровь на лекаря, он, похоже, слышал последние слова, потому что голос в мобильнике звучал достаточно четко и громко, подхватился и с изменившимся лицом побежал обратно в холл, к стойке «ресепшена». Ух и забористые у них тут заклинания.

Шура же не обратила на этот пробег никакого внимания, и я под ее руководством получила нужные «контакты», по которым и позвонила немедленно. Обещанные некроманты быстро задали несколько вопросов, и, благодаря Александре, у меня не возникло проблем с ответами. Волшебника обещали прислать через полчаса, а пока я встала и пошла следом за лекарем, потому что в кабинет он не вернулся. Ну и неудивительно, потому что в холле, оказывается, раскрутился новый акт королевского театра.

Во-первых, девица снова рыдала и кричала, что она не помнит, куда делось сердечко с монитора, но там было написано что-то вроде «четырелавлав». Во-вторых, похоже, что все остальные врачи тоже не получили доступ к историям болезней пациентов и не могли вести прием. От этого, естественно, явившиеся по записи люди не пришли в восторг, но если некоторые покорно расселись по диванчикам у стенок, то другие активно принимали участие в скандале.

Я вдруг почувствовала странное движение души? Seriously, у меня было впечатление, что внутри меня словно колыхнулся туман. А в следующую секунду я уже знала, что делать, при том, что словами Шура мне почти ничего не подсказывала, скорее она делала это образами? Я прошла через шумную толпу, обогнула стойку ресепшена и уверенно села перед компьютером. Руки словно сами порхали, хотя теперь Шура все же «вслух» поясняла мне все свои действия и подбадривала. Теперь ее голос звучал так уверенно, я бы никогда не подумала, что эта же женщина мямлила и пугалась совсем недавно. Ладно. Так, что у нас тут.

Ровно через пять минут гвалт в холле утих больше чем наполовину. Оказалось, что с компьютера на ресепшене остался «админский доступ», что бы это ни означало. И Шура, то есть я под ее руководством, мгновенно навела порядок: «отправила на принтер» все необходимые листы истории болезней, распечатала расписание приема, без которого больные умудрились перессориться в очереди, раздала врачам их листочки и с удовольствием проследила, как те радостно разбежались по кабинетам, выдергивая с диванчиков своих пациентов, успокоила самую громкую пожилую женщину, вручив ей кофе и заявив, что «такая привлекательная и интересная дама просто обязана быть великодушной и простить молодым мужчинам некоторую путаницу, тем более что они наверняка слегка в прострации под впечатлением от нее». Дама замолчала на полуслове, переварила, обозвала меня виртуозным льстецом, но кофе выпить согласилась, а там и ее доктор подоспел со всеми распечатанными мною нужными бумагами.

Потом пришел черед подтянувшегося по вызову волшебника-некроманта и бедной девочки, устроившей всю эту неразбериху. Я одним взглядом разогнала недовольных мужчин, пытавшихся высказать миниатюрной рыженькой реве свои претензии, села с ней рядом на диван, погладила по руке и тут на передний план снова вынырнула Шура.

Я уже давно заметила, что есть в ней что-то удивительно теплое, успокаивающее. На всех сегодня действовало. Наверняка и на неудавшуюся хозяйку ресепшена подействует. Ровно через три минуты, отрывавшись в очередной раз на моей груди, этот несчастный ребенок послушно успокоился, высморкался и старательно вспоминал, на какой именно «стикер в виде сердечка, розового», она записала пароль от сервера и куда он мог деться.

Глава 24

«Ши, ты можешь магией поискать этот несчастный стикер?»

«Думаю, да, — я на секунду прикрыла глаза, чтобы сосредоточиться. — Тварья дупа, хоть бы представлять, что искать и где! Очень трудно сканировать вслепую».

«Ну вот же, смотри, слева. Вот такие стикеры, видишь? Розовые бумажки в форме сердечка с липким краем. А где искать Шура задумчиво посопела и выдала: Первым делом смотри на полу по углам, бедолажка тут во время истерики расшвыривала предметы по всему холлу. Потом просканируй мусорные корзины, причем начни во-о-он с той».

Я послушно настроилась, выпуская самую простейшую поисковую сеть подобия, хорошо, что забавная стопочка липких бумажек действительно оказалась на столе, было просто снять с них матрицу. Вон ту мусорку, говоришь? Ага!

«Обалдеть, а как ты догадалась, что именно там надо поискать?» — спросила я, вскакивая со стула и обходя стойку.

Мусорная корзинка стояла не возле рабочего места ревушки, а поодаль, возле диванчика, рядом со смешной штукой, в которую была вверх дном воткнута огромная прозрачная бутылка с водой. Почти пустая, кстати.

«Да элементарно. Слушай, какая красота эта твоя магия! Не пришлось потрошить все пакеты подряд! — между тем восхищалась Шурочка. — А то знаешь, я еще про ножки стульев думала бывает, стикеры к ним липнут».

«Магия-магия... Посмотри вокруг, — хмыкнула я, под обалделым взглядом присутствующих отдавая бумажку пришлому тощенькому и молоденькому некроманту-волшебнику в смешной шапке „бейсболке“, надетой задом наперед, и майке с черепами. — Вот это самое крутое колдунство, какое я только в жизни видела!»

И действительно, трудно было поверить, что всего чуть больше получаса назад тут творился страх, ужас и всемирный потоп в слезах. Теперь в холле царила благодатная «почти тишина»; деловито снующие по своим делам лекари и парочка девушек, их помощниц, спокойно забирали из принтера распечатанные бумажки, вызывали пациентов; рыдающая девица успокоилась, под нашим с Шурой руководством. Умылась и спокойно пила чай, все всем улыбались и вообще царила на удивление уютная, хотя и деловая атмосфера.

«Да что тут волшебного? — недоуменно спросила Александра. — Всего-то дел на полчаса. Да это все умеют. Витя, вон, говорил, что даже обезьяна может научить на кнопки нажимать, тоже мне, достижение. Так, суета на подхвате у серьезных людей. Да я даже не напрягалась! Вот было время, когда Виктор начинал работу еще в другой фирме и у них там все было вверх дном и не организовано толком надо было помочь. Так пахала по двенадцать часов, хорошо, наполовину из дома. Мы как раз только переехали от свекрови. Тошка еще болел, надо было по врачам, я с пузом, и в консультацию еще успеть бы. Как раз тогда на права сдавала, без машины бы совсем погибель. И ремонт в квартире новой, и свекровушка еще требовала, чтобы я ей подобрала и забронировала поездку в Чехию. Вот тогда было трудновато. Уставала страшно, не высыпалась. Да и сейчас ты не расслабляйся, это просто выходные, а в будни надо и в школу, и в кружки, и на работу, и еще я пыталась корректорское дело освоить копейки, а все же, и...»

«Шура! Шура, стой! — у меня, кажется, от ужаса даже глаза выпучились, хорошо, в этот момент я как раз смотрела в сторону двери, а не на людей. — Шура знаешь, дорогая если еще раз кто-то скажет тебе, что ты дура и лентяйка, плюнь тому в рожу три раза! А потом еще я плюну! Только одно мне сейчас скажи когда ты спала?!»

«Ну-у-у-у, почти никогда, — засмеялась Лампочка. — Молодая была, сил много».

«И этот твой бывший еще смеет кудахтать, что ты безрукая нахлебница?!»

«Знаешь, я вот сейчас вспоминаю, — задумчиво проговорила Шура. — Ведь сначала даже спасибо говорил, а потом вроде как ничего особенного, что я почти всю

административку на его первой работе тащила, чтобы ему легче карьеру делать. И дом Сначала просто замечать перестал, а потом стал высказывать, когда из десяти дел я одно не успела. Сразу и криворукая стала, и глупая, и склеротичка да еще свекровь подпевала и подзуживала, у той я всегда обязана и всегда виновата. Сама не пойму, как так вышло, что я такая безропотная овца».

«То есть ты бесплатно пахала на него как целая деревня крепостных, а он из себя строил недовольного господина. Понятно. Шур, можно я ему при следующей встрече в морду дам? Я умею, или лучше колдану, чтоб у него главное мужское достоинство отсохло!»

Наш мысленный диалог прервал мужчина, ввалившийся в двери с двумя уже знакомыми на вид бутылками воды.

— Хозяйка, — хрипло сказал он, увидев меня за стойкой, — куда ставить? Двадцать бутылей, как заказывали.

Я спохватилась и стала оглядываться в поисках Александра Сергеевича. Вот Шура, хозяйка, блин, я сама даже в мозгу не зафиксировала, а она заметила и что в «кулере» вода почти кончилась, и что бумаги для принтера всего четверть пачки осталось, и главное, я даже помню, что листала сайты и звонила, но потом отвлеклась на другие дела, а эта волшебница с комплексами все помнила, потому что и сейчас мысленно меня пнула в сторону здорового хмурого и бритого налысо мужика в таком же салатном халате, как остальные доктора:

«Это начальство. Попроси оплатить доставку. И скажи, что сейчас еще приедут курьеры с бумагой для принтера, а заодно и туалетную привезут в больших бобинах, и капсулы для кофеварки в комнате отдыха».

«Тварья дура, когда и как ты все это успела заметить и запомнить?!»

«Да что тут сложного-то? Вот с начальством беседовать... Уж больно он неприветливо смотрит. Может, я тут зря самоуправством занялась?»

Ну все-е, Шура опять решила занырнуть в болото самоуничижения. Кто ж ее так зашугал? Впрочем, знаю, помню и еще отомщу. Потому что не хрен из настоящей феи кикимору забитую делать! Я встала со своег, тьфу, не своего стула и, машинально поправив волосы, улыбнулась хмурому и бритому амбалу:

— Простите, я, кажется, слегка увлеклась. Но вам все равно нужны была и вода, и все остальное что сейчас привезут.

— Кхм! — сказал амбал и как-то озадаченно поскреб затылок, глядя на меня исподлобья.

Шура где-то внутри обреченно вздохнула, но тут я заметила, что глаза у мужика не злые и даже не сердитые, а просто слегка растерянные и еще...

— Спасибо. Извините, не знаю, как вас зовут, — гулким басом сказал он, — но решительно намерен сделать вам предложение. От которого нежелательно отказываться, — тут он вдруг улыбнулся. — Я предлагаю вам самое дорогое, что у меня есть: этот медцентр, эту стойку ресепшена и хорошую зарплату. А также уважение, обожание и преклонение всего наличного персонала, если только вы и дальше будете творить подобное волшебство.

Глава 25

Эм, мы с Шурочкой на мгновение одинаково смешались. Но потом обе пришли в себя.

— Спасибо, конечно но, боюсь у меня некоторые обстоятельства. А точнее двое детей-школьников. И вряд ли я смогу работать полный день. К тому же...

— Это совсем не проблема, — торопливо заверил бритый амбал. — Простите, забыл представиться. Меня зовут Илья Иванович Громов, я главврач и совладелец этого центра. И я могу обеспечить вам любые условия, в том числе и гибкий график работы, и многое другое.

— Соглашайтесь, Александра Михайловна, — прозвучал вдруг знакомый голос откуда-то сбоку.

А я и не заметила, как наш симпатичный доктор тоже подошел и решил подключиться к беседе.

— Уверяю вас, вы первая, кому наш грозный Громов предлагает такие роскошные условия. Обычно он весьма скуп на похвалу и на поправки.

— Изыди, шайтан языкатый, — отмахнулся от него амбал и вдруг улыбнулся мне очень светлой, располагающей улыбкой, разом растворившей в себе всю его угрюмую грозность. — Эх, признаю. Это правда. Впервые встречаю настоящую фею администрирования и готов бросить к ее ногам решительно все, что она пожелает. Любые условия в разумных пределах.

— Соглашайтесь, Александра Михайловна, мы хорошие, и вы нам очень нужны.

— Видите ли у меня ведь даже стажа нет, — озвучила я нерешительный Шуриный аргумент. — Собственно, у меня нет даже трудовой.

— Ерунда, заведем, — отмахнулся Громов. — Это дело пяти минут. Зато плюс к зарплате вы сможете обследоваться и лечиться в центре бесплатно помимо страховки! А? Отличное же условие? — он посмотрел на меня с гордостью, словно предлагал сокровище. — И вообще, у нас здесь очень уютно, и люди хорошие. Например, ваши дети вполне смогут прибегать сюда после школы и посидеть, даже пообедать в комнате отдыха, у нас там есть телевизор и компьютер! Где еще вам предложат такие королевские условия, а? — продолжал соблазнять он.

Шура у меня в голове молчала, и я взяла паузу на обдумывание. И похоже, правильно сделала вон как Александр Сергеевич мне из-за плеча начальства подмигивает. Ну точно, мне как-то знакомый торговец говорил, что на сделке никогда не надо торопиться и лучше какое-то время многозначительно молчать после того, как тебе высказали предложение. Есть большой шанс, что тут же предложат чуть больше. Я обвела глазами холл и решила, что мне здесь в общем нравится. Может, я бы и не против поработать правда, вот эта магия с хозяйством это сложно, но Шура-то умеет. Шур? Ты как?

«Не знаю, я в растерянности. С одной стороны, эта работа нам как с неба в руки свалилась. А с другой... Страшно. Они тут от меня каких-то чудес ждут, предлагают столько плюшек, как будто я невеста какой специалист. А мне чего-то хочется убежать и спрятаться в темный уголок словно я самозванка, которая всех обманула, и вот сейчас-сейчас люди разберутся и с позором меня прогонят. Мне всегда не по себе было, когда слишком хвалили, и мама в детстве каждый раз говорила, чтобы я особо нос не задирала, моей заслуги немного, или просто повезло, или девочка и так обязана все это уметь, гордиться нечем».

«Шура-Шура-Шура! — мысленно взывала я. — Выключи эту музыку, у меня от нее зубы ноют и колени чешутся вмазать кое-кому по самому интересному месту! Причем начиная с твоих родителей! Это же надо столько нехорошего навоза запихнуть ребенку в голову, начиная аж с детства! Что за мода такая готовить из девочки исключительно будущую бессловесную прислугу?»

«Ну-ну, тихо, не бушуй, — вдруг хихикнула Александра. — Я подозреваю, что, когда ты злишься, у тебя выражение лица меняется, и ты сейчас распугаешь нам всех будущих

работодателей. Черт с ним, была не была. Водить машину за выходные ты все равно не научишься, так что соглашайся! Пока на испытательный срок и попробуем, что тут с чем едят».

Ну-у что сказать? Условия нам действительно предложили неплохие. После того как я озвучила согласие, Громов сразу пригласил меня в свой кабинет, куда, кстати, за нами увязался и Александр Сергеевич, и мы с мужчинами все довольно подробно обсудили.

Зарплату мне обещали неплохую, но не миллионы, как можно было подумать. На самом деле, процентов на десять-пятнадцать выше, чем средняя сумма по этой должности. Но Шура, которая мне про проценты и объяснила, сказала, что это круто и наглеть не стоит. Мы и так, считай, с улицы пришли, а нам повышенное жалование дают и еще уговаривают. И на испытательном сроке не настаивают, наоборот, на нем как раз Александра настояла. Потому что ну страшно ей было.

Да и мне немного не по себе, несмотря на всю мою уверенность. Это она меня напугала тем, что с понедельника дурдом начнется с семейным администрированием, а тут нам еще и медцентр до кучи.

Ладно, справимся. Если я в Кошкайском болоте не пропала, воюя с тамошней армией вурдалаков, так здесь точно отобьюсь.

— Ну, драгоценнейшая фея Александра Михайловна, — в понедельник ждем вас на рабочем месте, бодро закончил разговор Громов, провожая меня из своего кабинета в холл. — Очень надеюсь, очень надеюсь да. А сейчас не смею задерживать.

— А вот я смею, — вдруг ловко подхватил меня под руку Александр Сергеевич, когда я уже пошла к дверям. — Рабочие моменты это, конечно, хорошо. Но если вы забыли, то я напоминаю: целью вашего к нам визита было вовсе не спасение нас, несчастных, от административного бедствия, а обследование вашего здоровья. И если вы думаете, что уйдете отсюда недообследованной, то я вынужден вас огорчить!

И он смешно подвигал бровями, видимо изображая строгое запугивание на случай, если я попытаюсь вырваться и убежать без лечения. И именно в этот момент у меня заорал мобильный, который я держала в руках, потому что Шура хотела проверить, не было ли сообщений от сыновей. Причем заорало это приспособление громко и отчего-то ужасно противно, хотя вроде бы сама по себе мелодия была обычная и не страшная. Но от неожиданности я выпустила эту тварью стеклянную коробочку из рук, и она грохнулась на кафельный пол, украсившись шикарной густой паутиной трещин.

«Виктор звонит! — всполошилась Шура. — Господи, а вдруг что-то с детьми?!»

Глава 26

Вообще, как выяснилось, здешние люди слишком доверяют своим игрушкам, сделанным с помощью технологий. Так, например, никто давно не запоминал эти их длинные ряды цифр, номера мобильных телефонов. И если вдруг у человека пропадала эта коробочка — все, он оставался практически без связи. Но тут у Шурочки было преимущество. Номера телефонов обоих детей она помнила наизусть, и я этому не удивилась. При ее-то тревожности и желании все контролировать и всех опекать. Поэтому, когда сеть трещин на экране категорически отказалась с нами сотрудничать, сколько я в нее пальцем ни тыкала, я просто попросила телефон у деликатно-встревоженного Александра и под Шурину диктовку набрала там номер Антона.

— Тош, у вас все в порядке?

— Не очень, — как-то сумрачно отозвался сын, и я почувствовала, как затрепыхалась Шура. — Она тоже приехала, сразу начала командовать и прогнала нас от бассейна, потому что мы играли в мяч и шумели.

«Она» — это новая жена Виктора. Насколько я поняла из заполошных и сумбурных объяснений Александры, поначалу эта девушка старалась даже наладить контакт с моими детьми, но, когда забеременела сама, они стали ее дико раздражать, и отношения постепенно портились.

— А бабушка ударила Пашку по губам за то, что он у нее спросил, будут ли они с новой папиной женой теперь злыми мачехами, — закончил тем временем сын.

Я помолчала секунд тридцать, а потом, едва сдерживая ярость, сказала старшенькому:

— Тош, папа там далеко? Дай мне его на минутку. А сам ничего не бойся и успокой Пашу. Если надо будет, я за вами приеду сразу.

— Правда приедешь? А то папа сказал, что...

— Приеду. Уже выезжаю. Но дай мне сейчас папу, пожалуйста.

В трубке зашуршало, затрещало, и я услышала приглушенный голос Антона, который что-то говорил, обращаясь, по всей видимости, к отцу. Я терпеливо ждала, а сама в это время постаралась благодарно и с нотками извинений улыбнуться доктору, который, как положено вежливому человеку, не стал подслушивать чужие разговоры, а отошел в другой конец холла и разговаривал там с еще одним мужчиной, но в мою сторону поглядывал вопросительно.

— Что за чушь! — рявкнул вдруг мобильник мне в ухо голосом Виктора. — Нечего тебе тут делать, а если не умеешь нормально воспитывать де...

— Значит, так, — спокойным ледяным голосом оборвала я бывшего мужа. — Замолчи и слушай. Сейчас ты уймешь свою новую жену, соберешь вещи детей, и к моему приезду чтобы они были спокойны и веселы. А если твоя чокнутая мамаша еще хоть пальцем тронет кого-то из моих сыновей, я ей руку оторву, понял?

— Что?! — ошарашенно спросил Виктор после паузы, как-то странно булькнув. — Ты там рехнулась, что ли?! Да ты вообще Ты. Меня.

— Понял? — снова тихо и спокойно переспросила я, выстраивая перед мысленным взором картинку выброшенного на этого козла заклинания оледенения всего, что есть ниже пояса.

Не знаю, может, он это заклинание в моем голосе услышал, или еще что-то проняло, но Виктор только коротко буркнул нечто неразборчивое и отключился. Наезжать и петь свою обычную песню про «Шура-дура» не стал. Уже хорошо. Я опустила мобильник и несколько раз вдохнула-выдохнула. Главное теперь никого не убить. Потому что при одной мысли о том, что какая-то вздорная старуха посмела ударить Пашку, у меня темнело в глазах от ярости. Не знаю, сейчас я на все сто была уверена, что тронули МОЕГО ребенка и я сровняю с землей эту тварью «дачу» вместе с обитателями, если такое повторится. Шура при этом молчала. Я даже напряглась на секунду что там с ней?

«Нормально все со мной, — вздохнула Лампочка. — В смысле, не нормально, конечно. Отдай телефон доктору, и как ты собираешься их забрать? Нет, — торопливо продолжила она. — Я с тобой во всем согласна! Ты не представляешь, сколько раз у меня душа горела сказать что-то подобное, но я не смела. Я же женщина, я должна быть сдержанной, мягкой, дипломатичной, гасить конфликты, а не создавать их и вообще, кто я такая и вдруг в ответ наорут или сделают что-то страшное но сейчас я прямо согласна. Только как мы их заберем?! Дача далеко за городом, причем электричка туда не ходит».

— У вас все хорошо? — добрый доктор, видимо, уловил что-то в моем лице и словно невзначай прикоснулся к моим пальцам, когда я отдавала телефон.

Это было странное ощущение какое-то, но я просто не успела его проанализировать, да и не захотела пока, вся полностью поглощенная предстоящей проблемой.

— Да, спасибо. Мелкие семейные неурядицы, ничего серьезного. Только вот с обследованием придется погодить, — я немного виновато улыбнулась. — Мне нужно срочно забрать детей с дачи, и...

Мысленно представив себе железную вонючую таратайку, я содрогнулась. Но надо. Если Александра успешно справилась, руководя мною здесь, среди совсем незнакомых мне приборов и реалий, то почему бы нам и с «автомобилем» не совладать?

«Шивон, не обижайся, — параллельно с этим выдала Шурочка. — Но если туда я еще могу представить, как мы доберемся, то обратно я не позволю тебе везти детей в машине. Это слишком опасно».

Я застыла. Тварья дупа, об этом не подумала, а она права. Сама я как-нибудь справлюсь, но тащить с собой в этом гробу на колесах детей... это как если бы я, не освоив заклинание левитации, потащила их на верхушку башни и прыгнула оттуда, собираясь лететь на теоретических подсказках из учебника, который мне будут зачитывать уже во время падения.

— Александра Михайловна, извините, — напомнил о себе доктор. — Простите, что я вмешиваюсь, но давайте уточним: вы собираетесь ехать за детьми на машине? Сами за рулем? Если да, то я категорически против! Я вам просто этого не позволю.

Он так решительно взял меня за локоток, что я слегка растерялась. А мужчина продолжил:

— Александра Михайловна, позавчера вы потеряли сознание, вчера очень плохо выглядели, и то, что сегодня у вас вполне цветущий вид, не гарантия, что в стрессовой ситуации обморок не повторится. А если это произойдет, когда вы будете за рулем? Нет, я как врач не могу взять на себя такую ответственность и отпустить вас. Я сам вас отвезу.

Глава 27

Я на мгновение растерялась. Шура, судя по ее молчанию, тоже. Осторожно освободив руку, я повернулась к Александру и внимательно посмотрела ему в глаза. И опять мне показалось да нет, именно показалось. Доктор терпеливо ждал моего решения, а я мысленно пнула Лампочку: «Шур! Ну! Чего замолчала?»

«От офигения, — честно призналась моя собеседница. — Знаешь, чего-то я подозреваю, что уйти посреди рабочего дня, чтобы отвезти на дачу пациентку, ему вовсе не врачебный долг велит».

«Вот и я так думаю, — мысленно покивав, согласилась я. — Давай решать, надо оно нам? По идее-то, от одного мужика бы отбиться, второй не ко времени. А с другой стороны...»

«Да к черту расчеты, детей надо забирать, если бы мне крокодил подвезти предложил, я и то бы согласилась, — залихватски выдала Шура. Хм, кажется, я на нее плохо влияю. То есть, тьфу! Наоборот. Хорошо влияю! — А он далеко не крокодил».

«Вот уж точно, — хмыкнула я, все еще глядя доктору прямо в глаза. — Ладно, берем».

— Спасибо, Александр Сергеевич, я буду вам очень признательна. Вот только это довольно далеко. Вы уверены, что сможете посвятить этому остаток дня? Вряд ли мы вернемся раньше девяти вечера.

— Это не проблема, — сразу же ответил доктор, чуть усмехнувшись. — Единственное, о чем я вас попрошу, это дать мне десять минут на то, чтобы уладить дела, и я в вашем распоряжении.

И правда, ровно через десять минут, уже без халата, Александр вышел ко мне в холл. Он был одет в светло-голубые джинсы и белую футболку, и я смогла оценить сразу две вещи: во-первых, с фигурой у лекаря все в полном порядке, а во-вторых, он так характерно двигался, что я сразу заподозрила, что этот мужчина умеет не только лечить людей, но и делать кое-что ровно противоположное. Ко мне через холл уверенной походкой шел профессиональный воин, уж это я могу определить без всякой магии!

«Ого! — заинтересовалась Шура. — А он непрост, что-то мне боязно. Слишком шикарный мужик для меня».

«Здрасте, зомби-мордасти! — тут же возмутилась я, прекращая пялиться на мужские бицепсы, распирающие рукава футболки. — С чего это вдруг?! Да мы достойны еще даже лучшего, подумаешь, мужик с мускулами, что я, таких не видела? Шура, отставить самоуничтожение, понравится заведем. И никаких! Мы с тобой сами шикарная женщина, еще посмотрим, достоин ли он нас!»

— Моя машина у дома во дворе, — сказала я доктору, когда мы вышли на крыльцо.

— Может, мы поедем на моей, — покачал головой Александр и нажал на какую-то черную штучку, которую держал в руках.

Большой черный гроб на колесах недалеко от крыльца взвизгнул не своим голосом и мигнул красными глазами. Тварья дупа!

«Не глазами, а фарами. Привыкай, — хихикнула Шура. — Иди садись, не спорь с мужчиной. Все равно бесполезно».

«Едва удержалась, чтобы заклинанием этого монстра не приложить, — вздохнула я. — Странный у вас мир. Опасный!»

«Ага, вурдалаки в болоте это ж ни в какое сравнение не идет с автомобильной сигнализацией. Они просто лапочки на фоне...»

«С вурдалаком понятно что делать: врезал молнией по башке и порядок. А тут на каждом углу неожиданность».

Ехать в железном монстре вопреки ожиданиям оказалось не так уж страшно. Даже уютно немного. Ну подумаешь, карета, которая едет слишком быстро, зато дороги какие

гладкие ощущение, словно не катишься по ним, а летишь. Деликатный доктор не доставал в дороге разговорами, включил приятную музыку, предварительно поинтересовавшись, не вызывает ли она у меня дискомфорта. И посоветовал подремать, а пункт назначения он прекрасно найдет с помощью навигатора. Вот тоже волшебная штучка, вроде нашего указующего артефакта, но ведь без магии! Хотя я тут заметила вдруг, что почти все эти технические прикормасы имеют ауру, очень похожую на магическую. А потом до меня дошло они ведь все питаются электричеством! Как и я, получается.

«Ты только не лижи розетки, ладно? — немного нервно попросила Шурочка. — А то это будет странно выглядеть».

Вообще, она очень заметно нервничала в смысле, мне заметно. Внешне-то я прикрыла глаза и послушно изобразила дрему, решив полюбоваться на пролетающий мимо окон пейзаж на обратном пути. А Шура дергалась и волновалась, постоянно порываясь отрешиться со мной, что она там кому скажет. И Вите, и свекрови, и детям, и маме этой, в бассейне недоутомленной. Я вяло отбрыкивалась и обещала, что на чистой интуиции найду правильные слова. Ну вот таким образом как-то быстро дорога пролетела. Вскоре мы въехали в «элитный поселок», и автомобиль мягко притормозил у ворот большого дома из красного кирпича.

— Мне пойти с вами? — предложил Александр, выходя из машины и открывая мне дверцу.

— Нет, спасибо, — я мягко и благодарно улыбнулась в ответ. — Думаю, это не займет много времени. Я просто заберу детей, и можно будет ехать обратно. Хотелось бы попасть в город пораньше.

— Тогда я жду вас в машине, — коротко кивнул доктор и сел обратно за руль, при этом продолжая внимательно следить за тем, как я иду по гравийной дорожке к запертой калитке и нажимаю кнопку звонка.

Довольно долго никто не открывал, и Шура опять начала нервничать. Да и мне, признаться, это не слишком понравилось. Но потом в калитке что-то зашуршало, пискнуло-щелкнуло, и она открылась. Уже проходя в вымощенный фигурной плиткой двор, я оглянулась на доктора в машине и поймала его внимательный взгляд и подбадривающую улыбку. И от этого словно внутри стало чуть теплее.

— Мама! — откуда-то сбоку на меня с воплем выскочил младший, с разбега уткнулся лицом мне в живот и тут же пустил слезу.

При том, что бежал он через двор еще вполне бодро и не ревел на ходу, я решила, что все не так страшно, ну просто ребенок резко почувствовал себя в безопасности и его расколбасило. Нормально. Другой вопрос, с какой тварью дупы в доме отца младшему сыну вдруг стало так некомфортно и небезопасно, что он вцепился в меня изо всех сил и теперь самозабвенно ревет?

— Это что еще за мужик в машине? — вдруг рывкнули с другой стороны, и, обернувшись, я имела неудовольствие лицезреть красного от злости бывшего мужа, нависшего надо мной, руки в боки, челюсть крепостным бастионом. — Ты для него так вырядилась? Ты кого к детям притащила, шлюха?

Глава 28

Шура внутри меня аж задохнулась от обиды и боли. Все же она столько лет любила этого мужчину и была, между прочим, ему верна. От такой явной несправедливости и разочарования ей было так больно, что даже меня проняло. Вот только во мне это рождало ответную злость и ярость. Ах ты слизняк жабоватый.

— Кто здесь шлюха, ты, кобель некастрированный, брошенная тобой женщина или ты, приведший в дом другую, да при живой жене?!

Ух, как мне хотелось сразу многого! Врезать гаду коленом по яйцам, плюнуть в рожу, вклепать пощечину какую, к тварям, пощечину, врезать в челюсть, чтоб улетел!

Но младший сын все еще цеплялся за меня, пряча зареванное лицо в новой футболке, и я не могла устраивать безобразную сцену при нем. Даже если его отец наглый невежественный козел, при детях я не буду опускаться до его уровня. Поэтому я выпрямилась и посмотрела на бывшего мужа так, что он даже чуть отступил. Да я взглядом громопотама останавливала, мне этот слизняк на один взмах ресниц, даже Шуриных. Но для начала я отвернулась и наклонилась к сыну:

— Паш, все хорошо. Я хочу поговорить с папой, а ты пока найди Антона и идите в машину.

— Да кто их с тобой отпустит! — начал было снова возбужать Виктор, но у меня к этому моменту кончилось терпение, и, чтобы не пугать ребенка, я всего лишь чуть сместилась в сторону и изо всех сил наступила каблуком на торчащие из пыльного шлепанца пальцы бывшего мужа. И одновременно взяла его за руку, особым образом нажав между большим пальцем и ладонью. Никакой магии, никакого насилия. А пальцы у Шуры, как выяснилось, вовсе не слабенькие, и мышцы есть еще бы, тут их «фитнес» не нужен, потаскай-ка сумки из магазинов и всю жизнь детей на руках, мускулы отрастут, как у профессионального наемника. А на точку-то даже несильно нажимать надо, важнее за кисть придержать, чтоб не вырвался.

— Паш, позови Антона и идите в машину, — все еще улыбаясь, я свободной рукой погладила сына по светлым всклокоченным волосам. — Папа больше не сердится и не возражает.

Папа, может, и сердился. И сказать хотел много чего. Но у него от общего когнитивного диссонанса вкупе с болевым шоком голос пропал. Я же продолжала стоять на его тапке новой туфелькой и не отпускала мужскую руку, время от времени меняя степень нажатия, чтобы ему скучно не было.

Жаль, что дважды такой трюк не провернешь, просто потому, что рослый здоровый мужик гораздо сильнее и если захочет по-настоящему вырвется и в пыль вколотит любую женщину. Ну, ту, у которой магии нет. Сейчас его переключило просто от неожиданности.

Он же перед собой видел Шурочку, которая за всю жизнь никого пальцем не тронула и голос не повысила. И на тебе.

Во двор выскочил одетый в куртку Антон с перекинутым через плечо рюкзаком, зыркнул на нас обоим исподлобья и молча проследовал за ворота, волоча за собой Пашку. Ох, чую, еще и с ним предстоит объясняться.

Но это потом. А сейчас у меня тут Витенька в себя пришел. Резко выдернул руку и оттолкнул меня так, что, не будь я заранее готова, отлетела бы шагов на пять. Из красного бывший муженек сделался бурый от ярости, и стало ясно: шутки кончились. Шурочка в кармане замерла, как мышь под метлой, я чувствовала ее страх, и от этого боевая ярость только поднималась еще более высокой волной, которую я старалась не расплескать. Виктор уже открыл рот, явно готовый разразиться громкой площадной бранью, когда я быстро шагнула к нему вплотную и резко схватила за... Кхм ну, на нем были надеты просторные штаны из довольно тонкой и мягкой шелковистой ткани темно-синего цвета, поэтому сжать и чуть выкрутить самое дорогое оказалось просто. Тут опять же магии не надо, только решимость и немного тренировки. И неожиданность, да. Такой наглости обычно мало кто ожидает.

— Если ты, тролль вонючий, еще раз в присутствии детей позволишь себе меня обозвать, я тебе его на хер оторву, понял?! — прошипела я в лицо разом побелевшего мужчины. — Наедине хоть оборись, хоть все ругательства самые грязные вспомни, на слова твои мне плевать с высокой башни. Но дети этого слышать не должны! Понятно?

— Понятно, — прохрипел Виктор, глядя на меня оловянными глазами, в которых плескалась равномерная смесь полного отролления и страха.

Ага, почувствовал ле-егонький такой разряд магии льда, проскочивший у меня между пальцами той руки, которой я держала его за средоточие мужской доблести.

— Витенька! — потрескивающий от напряжения воздух вдруг прорезал голос свекрови, доносившийся откуда-то сверху. — Витенька, эта не приехала еще? Позвони, пусть по дороге купит молоко, мне кофе выпить не с чем. Хотя какая-то польза от курицы.

Я подняла глаза и узрела старую воблу в банном халате и полотенце, намотанном на голове, расположившуюся у перил на маленьком балкончике, нависающем над двором. Грымза близоруко щурилась в полутьму и сосала длинную тонкую палочку, из которой шел дымок. Лицо этой дамы было намазано чем-то черным и жирно блестящим, больше всего похожим на болотную грязь.

«Это маска на лице и волосах, — очнулась вдруг Шура, и, хотя голосок ее звучал все еще потрясенно и неуверенно, вроде бы совсем помирать от шока она не собиралась. — Из грязи Мертвого моря. Дорогая, как будто они в том море золото растворили. Ши, слушай, отпусти ты придурка, а то он сейчас того, кажется, неприятно будет, если по руке потечет».

«Тьфу, жабкин прыщ тебе на язык! — возмутилась я, и правда отпуская поганца от греха и машинально вытирая руку о собственную юбку. — Как сказанешь, хотя, знаешь, все возможно. А ты знала, что у твоего бывшего серьезные нелады с этим местом? Какая-то патология, я точно не разобралась, но у меня даже на слабом магическом импульсе обследующее сканирование само запускается, так что точно тебе говорю: проблемы с потенцией уже примерно год-полтора. Как минимум».

«Эм нет, не знала, — удивилась Шурочка, а потом задумчиво добавила: — Я думала, дело во мне постарела, разжирела, надоела, перестала выглядеть привлекательно и все такое. На молодую-то он запрыгнул».

«Не знаю, кто куда запрыгнул, а в том, что новая жена твоего мужа беременна не от него, я почти уверена».

Пока мы с Шурой обменивались диагнозами, жабье семейство постепенно стало приходить в себя. Точнее, бывший жаб немного отдышался и перестал напоминать цветом стенку, а его мамочка с балкона, так толком и не разглядев, что тут происходит, явно заинтересовалась и собралась спускаться. Ну, я не стала ждать и отказывать себе в удовольствии просветить ее немного заранее.

— Вы бы, Валентина Дмитриевна, поосторожнее с грязями, тем более мертвыми. Не все то, что дорого, одинаково полезно. Если передержать, то могут быть неожиданные эффекты. Кстати, и кофе в вашем возрасте вреден, от него давление повышается и зубы желтеют. Даже вставные.

Грымза на балкончике поперхнулась дымом из своей курительной палочки, а я, воспользовавшись всеобщим замешательством, развернулась и пошла вон со двора. И, уже прикрывая за собой калитку, с огромным удовлетворением услышала за спиной отчаянный бабский визг, переходящий в вой.

Глава 29

«Что ты сделала? Шиво-он, ну что? — ныла Шурочка, пока я шла от калитки обратно к дороге, где стояла машина. — Чего она так орет, словно вместо маски жабу к лицу приложила? Или ой».

«Да ничего не ой, мелкая пакость, довольно хихикнула я. К утру пройдет. Нечего было на ребенка руку поднимать. Или ты думала, я это безнаказанным оставлю? Да щаз-з».

«Да что ты с ней сделала-то?!»

«Ну-у маленькая иллюзия. Ма-аленькая такая иллюзия лысой головы с жабыми бородавками. По периметру скальпа и чисто для симметрии несколько штук на лице. Ну и на носу одна. И все! Между прочим, даже красиво: красные бородавки на болотно-зеленом!»

«Шивон! — в голосе собеседницы слышалась смесь ужаса и восхищения. — Ой, мамочки! Да ее же удар хватит!»

«Не хватит, усмехнулась я, уже подходя к машине. Здоровье у бабушки железное, она еще своего Витеньку переживет вместе с новым внуком».

Сзади вдруг послышался быстро приближающийся хруст гравия, и я оглянулась.

Оппа! Бывший муженек, похоже, опомнился и мчится для того, чтобы продолжить разговор? Тварья дупа, вот была же мысль приморозить его на месте ниже пояса, чтоб оттаял не сразу. Надо было к ней прислушаться. А теперь придется снова объясняться на глазах у детей.

Сыновья уже сидели в машине, послушные дети. Надо будет им что-то приятное устроить вечером, заслужили. А вот с водительской стороны дверь приоткрылась. Доктор заинтересовался и подслушивает? А, нет, просто выходит из машины. Александр Сергеевич действительно выбрался из-за руля и улыбнулся мне, а потом спокойно так посмотрел мне за спину, облокотившись спиной на свой автомобиль. Споко-ойно, даже руки на груди сложил. Так, что мощные бицепсы, не скрытые короткими рукавами футболки, стали особенно заметны.

С разбегу Виктор сначала не обратил на него особого внимания, ему было важнее со мной разборки устроить. Он подлетел на всех парах и с ходу попытался поймать меня за руку, но я ловко отступила на полшага, и он промахнулся. Скорее всего, он на второй бы заход пошел, очень уж разозлился, да и в голове у него все никак уложиться не могло, что я могу дать отпор. Но тут он как на каменную стену налетел на спокойный сумрачный взгляд доктора и резко остановился, только рот приоткрыл и запыхтел, как сердитый вурдалак под кочкой.

— Ты! — у него хватило ума не орать, зато шипел он очень здорово.

— Я, — мне почему-то стало смешно и совсем не страшно.

— Я подам на тебя в суд, за телесные повреждения! — Витя все время одним глазом косился на невозмутимо стоящего у машины Александра и срывающимся полусшепотом выкрикивал угрозы мне в лицо. — Я у тебя детей отберу, сучка, поняла?! Я тебя посажу! И за то, что ты с матерью сделала, тоже!

— Ну попробуй, дорогой, — да, Шура там в лампе опять испугалась почти до обморока, но в этот раз я четко чувствовала, что, несмотря на страх, в обморок она не собирается и даже почти готова была дать отпор. Ну а я вообще была спокойна как танк. — Попробуй. Особенно хорошо будет, если ты пожалуешься, как я твою мамашу на балконе дистанционно повредила. Посмотрим, что на это скажет суд.

— Александра Михайловна, вам нужна помощь? — между тем негромко спросил доктор и выразительно так поднял бровь на Виктора.

Тот покосился на прилипших к стеклу в машине сыновей и вполголоса грязно выругался, снова назвав меня разными вариациями падшей женщины. Потом резко развернулся и

зашагал в сторону дома, даже не оглядываясь на нас.

«А когда он узнает про заявление на алименты, он примчится, и вот тогда будет по-настоящему грандиозный скандал, — вздохнула Шура, но уже без прежней обреченности. — Я бы умерла, но с тобой не так страшно».

Я проводила бывшего глазами до калитки и как ни в чем не бывало улыбнулась Александру. Спасибо ему. Потому что я по-прежнему не хочу безобразных сцен на глазах у детей, а присутствие доктора уберегло нас именно от этого.

Обратно мы ехали уже в темноте, я устроилась на заднем сиденье между сыновьями, и Пашка почти сразу уснул, пристроившись мне под бочок. Зато Антон всю дорогу сидел надутый и не слишком доброжелательно посматривал в спину сидящему за рулем доктору. Александр Сергеевич, впрочем, на его надутый вид никак не реагировал, довез нас до дома, очень вежливо попрощался и даже не подумал напрашиваться на чай, к примеру. Это несколько примирило Антона с ситуацией, а для меня послужило еще одним аргументом в пользу доктора. Пока мы поднимались в лифте, Паша зевал и тер глаза, а старшенький угрюмо и очень многозначительно сопел. И стоило войти в дом, как бросил рюкзак на полочку под вешалкой, развернулся ко мне, совсем по-отцовски уперев руки в боки, и выдал:

— Ну и что этому Пушкину от тебя надо?!

— Это ты про доктора? — я демонстративно спокойно помогла младшему стянуть куртку и кроссовки и легким шлепком отправила в сторону ванной. — Кстати, вы голодные? Ужинать будем или сразу умываться и спать?

— Ты разговор не переводит! — возмутился сын.

— Антон, во-первых, я в таком тоне просто не буду с тобой разговаривать, — я скинула туфли и с огромным наслаждением ступила босыми ногами на прохладный пол. Хоть и удобная обувь, а все равно устала. — Мы же оба взрослые люди и правила элементарной вежливости знаем. А во-вторых, я не понимаю, что именно тебя интересует.

— Чего ему от тебя надо? Чего он за тобой таскается? — упрямо набычившись, но явно сбавив тон, спросил сына.

— Ну, у меня есть несколько вариантов ответа, — я пожала плечами и потянула сына за собой в кухню. — Пошли ужин сообразим и обсудим. Так вот самый первый и самый правдоподобный я ему нравлюсь.

— Как это?! — Антон вытаращил глаза и даже рот приоткрыл в ответ на мою простоту.

— Как обычно. Как женщина нравится мужчине, как девочка нравится мальчику. А что тебя так удивляет?

— Но ты же не девочка! — возмущенно завопил старший. И ты же не...

— Здравствуй! — вот теперь и я встала перед сыном посреди кухни, уперев руки в боки. — А кто я, потвоему? Синий тролль с болота в лопушиной шляпе?

Глава 30

— Кто?! — поразился Антон, удивленно захлопав глазами, но тут же спохватился и снова попытался набычиться. — Ты МАМА! А это значит...

— Стоп! — я подняла обе руки вверх. — Вроде бы мы на эту тему уже беседовали и пришли к выводу, что мама тоже человек. Что изменилось за сутки?

Антон завис. У него прямо на лбу проступил мыслительный процесс, он даже губами шевелил, словно проговаривая про себя аргументы, и сам же с изумлением их не принимал.

А ты... а ты теперь замуж пойдешь за него?! — выдал он наконец результат, и его глаза подозрительно заблестели. — Заведешь нам второго папу?!

— Вот прямо так с разбегу и заведу, — вздохнула я. — Тош, самому не смешно? Вот ты, когда симпатичную девочку видишь, сразу думаешь завтра же на ней женюсь и будем жить вместе?

— Э... ну... — Тошка заметно смутился и всерьез озадачился. — Нет. Но это же...

— Ага, то ты, а то я, — понимающе закивала головой и, пока сын не пришел в себя, всунула ему в руки картофелечистку и сетку с корнеплодами, подтолкнув в сторону раковины. — Так вот, дорогой потомок, я тоже человек. И возможно, когда-нибудь даже захочу еще раз замуж. Но не факт. И не обязательно за доктора. И точно не завтра. И абсолютно железно буду советоваться с вами. И еще три раза подумаю, нужен ли нам вообще кто-то. Но если окажется, что нужен...

— Не хочу! — Антон бросил картошку, которую по инерции уже начал было «строгать» в раковину, обернулся ко мне и упрямо вздернул подбородок. — Не нужен нам никто! И тебе не ну...

— Договорились, — я отряхнула ладони от земли, которую счищала с особенно грязных клубней, и протянула сыну руку. — Нам никто не нужен. Вы с Пашкой обещаете ни с кем, кроме меня, не дружить, никаких девочек себе не заводить и никогда не жениться! Будем жить втроем всегда! Везде ходить только втроем, отдыхать только вместе, играть только сами!

— Э... — Тошка вытаращил глаза и несколько раз моргнул. — Ну не-ет, как это?

— Ну ты же сам захотел! — «удивилась» я. — И сказал, что нам никто не нужен. Никто значит, никто.

— Ну я не имел в виду...

— А-а-а, то есть у тебя могут быть друзья и даже девочка, и даже не одна, ты будешь уходить развлекаться, радоваться жизни, потом вырастешь и совсем уйдешь, а я должна всех прогнать, ни с кем не общаться, а потом в старости остаться одна, потому что у вас с Пашей будут свои семьи? Тебе не кажется, что это тоже нечестно?

— Я все равно не хочу чужого дядьку! — уже со слезами в голосе крикнул Антон, швыряя недочищенную картофелину в раковину. — Не хочу!

— Так тебе вроде никто пока не предлагает, — я подчеркнуто спокойно пожала плечами. — Вот ты со своими друзьями Колей и Андреем дружишь в школе и в секции, это же не значит, что завтра они все придут жить к нам в дом? Так и мои друзья и знакомые вполне спокойно могут оставаться там, где они сейчас есть. Если вдруг появится мужчина, которого я захочу привести в дом, уж будь уверен, я ни за что не выберу того, с кем вам будет плохо.

— А папа? — Антон, сопя и шмыгая носом, принялся ковырять грязную картофелину пальцем, гоняя ее вокруг сливного отверстия. — Вы уже не помиритесь совсем?

— Тош, папа ушел от меня к другой женщине. И у нее будет ребенок. Так что нет. Мне очень жаль, — вот тут пришлось покривить душой, — но нет. Мы уже не будем жить

вместе. Но от этого он не перестает быть вашим папой.

— Да щас! — вдруг зло процедил сын. — По нему видно! У него теперь новый сыночек будет, а мы не нужны. Эта так и сказала. А ты тоже выйдешь замуж, родишь еще одного и...

Вот тут я бросила все, в два шага подлетела к парню, за плечи развернула его к себе и, глядя прямо в глаза, тихо, но яростно произнесла:

— Не смей. Никогда. Говорить и даже думать! Что вы мне не нужны!

Я легонько встряхивала его после каждого слова.

— Я здесь только ради вас. Если бы не вы, я бы давно сдалась и умерла к тролллей бабушке, понял?! Я за вас убью любого. И если эта новая папина тварь еще раз что-то подобное ляпнет, я ей язык вырву.

Тошкины глаза стали огромными, он пару секунд таращился на меня, а потом уткнулся мне в грудь и, наконец, разрыдался. А я про себя на все корки прокляла и бывшего, и его мамашу, и эту дуру, его новую жену. Ну вышла ты замуж, отхватив богатого мужика, ну и радуйся же! Какой тварьей дупы тебе понадобилось гадить его детям?! Даже беременность не оправдание, нормальным человеком можно оставаться всегда. Я обнимала сына, успокаивающе гладила его по спине и по голове, а сама пыталась понять, как так случилось, что Шурочка все время нашего разговора вроде бы молчала а вроде бы и нет. Я вдруг поняла, что не могу отделить ее слова от своих. А еще, вот я Тошке про его друзей упомянула: «Коля и Андрей». Я ведь произнесла эти имена уверенно, ни на секунду не задумавшись. Но ОТКУДА я их знаю?! Шура о друзьях своих сыновей мне еще просто не успела рассказать!

«Шур?...»

«Не знаю я не знаю, кто из нас сейчас с Тошкой разговаривал, — как-то растерянно отозвалось в голове. — Я только чувствую, что все до последнего слова правда. Я за себя ни в жизни бы не стала воевать, а за них вырву. И ты мне поможешь, правда?»

«Даже не обсуждается. А насчет доктора...»

«Да рано еще что-то загадывать, — фыркнула Шура. — Ну мужчина, ну симпатичный. Но мне, если честно, после первого опыта не особенно и хочется».

«Это понятно. Но и другое правда: дети вырастут. У них появится своя жизнь, свои семьи и свои дети. А ты чем будешь заниматься, если не найдешь еще кого-то и что-то для себя? Ты же не хочешь превратиться в свою свекровушку, которая только и делает, что сидит у собственного сына на голове?»

«Не дай бог!»

«Вот. Поэтому мы за детей любого порвем, но и о себе забывать не будем. Жизнь впереди долгая. Долгая-долгая, не хмыкай. У нас впереди магия и молодость, а значит весь мир!»

Шура только тихонько всхлипнула где-то там я уже не могла понять, внутри меня или снаружи. Да мне вдруг и неважно стало. Я какое-то время продолжала обниматься с Тошкой, пока его слезы не пошли на убыль и он сам от меня не оторвался. Сразу засмутился, отвернулся, выпятив губу. Я сделала вид, что ничего особенного не происходит и он не ревел тут только что в три ручья. Понятно, ему теперь неловко. Он же вроде как мужчина. Хотя глупость это несусветная, что мужчины не плачут. Еще как! И правильно, потому что они тоже люди, а если запрещать им выражать свои чувства, то потом и удивляться нечего, когда такой «настоящий» становится бревном, от которого ни сочувствия, ни эмпатии не дождешься. Ничего, мы пойдем другим путем. Но не сразу. А пока...

— Ну что, дочистим картошку? Ты чего больше хочешь приготовить к котлеткам, жаренную с луком или пюре?

— Я хочу приготовить?! — от удивления Тошка забыл про недавние слезы.

— Ну да. У тебя неплохо получается, я займусь мясом, ты гарниром, и ужин будет всем на зависть!

Глава 31

Ночь. Все спят. Оба сына уткнулись мне носами один в подмышку, другой в плечо и сладко дрыхнут. Да, пришлось разложить мой диван, он оказался в этом состоянии гораздо просторнее, и я не поняла, зачем Шура ютилась на узком ложе, учитывая, что Пашка прибежал под бочок довольно часто. Привычка не замечать собственного неудобства? Похоже. Шура в лампе тоже спит, кажется. Я вкрутила ее в торшер, потому что непонятно пока, как и что вообще происходит с магией и этим их электричеством.

А мне не спится. Лежу и думаю. Столько всего случилось за два дня с хвостиком, получается. И самое главное, самое странное, что для меня все, что тут происходит, очень важно и как-то близко. Настолько, что даже Кейдан словно отодвинулся вдаль. Словно все, что случилось со мной в зеркальной башне, было очень-очень давно. Я помню, и это место в душе, где он пророс в меня, где жил тот теплый огонек, который всегда грел, когда я думала о любимом, это место болит и саднит, но как старая рана.

Или это просто потому, что я прячусь за сиюминутные события, обманываю себя, потому что не хочу вспоминать? Потому что чувствую, как под тонкой корочкой запекшейся крови эта рана болит по-прежнему, но самообман помогает не содрать ее, и не завывать, и не истечь кровью окончательно? Я осторожно, чтобы не разбудить мальчишек, сползла с дивана и на цыпочках пошла на кухню. Не включая света, встала у окна и бездумно стала смотреть на переливающийся огнями город там, внизу. Огромное море света, гирлянды и цепочки светлячков, неподвижные и куда-то бегущие чужой мир. Незнакомый, интересный и страшный.

Я с самого рождения такая была, неизвестность и опаска только подстегивали мой азарт, хотелось бегом бежать изучать, рассматривать, исследовать. Мне пришлось учиться осторожности, учиться не лезть сломя голову в самое пекло только бы узнать, что там такое красненькое светится, например. И надо же было такому случиться! Именно тогда, когда меня в самое это пекло занесло, в последнюю минуту «дуру ненормальную» выдернул страшно матерящийся на мертвом языке рыцарь-маг, которому, по его словам, делать больше было нечего, кроме как полоумных малолеток спасать из жерла готового к извержению вулкана. Сам дурак, вообще-то. Я это пекло полгода вычисляла и просчитывала. Потому что в опасном и недоступном месте обычно имеет привычку светиться что-то по-настоящему редкое и ценное, а маги жадины и коллекционеры по природе своей, ценное и редкое очень уважают. Ну вот и я не исключение. А если хочешь добыть приз и не убится быстро учишься искать, считать и думать. Но, тварья дупа, непрошеные спасители не вычисляются! Ух, как я на него тогда разозлилась! У меня ведь все было до ноготочка выверено, я почти добралась до самородного кристалла огненного шторма, который позволил бы мне разом оплатить следующие десять лет индивидуальных занятий у лучшего мастера!

Эх времечко было. Мы там на склоне этого вулкана разругались вдрызг и в пепел, который и так летел с неба и садился на плечи, на волосы, на лицо, превращая скандалящих магов в безликие серые тени. Я была так зла, что даже не запомнила его лица, не то что про «спасибо» вспомнить.

Я вернулась в академию, встретилась с Райно, с которым, как мне тогда казалось, мы крепко дружили на всю жизнь, в огонь и в воду. Училась, влипала в приключения и неприятности, получала опыт и имя. А потом на выпускном балу увидела его лорда по прозвищу Западный Ветер и не узнала. И он меня не узнал.

Самое смешное, что мы танцевали неприлично много в этот вечер, не могли наговориться, а под конец бала снова разругались вдрызг. Этот самоуверенный козел заявил мне, что женщина должна заниматься бытовой магией и рожать детей, а моя тяга к опасным приключениям ненормальна. Он бы своей жене такого никогда не позволил. Ну и пошел по известному адресу в болото к троллей бабушке со своими серыми глазами, от которых у меня кружилась голова, и теплыми сильными руками, в которых я таяла, как масло на солнце. Еще на десять лет пошел и пошел.

И я пошла. Точнее, поехала в экспедицию на дикий полуостров с Райно и еще парой друзей. Там такая потом заваруха приключилась вспомнить одновременно и страшно, и приятно. Спинай к спине! Эх, Райно. Нет, о нем вспоминать не буду. Лучше о том, как мы с Кейданом встретились в следующий раз на том самом вулкане, когда он сам

пытался добыть кристалл огненного шторма, чуть не убился, а я увела добычу прямо у него из-под носа. Он было открыл рот, чтобы поорать, узнал меня, вспомнил наш танец на балу, заткнулся решил побыть рыцарем и уступить, но тут тварий вулкан снова долбанул извержением, заставив нас драпать и обсыпав на прощанье пеплом. И он меня еще раз узнал.

И я его. И мы опять поругались, я чуть не треснула его тем самым кристаллом по башке за сентенцию о женской логике и мозгах и моем персональном ослином упрямстве, но не успела, потому что он неожиданно схватил меня за талию, выдергивая из-под рухнувшего с неба валуна, оттащил в сторонку и уже вознамерился прожечь яростным взглядом насквозь, но вдруг передумал и поцеловал. А я так же неожиданно вцепилась в него в ответ и тоже поцеловала. И Тварий пепел мы потом отмывали с самых разных мест на теле еще дня три. Неосмотрительно было все же заниматься любовью на склоне извергающегося вулкана в яме, куда эта серая пакость насыпалась толстенным одеялом. Мягко и тепло, но неосмотрительно

Я улыбнулась воспоминаниям и в оконном стекле вдруг увидела, как у моего отражения дрожат губы. Тварья дупа, ну вот! Только этого не хватало. Не зря я прятала эти мысли и образы как можно глубже, стараясь полностью занять мысли тем, что происходит здесь и сейчас. Не нужно было выпускать их наружу. Припеклась рана корочкой и хорошо, и не трогай. Слишком больно. Только оно ведь само лезет, без спросу. Я вдруг вспомнила, как в последний момент перед ударом по проклятому зеркалу, за мгновение до того, как мой прежний мир осыпался мелкой острой крошкой, Кейдан прикоснулся кончиками пальцев к тому месту на стекле, к которому прижималась с этой стороны моя рука. И его глаза в них было столько ужаса, боли и вины.

Он остался жив, но он остался там. Один. Как околдованная этими думами, я протянула руку и тоже коснулась стекла оконного. Оно было совсем не похоже на зеркало, за ним дышала и жила чужая ночь, но я вдруг дернулась и впиалась взглядом в неверные полупрозрачные тени. Это что?! Мне кажется или?..

Глава 32

Боги и демоны, я схожу с ума? Или мне просто мерещится от недосыпа и волнения? Я на секунду даже зажмурилась, а когда открыла глаза за оконным стеклом по-прежнему шустро бежали своей дорогой цепочки разноцветных огоньков, светлыми ручьями лились через темноту ярко освещенные улицы, а громады домов тихо подмигивали множеством горящих окон. И в чисто вымытом стекле ничего не отражалось, кроме меня и моей тоски. Показалось. Показалось что на секунду там, с другой стороны зазеркалья, мелькнули серые глаза и знакомый наклон головы Увы. Даже магия не всесильна. Пора привыкнуть и раз и навсегда сказать себе: та жизнь кончилась. Тот мир остался где-то далеко, и даже не в этой вселенной. А вместе с ним и Кейдан А здесь у меня есть Шура, дети, проблемы и разбитый телефон, который надо менять.

Потому что без связи как без рук, а денег на такую недешевую покупку у нас нет. Я встряхнулась, усилием воли загоняя воспоминания обратно на глубину и отключая «страдательное» настроение. Нечего. Жива? Значит, надо жить. Ну, или хотя бы притвориться, что живешь, а потом сама не заметишь, как взяла и поверила. Надо заварить себе этой их смолы, сесть у окна с чашкой и куском пирога, который мы с сыновьями испекли вечером, и помедитировать за жизнь. Впереди у нас два выходных, а потом надо выходить на работу и как-то это все совместить с бешеным графиком, по которому тут живут дети.

Так, первым делом надо решить что-то с домашними делами. Они съедают очень много времени, они никогда не кончаются, и спихнуть их на кого-то другого не вариант. Тут даже с помощью магии так просто не получится. Если только... интересно, а в этом мире есть домашние духи? В квартире такого не водилось совершенно точно, иначе я бы давно его почуяла. Наверное, такой огромный каменный муравейник слишком неудобное место для этих существ. И энергии маловато, хотя тут во всех стенах провода, по которым бежит электричество. Что мешает духам питаться напрямую?

Вот, кстати, о питании. Магическом. Я уже какое-то время чувствую в районе солнечного сплетения неприятную пустоту, очень похожую на чувство голода. Но она не убирается едой, проверено. Это значит, магический резерв опустел больше чем на половину, а нетренированное тело еще не умеет собирать магию из пространства без осознанного усилия с моей стороны. Можно заняться тренировочными медитациями, но они здорово выматывают, а мне утром подниматься и жить. Так что лучше попробовать подзарядиться другим способом. Так нет, лизать розетку, как шутила Шура, я не буду.

И целоваться с ней в засос тоже не буду. Тем более что Лампочка говорит в сети большое напряжение и обычного человека может долбануть током насмерть. Мне помирать пока точно не надо и пережечь только-только образовавшиеся в теле силовые каналы тоже.

Значит, надо найти источник этого самого «электричества», где насыщенность потока меньше и безопаснее. Вот, например, пока вечером мы болтали за ужином, я успела уяснить, что здешние мобильники заряжаются от сети, но через такую специальную штучку «адаптор». Он уменьшает напряжение, потому что стеклянной коробочке не нужно столько много, сколько есть в розетке, и если ее воткнуть туда напрямую, то она сгорит, как тот самый маг, который хапнул больше энергии, чем может через себя пропустить. Значит, что? Значит, мне тоже нужен адаптор. Зарядное устройство. Может, то самое, которое от разбитого телефона, и подойдет? Я встала, пошла на цыпочках в свою комнату и на остатках магии и ночного зрения нашла эту черную коробочку с двумя рогами и проводком. Вернулась в кухню. Ну что же приступим? Как втыкать коробочку в «розетку», я видела. И вот эта плоская штучка на конце проводка не выглядит опасной, ее вставляют в мобильник, и он сразу начинает сыто отсвечивать экраном. Интересно, а я ничем отсвечивать не начну после своих экспериментов? Полюбовавшись на торчащую из стены коробочку, я рискнула все же перейти на самое поверхностное и малозатратное магическое зрение. Голова сразу закружилась от недостатка энергии, зато я увидела, как клубится в стене лента магии, как втекает в «адаптор» и как меняется в нем. В проводок проходит уже тоненькая струйка, и еще она какая-то равномерная. В розетке сила мерцает переменным потоком, а в проводке струится ровным таким жгутиком. Постоянным. Ну, попробуем. Я очень осторожно поднесла к плоской штучке на конце провода палец и потрогала ее.

Хм, а если? Ох, тварья дупа, опять забыла об осторожности, любопытство победило. И я

раньше, чем могла бы испугаться и задуматься, взяла и сунула штучку в рот. Ой. О-ой! Сначала язык немного свело, такая легкая судорога с солоновато-кислым вкусом, потом из металлической плоской пластинки в рот полилась такая восхитительно прохладная свежесть, что я присосалась к несчастному заряднику, как теленок к коровьему вымени, чуть ли не причмокивая от удовольствия. Пре-е-елость какая! Как вку-усно! И приятно Я посасывала провод, жмурилась, как дракошка на солнышке, чуть ли не мурлыкала от удовольствия и сквозь переполняющую меня пьянящую эйфорию придумывала, что бы мне такое замагичить. О!

Диагностику же! Полную! Самое главное каналы проверить, резерв ядра, вот это все. Всякая физиология сама подтянется. Не выпуская вкуснятину изо рта, я накинула на себя малую сканирующую сеть и стала с любопытством изучать, что же там у меня внутри творится.

Так. Та-ак. Странно. И интересно. Вот ядро. Довольно большое, но неровное, аморфное какое-то, границы размытые, энергия будет легко вытекать вовне без толку. Понятно, займемся, эти упражнения я знаю.

Каналы. Ка-на-лы. Имеются, и это главное. А то можно было остаться при слабом ядре вообще с одними зачатками и растить их несколько лет до посинения. Но стенки тоже слабенькие, ни нагрузки нормальной дать, ни утечку купировать. Ладно, это поправимо. Вон как «электричество» по телу бежит бодро, растекается по капиллярам, омывает ткани вместе с кровью, а потом стекается в район солнечного сплетения в ядро. И оно расправляется, обретает более-менее правильную шарообразную форму. Ы-ыть! Счастье есть! И его можно в прямом смысле слова съесть! И бодрость такая по телу разливается и плохие мысли уходят и хочется вскочить и перевернуть вверх тормашками горы, а еще сплясать. Ноги сами начали притопывать по полу в такт мелодии, которую я мурлыкала. Кажется м-да. Слишком громко мурлыкала. Забылась.

— Ма-ам! — я дернулась и едва не запустила в возникшего на пороге младшего сына маленьким файерболом, который зажгла на ладони секунду назад. — А что ты тут делаешь?!

Глава 33

Я чуть не подавилась вкусным электричеством, закашлялась и выплюнула поводок, заодно торопливо погасив фэйербол. Может, получится внушить ребенку, что это все ему просто приснилось? Ну а что в обычной жизни в этом мире, насколько я могу судить, мамы не подзаряжаются от сети, как мобильники.

Ага, как же. Если у меня и были опасения, что дите испугается, а также надежды спихнуть неудобную ситуацию на ночной кошмар, то не оправдались ни те ни другие. Во-первых, сын и не подумал пугаться, во-вторых, глаза его загорелись восторгом не хуже моего фэйербола, а в-третьих, он уже открыл рот, чтобы завопить от радости и азарта, и я едва успела ему этот самый рот прикрыть ладонью, подскочив с места.

— Мама! — все же заорал он, но шепотом, когда я с помощью шипения, страшных глаз и активного гримасничанья внушила ему мысль не шуметь. — Мама! Ты супергерой?! Людь Икс, да?! Тебя не ин... исульт стукнул, а молния, и теперь у тебя есть сверхспособности?!

— Э, — очень вразумительно ответила я. — Ну наверное. Не знаю.

Кто такие «супергерои», я смутно догадалась просто по звучанию слова. Наверное, особи с необычными способностями, которые совершают что-то героическое. А вот «людикс» ввело меня в замешательство. Главное, я готова была подтвердить ребенку любую версию, лишь бы он не орал, но боялась промахнуться мало ли что потом придется делать, чтобы соответствовать легенде?

— Ты только не волнуйся! — очень деловито вымолвил сын, беря меня за руку, подводя к тому самому стулу, с которого я только что вскочила, и бережно на него усаживая. — Суперсила это не страшно. Я тебя все научу делать, я все правила знаю! Самое главное надо обязательно смастерить тебе костюм и маску, в которых тебя никто не узнает. То, что ты супергерой, это обязательно надо держать в секрете! А то припрутся злые ученые или еще какие-нибудь спецслужбы и будут заставлять тебя им служить. Поэтому никому-никому больше не показывай и не рассказывай, поняла?

— П-поняла, — кивнула я, не зная уже, плакать или смеяться.

Тварья дупа, во что я влипла и втянула ребенка? Главное, можно бы магией его сейчас усыпить и отнести на диван, а утром сделать вид, что все это был сон, но вот незадача! Когда я попыталась это сделать, родной Шурин ребенок, сам того не замечая, продемонстрировал мне такую природную сопротивляемость к ментальному воздействию и магической коррективке, что я чуть челюсть не уронила на пол.

Мама дорогая! Это что тут такое выросло в мире, где вообще-то нет магии?! Единственное, что мне удалось, это четко воздействовать на уже имеющиеся в его голове мысли и мотивы. Чужое-то не впихнуть было, а свое немного усилить получилось. Вот это главное: мама супергерой, но это страшный секрет, о котором никому! Маленького магического посыла хватило на то, чтобы четко закрепить, ребенок не просто будет молчать, а еще и меня будет дрючить, чтобы не палилась.

— Эм, ладно, все молчок, — торопливо заверила я сына. — Только, сам понимаешь, я же всего два дня назад получила эти суперсилы, и мне нужно много времени, чтобы с ними освоиться. Поэтому никаких особых чудес я творить пока не могу. И костюм супергероя с маской шить пока рано.

— Это ничего, мам, — ребенок снисходительно погладил меня по руке. — Это всегда так. Никто же сразу не умеет, всем надо учиться, ты сама говорила. Вот я на велике полгода не мог, а еще трусил немножко совсем. Потом-то научился же! Ты, главное, не бойся. Только, пожалуйста, не суй больше зарядник в рот там, где тебя могут увидеть, а то это очень странно выглядит. Люди могут про супергероя не догадаться, решат, что ты с ума сошла.

Я тихо хрюкнула, а потом не выдержала и рассмеялась, схватив Пашку в объятия и закружив его по кухне. Поцеловала несколько раз в теплые пухлые щеки и уже хотела поставить обратно на пол, как поняла, что... Оппа! Ну вот, перед опытом даже природные таланты не устоят, так получилось у меня немножечко подправить

сынулино самочувствие, и он прямо у меня на руках начал засыпать, а теперь и вовсе на глазах уплывал в страну грез. Так что я отнесла его на диван, уложила, прикрыла одеялом. Уф. К утру вряд ли забудет, но все же ма-аленький шанс есть. Или демоны с ним, с шансом, рано или поздно все равно узнали бы?

«Ага, надейся, забудет он, — вдруг прокомментировал мои мысли голос Шуры, причем в нем не было и капли сонливости, словно Лампочка и не думала дремать все это время. — Да не спала я, не спала. Вот с того момента, как ты додумалась присосаться к заряднику, мне весь сон и отшибло. Словно это в меня провод воткнули».

«Кхм а чего тогда молчала?!»

«Ну, например, от офигения, — честно призналась Шура. — Сначала мне сны тут всякие интересные снились. Про вулкан и мужчину с серыми глазами. А потом ты к розетке подсоединилась, и не до сна сразу стало. Я хотела тебя предупредить, что Пашка, бывает, встает ночью водички попить, но не успела. Теперь бери ноут и пошли на кухню, будем изучать историю супергероев. Сыночка так просто с тебя не слезет. Он всегда был дотошный и рассудительный, несмотря на то что немного эмоциональный и на слезы быстрый».

«Тварья дупа, вот не было печали. Стой! Про что ты сон смотрела? Про вулкан? — я уже совершенно ничего не понимала. — То есть про мое прошлое? Но как?»

«Это ты у меня спрашиваешь? — фыркнула Шурочка. — Понятия не имею. Не отвлекайся, бери ноут, пошли читать. В свете новой информации про то, что твоя магия это наше электричество и волшебство можно подзаряжать от розетки, как мобильник, я уже не удивлюсь, если окажется, что на земле и настоящие супергерои водятся. А врага надо знать в лицо».

«А спать сегодня совсем отменяется? — немного жалобно переспросила я, но покорно подхватила со стола ноутбук. — Ну ладно пошли. Мне самой уже интересно, что за людякса такая, за которую Пашка меня принял».

«Не людякса, а люди Икс, — засмеялась Шура. — Это герои наших современных сказок для детей. Да и для взрослых тоже. Ты теперь мама мальчиков, так что придется выучить, чем комиксы ДиСи отличаются от вселенной Марвел».

«Ужас какой. Слушай, меня больше интересуют две другие вещи. Во-первых, где бы поискать домашнего духа в помощь по хозяйству, а во-вторых что ты думаешь насчет Александра Сергеевича?»

Глава 34

Эти выходные начались насыщенно и довольно весело. Правда, старший сын так и не понял, с чего вдруг мама так увлеклась комиксами и фильмами по ним, но поскольку ему самому все это дело нравилось с удовольствием подключился и читал лекции наравне с Пашкой. Младшенький же едва не лопнул от осознания собственной важности и общего с мамой секрета, в который пока не посвящен Антон. Он бы, может, не выдержал и проболтался, но моя магическая корректировка все же сработала: каждый раз, когда мелкому становилось совсем неважно от распирающей его тайны, он чуть ли не на глазах у меня прикусывал язычок и многозначительно молчал.

Тошка уже к полудню субботы заметил в поведении брата странности, но сначала не придал им значения да мало ли что там себе эта мошкарка вообразила? У них же все секрет: фантик от жвачки в ящике стола спрятал уже секре-ет! Но к обеду, на фоне хозяйственных работ и приготовления пирога, к чему я привлекала детей очень активно в перерывах между комиксами и играми, старшенькому таинственная моська Пашки стала действовать на нервы.

А Шура в плюс ко всему еще и озаботилась новой проблемой, которую я с ней поделила: как бы Павлу не пришлось в голову повторить мой ночной трюк с зарядником от телефона. А что, логично же: мама от розетки супергероится, почему бы и ему не попробовать? Суперсилы это круто же! Пришлось отвлекать потомство изо всех моих сил, и для начала я потребовала, чтобы дети-умницы вывели свою маму-склеротичку на прогулку и все ей тут в районе вокруг показали, рассказали и научили. Да, забыла половину, и не шучу! Ну и заодно в магазин там еще разик забежим, воздухом подышим (хотя какой в этих каменных джунглях воздух, я уже успела оценить. Эти железные повозки портили его так качественно, как ни один злой дух не справится!).

После прогулки стало понятно, что долго молчать младший сын не сможет, даже несмотря на магическое подкрепление. Посторонним он не расскажет, конечно, но чудес ему хочется с такой силой, что он готов либо сам засунуть пальцы в розетку и посмотреть, что из этого выйдет, либо вытрясти хоть одно какое-нибудь завалящее чудо из мамы-супергероя. Даже на глазах у Антона, мол, фиг с ним, пусть приобщится, только дайте чудо!

«Я что-то всерьез беспокоюсь, — озабоченно заметила Шура, когда мы поднимались обратно в квартиру на ужасно ненадежном лифте, которого я перестала панически бояться только потому, что магия все же дала мне уверенность: если что, выберусь сама и детей спасу. — Вон его как распирает. А ты учти, Пашка у меня по сравнению с Антоном спокойный флегматик. И старший, смотри, уже как косится».

Шура была права: только мы вошли в прихожую, Тошка в сердцах бросил на пол ролики, обернулся к нам с братом, упер руки в боки и набычился:

— Говорите быстро! Что случилось?! Чего вы с утра как бревном пристукнутые!

Пашка в ответ точно тем же самым жестом упрямого бычка склонил голову, словно собрался бодаться, и принялся ковырять носком кроссовки ламинат, искоса поглядывая на меня.

— Да ничего особенного, Тош, — со вздохом пояснила я, проходя в кухню и начиная выкладывать продукты из пакета на кухонный стол. — Просто у меня в связи с недомоганием еще кое-какие проблемы возникли, Паша вчера ночью вставал воды попить и видел их, но обещал никому не рассказывать. Вот и ходит секретится.

— Серьезные проблемы? — Тошка всеми силами старался показать, что он, с одной стороны, взрослый и заботливый, а с другой мужик и непрошибаемый, панику разводить не собирается.

— Не, не слишком, — я улыбнулась, начиная складывать яйца в холодильник и поглядывая на застывшего в дверях Пашку и прошедшего в кухню Антона. — Мелочь. Вот такая примерно! И тут я подняла руку, сделала ладонь ковшиком и зажгла в ней маленький пушистый файербол, желтый, как цыпленок, и искристый.

Пашка в дверях аж взвизгнул от удовольствия, а Антон застыл с открытым ртом, глядя

на огненный шарик в моей руке.

— Мама теперь супергерой! — не выдержал и выпалил младший, в восторге оттого, что хотя чужим никому говорить нельзя, но хоть брату похвастаться все же можно. — Видел?! Она из розетки может набирать электричество и потом швыряться молниями, как Шторм!

— Нет, молниями я швыряться не могу, — запротестовала я, гася файербол. — Более того, и не собираюсь. Мне больше нравится суперсила на кухне, которая тарелки моет. И эта суперсила называется «Антон и Павел».

— Я так и знал, что вы издеваетесь! — Тошка в сердцах грохнул на стол банку с кофе вместе с пакетом. — Это фокус был, да? У тебя там небось в руке игрушка какая-то.

— И ничего не игрушка! — тут же завопил младший, но я на него шикнула и заявила, что без мытой посуды и ужина никаких секретов и чудес больше не будет, а будет, наоборот, страшная, голодная и злая мама, которая не играет с сыновьями в чемпионат по пазл-квесту.

Короче, с темы суперсил и магии мы как-то съехали на хозяйственные заботы и более-менее справились с этим делом. Оставшееся время до понедельника я занималась хозяйственной эквилибристикой под руководством Шуры и тихо созревала до боевого бешенства, потому что это же ужас какой-то!!! Детей, конечно, можно научить помогать, но на это «научить» еще требуется время.

Я вообще не понимаю, как Шура справлялась, даже учитывая кучу местных электромагических приборов вроде стиралки и духовки. Я боевая магичка, вот вообще не приспособленная к ведению хозяйства, и я к концу выходных натуральным образом озверела, особенно после того, как пришлось «помогать детям с уроками». Сильно прямо я удивлена местным образованием. Кто здесь учится, дети или родители?! Что значит «родители должны учиться вместе с детьми»? Почему надо делать для школы какие-то презентации такого уровня, с каким ребенок сам железно не справится? А потом еще соревноваться на уроке, чьи мама или папа больше времени в выходные убили на создание этого чудища. Поэтому, когда в воскресенье в десять вечера Антон вдруг вспомнил, что завтра на урок надо принести макет чего-то неудобоназываемого из природных материалов, и Шура заполошно начала кудахтать в моей голове про то, что надо срочно напялить дождевик и мчаться в ночь и дождь в сквер, набирать тех самых материалов, я взбунтовалась. И твердо заявила дитю, что если он не вспомнил про задание вовремя это его проблемы, а не мои. Двойка? Ну-у-у печально. Но не смертельно. Двойки я боюсь меньше, чем темноты и насморка. И потому все идут спать. Даже мама-супергерой идет спать, потому что ей завтра на новую работу, зарабатывать на новый телефон. Та кнопочная коробочка, которую я по совету Шуры достала с верхней полки шкафа, мне почему-то понравилась гораздо меньше, чем предыдущая стеклянная вещица.

Дети впали в изумление настолько, что уснули почти сразу. Ну-у-у я их за выходные вымотала, конечно, хотя и сама вымоталась бесконечным «мам-мам-мам!» по любому поводу каждые тридцать секунд. Даже в туалете умудрились достать. Шура посмеивалась и называла это все «счастливым материнством». А я тихо ругалась под нос, вздыхала и с ужасом думала, что погорячилась с новой работой: если там будет примерно то же самое, я рехнусь раньше, чем заработаю на еду.

Глава 35

«Да на работе все будет в пять раз легче, чего ты так волнуешься? — утешала меня Шура в понедельник утром. — Все женщины на работе от семейного отдыха отдыхают, чтоб ты знала. Нам сейчас важнее вовремя поднять детей, умыть-покормить-одеть, проверить, чтобы ничего не забыли, и вовремя доставить в школу».

«Ну знаешь! — я заметно нервничала, а от этого дела у меня обычно просыпается ослиное упрямство. — Пора детям привыкать к тому, что свои вещи и дела нужно контролировать самим. Я вчера помогала им складывать все нужное в ранцы, мы проговорили и про форму, и про пластилин для Пашки. А насчет завтрака вот что: тот, кто не успеет помыться, не успеет и позавтракать. И не пищи! За один день без завтрака не умер еще ни один мальчишка во всех мирах. Походит голодный до обеда завтра встанет пораньше и все успеет».

«Ты не бухти, ты вставай, а то сама все проспичь! — мысленно пнула меня Шура, которая сегодня выполняла функцию будильника. — Если ты думаешь, что высосанное по ночам из сети электричество поможет тебе справляться с повседневными делами, то я тебя огорчу. Фокусы тут не помогут, надо впахивать».

«Да посмотрим еще! — азартно заспорила я, выползая из-под одеяла и магией призывая из-под дивана тапочки. — Видела? Тридцать секунд мы уже сэкономили!»

И правда, я собиралась бессовестно жульничать. Боевая я магичка или где? Вот если одеяло у бурчащего и ворчащего в нежелании просыпаться Антошки само начнет уползать на пол, а в комнате незаметно так похолодает, дите само прекрасно проснется. А мама может сделать невинные глаза, незаметно расколдовав постельное белье так, чтобы оно безвольной тряпочкой валялось на полу и даже намек на подрывную деятельность не давало. Если вовремя кивнуть в сторону одежды при этом, ребенок и оденется сам, да быстро так! И форточку поскачет закрывать.

С Пашкой было проще, там можно было не маскироваться, сын аж взвизгнул от восторга, когда школьная рубашка со спинки стула сама перепорхнула к нему на кровать, и радостно подскочил сна ни в одном глазу. Я ему подмигнула и пошла нахально жонглировать на кухне чашками, держа их в воздухе силой магии и разогревая воду прямо в них, пока никто не видит.

«Ну и чего ты про хозяйство ныла? — хмыкнула Александра. — С твоими способностями можно еще пятерых нарожать и прекрасно со всем справляться».

«Тьфу на тебя! — испугалась я, быстро опуская чашки на положенное им место. — Нельзя так пугать. Лучше скажи, как до школы будем добираться, две ночи за рулем этого мало для нормального вождения. Толку, что ты мне спать не давала, гнала на улицу в этого железного монстра и заставляла им управлять? Сама же первая скажешь, что детей в одну машину со мной сажать нельзя».

«Потому я тебя на полчаса раньше и разбудила, — вздохнула Шура. — Поедем на автобусе тебе еще предстоит обрадовать этим фактом мальчишек».

Ну-у что сказать. Я обрадовала, а они чего-то не обрадовались. И если Антон всю дорогу бурчал, что только лохи ездят на общественном транспорте, когда во дворе стоит машина, а в телефоне есть приложение для вызова такси, то Пашка для разнообразия тихонечко ныл на тему: «мама, ты же супергерой, давай отойдем за дом и оттуда полетим, в тучах никто не заметит». Я подпихивала обоих в сторону остановки и зорко оглядывалась по сторонам, краем уха прислушиваясь к инструкциям и комментариям Шурочки.

Во-первых, инстинкт боевой магички так просто не уймешь, и я привычно отслеживала любую опасность поблизости от себя и детей, включая, например, несущегося не по правилам железного монстра или бывшего мужа с намерением поскандальить, а во-вторых, выискивала глазами бесхозного домашнего духа. Ну мало ли у нас эту нечисть можно и в лесу под кустом найти, если бедолага остался бездомным. А уж в городе и подавно: эти тварюшки плодятся на хороших харчах, как кошки, а лишних повзрослевших деток в определенном возрасте безжалостно выпихивают в большой мир,

чтобы искал себе дом и кормовую базу самостоятельно. Как назло, ни одного даже самого завалящего духа не попадалось. Печально я очень надеялась приспособить тварьку к домашней работе. Эх. Пока я зорко поглядывала по сторонам, в основном отслеживая совершенно определенные вещи, Шура умудрилась обратить внимание на совсем другой факт: «Слушай почему они все так пелятся?»

«Кто?» — машинально переспросила я, мысленно рассчитывая время и с некоторым ужасом косясь на особенно большие железные ящики на колесах «автобусы». Как Александра не боится детей вот в это сажать?

«Да ты ослепла, что ли? Мужчины! Ну-ка быстро отойди вон за тот рекламный щит и проверь, может, у тебя что-то с одеждой не в порядке? Трусы из джинсов торчат, не знаю, пятно на каком-нибудь месте, лямка лифчика порвалась».

«Да ты рехнулась, женщина! — я, наконец, перестала сканировать пространство в поисках монстров, больших и маленьких, и поймала несколько заинтересованных мужских взглядов. — При чем тут пятно и лифчик?! Нормальная реакция молодых мужчин на очень красивую и хорошо одетую женщину, что тебе не нравится?»

«На меня?! — поразилась Шура. — Тьфу, то есть на тебя? В смысле, на нас?! На взмыленную толстую тетку с двумя детьми-школьниками, в джинсах, кроссовках и старой ветровке?!»

«Так, я не поняла, мы это вроде бы уже проходили. Между прочим, я не взмыленная толстая тетка, а красивая женщина в самом расцвете молодости, к тому же способная рожать сыновей. Ну, это если уж так упираться в мужское понимание женского предназначения. И вообще, Шур, завязывай со своими этими, как вы их тут называете комплексами, вот. Привыкай быть красавицей. И вообще, пелящиеся мужики это сейчас наименьшая из наших проблем».

«Да уж, большая проблема вон стоит таращится, — вдруг очень нервно выдала Александра. — Чтоб ему пусто было, козлу, ой. Знаешь, ты плохо влияешь на меня, я начала ругаться вслух там, где всю жизнь молчала».

Глава 36

Тыфу ты! Не было печали, твари накричали. Вот подумала про бывшего мужа как про опасность и возможный скандал получите. Стоит, козлина безрогая, возле машины, опершись на нее спиной, и сверлит меня взглядом василиска. Мог бы — окаменит бы. Что примечательно, на сыновей не смотрит именно на меня вытаращился, оглоед. И не у самого дома встал, не во дворе, а дальше, за аркой, в которой уже видны спешащие по широкому проспекту железные ящики, «автобусы» и «троллейбусы». И мы с детьми выскакиваем из полумрака глубокой арки прямо на него.

Я встретила взглядом с этим неприятным сюрпризом и изобразила несложную пантомиму: чуть приподняла подбородок и прищурилась. Чем сразу слегка поумерила его воинственный настрой. Он, похоже, рассчитывал, что от неожиданности я растеряюсь, начну, как раньше, пугаться, мямлить и избегать конфликта всеми силами. А я тут топаю с уверенным видом прямо на него и глаз не отвожу. Не знаю, чем бы это все кончилось, вот честное слово, не знаю. Я была решительно настроена раз и навсегда отбить у Виктора желание устраивать подобные засады, особенно на детей. Он ведь, гад, нарочно подстроил, чтобы не одну меня встретить, а именно с мальчишками. Типа, я буду покладистее, если ему будет чем припугнуть, шантажировать и просто наезжать, используя материнское беспокойство за душевное состояние детей. Да только просчитался, гусь копытный. Шура у меня в голове тоже ругалась разными словами и готова была в бой идти.

Кажется, у нее наступил предел терпению, за которым даже самое кроткое существо начинает кусаться. Парни мои отца пока не заметили, они с утра по поводу понедельника и общественного транспорта были не в настроении, и оба топали, глядя себе под ноги. Я уже приготовилась придержать обоих за капюшоны ветровок, чтобы захватить их себе за спину и пойти боевым конем на жабьего поганца, но не успела. Кто-то сбоку ловко так взял меня под локоток и притормозил.

— Александра, вам нужна помощь?

Ух! Разве можно вот так без предупреждения пугать боевую магичку?! Я от неожиданности сделала сразу несколько вещей: подпрыгнула, выпустила в подкравшегося легкий маленький заряд шоковой магии, обернулась и еще кое-что машинально колданула. На этот раз не в Александра Сергеевича, просто я когда к войне с бывшим готовилась, успела мысленно приготовить одно безвредное, но занятное заклинание из разряда косметических, оно у меня буквально плавало на поверхности, а тут я его активировала.

— Саша, не хулиганьте, — строго сказал доктор, которого э...

Я точно в него стрельнула слабеньким разрядом, тварьей дупой клянусь! Его дернуть должно было, вот как меня в первый раз током! А ему хоть бы хны, только смотрит внимательно и чу-уть-чуть с усмешкой. А вот Виктор возле машины вдруг взмекнул драным козлом и так быстро шмыгнул в приоткрытую дверцу своего автомобиля, что сыновья, ошеломленные происходящими событиями, успели обозреть только номера удаляющейся машины.

— Александра, вы страшная женщина, — выдал между тем добрый доктор, явно пытаясь не заржать, глядя вслед отъехавшему бывшему.

На меня он косился весьма... Э, это что вообще происходит? Он понял, что я с Виктором провернула? Но как?!

«Вот и мне интересно. Я почувствовала разряд, которым ты его приложила, а ему хоть бы хны. А что ты с бывшиком сделала, я не поняла? Почему этот лекарь-нежданчик так поглядывает на нас, словно мы неприличный жест прилюдно продемонстрировали?»

«Да я вообще уже ничего не понимаю, — растерянно призналась я. — А Виктору я немного того... Короче, это было заклинание дистанционной эпиляции.»

С половинки задницы и одной э... тестикулы. А вторую половинку мне эпилировать помешали!»

«Ы-ы-ы-ы-ы! — сказала Шура. — Ты и правда страшная женщина. Только рот закрой и доктора отцепи, а то дети уже напугались».

Вот про детей она зря. Отцовскую машину они, конечно, заметили и узнали, но так и не поняли, что это было. С какой стати папа приехал, развернулся на пяточке и умотал вдаль, для них осталось загадкой. И почему-то это их взволновало исключительно с практической точки зрения, судя по тому, как Антон обиженно взвыл:

— Ма-ам! А почему папа нас до школы не подвез, раз приехал?! Мы все равно должны теперь на автобусе тащиться? Опоздаем!

Судя по тому, как сопел младший, он был согласен с оценкой ситуации. Вон, губу сквородником выпятил, и если бы мы не на улице стояли, где ему «стремно» (интересно, при чем тут стремя?) рыдать не дай бог, кто из пацанов увидит, мы имели бы тут сейчас водопад с обидками.

— Я почему-то так и подумал, — выступил снова Александр Сергеевич, продолжая придерживать меня под локоток, но обращаясь к детям, — что мама ваша по моему совету не решится до обследования за руль сесть и вас некому будет подвезти. Я на машине и вполне могу подбросить.

Я думала, дети отнесутся к предложению с недоверием, особенно Антон, который мне уже устраивал представление по поводу новых мужчин в моей жизни. Но ничего подобного. Эти два мелких оглоуда закивали с таким энтузиазмом, что у них чуть головы не поотрывались, и рванули к пискнувшей и мигнувшей машине доктора, как два королевских скорохода: с места галопом. Р-раз и оба уже внутри, сидят на заднем сиденье и делают вид, что они милые зайчики. Я даже рот приоткрыла от изумления, а Шура принялась ржать как ненормальная.

«Ну и чему ты так радуешься? — с мрачной иронией переспросила я. — У нас тут полон воз непонятно, а она хихикает. И дети паразиты, и доктор мутный. Откуда он узнал, что я с Виктором сделала, а?»

«Да понятно, что оттуда же, куда твой защитный укол магией ушел, — Шура перестала смеяться. — Я чего-то боюсь. Чего он так к нам прилип? Нет, я понимаю, что „красивая женщина“, и вообще, но ты посмотри, как он настойчиво нарезает сужающиеся круги!»

Доктор между тем как ни в чем не бывало подвел меня к передней дверце своего черного железного коня и галантно открыл ее передо мной, даже не сомневаясь в том, что я приму приглашение. Вот шельмец! Я не я, если он с магией не знаком!

«Эх, то ли еще будет, — вдруг опечалилась Шура. — Ты погоди, вот узнает Витя про то, что мы на алименты и долю имущества подали, вот тогда его так просто не отпугнешь, устроит скандалище до небес, ославит на всю ивановскую последней тварью».

«Плевать, надо будет я ему вторую половину задницы эпилирую и голосовые связки заморожу. Потому что у меня и так проблем с каждым днем все прибавляется, только волосатых троллей мне не хватало!»

Глава 37

Дети-предатели выскочили возле школы и галопом скрылись в здании. А я, все еще насуспенная, осталась сидеть в машине доктора. Косилась на него время от времени и размышляла. Вот убей меня упырь, не чувствую я от него опасности. У меня в этом отношении интуиция развита дай тролль каждому. Я ни за что сама бы не села в автомобиль и тем более детей бы не подпустила к нему, если бы у меня хоть малейшее сомнение закралось. Но ничего такого. Смотрю вот на мужчину и понимаю: странности в его поведении есть, непонятно воз и маленькая тележка, раздражает что-то, цепляет и царапает. А опасности нет.

— Во сколько их надо забирать? — как ни в чем не бывало спросил Александр Сергеевич.

Вот же Пушкин! Шура мне уже рассказала значение этого слова, что был такой поэт, который теперь прочно вошел в народный фольклор и используется обычно для обозначения некоего персонажа, который всем все должен, но никогда ничего не делает. Кхм, я наконец более-менее собралась с мыслями.

— Александр, скажите, зачем вам это нужно? У вас, насколько я знаю, рабочий день в разгаре в это время, зачем вам лишние сложности, менять график, согласовывать его с начальством не слишком ли пристальное внимание просто пациентке?

Доктор плавно тронул машину с места, преувеличенно внимательно следя за дорогой, и ответил мне после длительной паузы:

— Я так понимаю, ответ в том духе, что я помогаю коллеге и ценному специалисту, который значительно улучшит и облегчит работу медцентра, где я, кстати, совладелец, вас не устроит?

— Не устроит, — кивнула я, почему-то слегка развеселившись. Очень уж лицо у доктора было сосредоточенное и серьезное, словно он решал задачу мирового уровня или как минимум обсуждал судьбы народов. — А еще меня не устроит, если вы скажете, что не имели в виду магию, когда призывали меня не хулиганить.

— Магию?! — очень удивился доктор и даже от дороги на секунду глаза отвел, глянув на меня так, что я на секунду даже засомневалась в реальности своих выводов.

Но все же что-то такое было в его глазах, которые он быстро спрятал за своими возмущительно для мужчины длинными и пушистыми ресницами, что-то такое неуловимое мелькнуло в уголках губ. И хотя он тут же снова принял свой удивленно-недоумевающий вид, мол, «вы точно здоровы, Александра?», я уже ему не верила.

«Врет, зараза, — азартно подтвердила Шурочка. — Прямо вот всей душой чувствую, что за нос водит!»

— Магию-магию. И не надо мне тут троллей в болото заколачивать, что вы не понимаете, о чем я говорю.

— Н-да? — доктор красиво изогнул бровь. — Какое интересное выражение: «Троллей в болото заколачивать». Никогда не слышал. Ладно, оставим шутки. Александра, я действительно кое-что знаю о существовании м-м-м скажем так, паранормальных способностей у некоторых людей. И именно поэтому настоятельно прошу вас быть осторожнее. Своими необдуманными действиями неопита вы можете привлечь к себе нежелательное и недоброжелательное внимание.

— А можно подробнее? — нахмурилась я, почувствовав, что последнюю фразу он сказал уже совершенно всерьез.

— Можно-то можно но не сейчас, — съехал с темы Александр, лихо притормаживая у входа в медцентр. — Вы, главное, не увлекайтесь и помните: у вас дети. Их безопасность должна быть в приоритете. Шура пожалуйста. Позже я вам обязательно все объясню, обещаю.

Вылез из машины, подал мне руку и настойчиво потянул к крыльцу, всем своим видом показывая, что более не намерен поддерживать тему магии. Вот даже палец к губам

приложил, призывая молчать. А глаза все равно в этот момент были хитрые-хитрые, ну что ты будешь делать?! Вроде бы надо испугаться и напрячься, а не получается. Одно желание схватить гада за грудки и потрясти как следует, чтобы перестал тут строить из себя таинственность с ресницами!

В холле медцентра Александр сразу принял ужасно деловой вид и смотался от меня со скоростью бегового дракончика. Оставил возле стойки регистрации и слинял с невнятным бормотанием о пациентах и о том, что не будет мне мешать. Ничего, еще не вечер. Еще вообще утро, и отловить этого паразита я сто раз успею. А пока бр-р-р. Хозяйство. Шура! Твой выход!

«Да что тут сложного, я не понимаю, — у меня было ощущение, что Шурочка мысленно пожала плечами. — Не работа, а отдых. Сейчас примем дела у этой милой дамы с поджатыми губами, и все само собой завертится. Кстати, бумагу для принтера разве в пятницу не доставили? Я же заказала. Ладно, проверю сама».

Дама с поджатыми губами оказалась старшей медсестрой, племянницу которой мы и сменим на посту. Не сказать, чтобы эта тетя была нам рада, но сыграло роль еще и то, что работавшая здесь девочка сама ни в какую не хотела возвращаться за стойку и вообще приобрела стойкую неприязнь к медцентрам и врачам. Поначалу Анна Сергеевна, так звали старшую медсестру, ждала, видимо, что я начну крутить носом, фыркать и критиковать предыдущую хозяйку ресепшена. Ну, как это принято у некоторых людей обругать предшественника лентяем и неумехой, чтобы заранее подчеркнуть свою значимость. Но у нас с Шурой в мыслях этого не было наоборот, я девочке искренне сочувствовала, а Шура внутри моей головы и своей лампочки вздыхала и говорила, что просто ребенок без опыта, а они навалились, понимаешь. Ну и вслух это тоже было озвучено. В том духе, что научится еще сто раз, опыт дело наживное, а обижать девочку было незачем. Раз не хочет и не нравится найдет себе другое занятие, какие ее годы. Успеет еще и семейную кабалу на себе потаскать, живо поймет, что на работе-то в разы легче. Услышав эти рассуждения, Анна Сергеевна перестала поджимать губы, подобрела, разулыбалась, и дело пошло как по маслу.

Вот удивительно тут же никакой магии не надо. Одна сплошная доброжелательность и внимание к людям и к деталям, а этого у Шурочки — троллей лапой отгребай, и меньше не станет. Она вообще светлая и теплая, поневоле потянешься. Как, ну как можно было позволить превратить себя в такое унылое замотанное существо почти без огня в душе?! Выжечь почти до пепла Ух, аж зло берет на этих вампирюг, бывшего мужа и свекровь. И детки по привычке все пытаются от мамы отъесть. Их с рождения приучили к этому. Но теперь все. Буду учить питаться самостоятельно!

За мыслями, которые иногда то ехидно, то печально комментировала прежняя хозяйка этого тела, я разобралась с принятием дел и отпустила Анну Сергеевну заниматься ее прямыми обязанностями, а сама пошла устраивать ревизию всяким хозяйственным прибрлудам. И первым, что я обнаружила в маленькой кладовке, где должны были стоять швабры, ведра, чистящие средства, а также бутылки с водой для кулера, был

Глава 38

— Ах ты пакость зеленошкурая! — возмутилась я, мгновенно выпуская ловчее заклинание и выуживая из шелестящей груды верещащий и дергающийся комок, ощерившийся было на меня внушительными треугольными зубами из пасти, открывающейся как шкатулка, так, что казалась больше головы. — Ах ты паразит! Ну я тебе сейчас! Вот уж не ожидала, что тут такое водится.

«Что это?! — с ужасом и изумлением переспросила Шура. — Мамочки, оно живое! Ай! Пищит! А зубищи какие!»

«Это, дорогая, причина того, почему у бедного ребенка тут был такой бардак и ничего не получалось. Точнее, она и сама, конечно, еще неопытная и путалась, не успевала. Но вот эти постоянные сбои в работе компьютера и аппаратуры, на которые жаловались врачи, это работа засланного гремлина. Вот этого».

«Господи, страшненький какой, — в Шурином голосе почему-то слышалось сомнение. — На лягушонка-мутанта похож. На зубастого лягушонка-мутанта а глазенки жалобные. И пищит, по-моему, испуганно. Что он там делал-то вообще?»

«Ну начинается, — я подняла пакостного духа повыше и чуть встряхнула, добавив легкий разряд магии, но не жалащей, а успокоительно-питательной. — Хотя да, странновато выглядит. Я на энергетическом уровне вижу его суть, а на физическом занятая жаба. Кто ж его так изуродовал или он сам от голода отощал и облысел? А позеленел почему? От этой вашей экологии?»

«Бедненький»

«Тебе дай волю, ты всех будешь жалеть и на шею себе посадишь. Я даже удивлена, что у тебя в доме нету целой толпы котов и собак, подобранных на улице».

«Ну-у-у на самом деле я всегда хотела, — призналась со смешком Шурочка. — Но сначала родители не разрешали, выкидывая весь мой лазарет из подъезда на улицу, потом общежитие а потом у свекрови аллергия обнаружилась, и вообще, дети маленькие, то-се. Короче, мне опять не разрешили».

«Угу, а ты у нас послушная девочка, я помню».

«Знаешь, сейчас самой странно Я всегда себя чувствовала маленькой девочкой, которая обязательно должна спросить позволения и ждет, когда ее похвалят. А у самой уже двое детей было!»

«Ну, теперь тебе никто не запретит завести хоть целый зверинец, если хочешь. Но это позже. А пока что мне с этой гадостью делать? — я встряхнула зеленое недоразумение, и оно вдруг закрыло зубастую пасть, прижмурилось и бессильно обвисло, трогательно поджав лапки, стало жалкое такое, несчастненькое и на вид не опасное совсем. — Ты смотри, поганец, три пачки бумаги сожрал! В труху!»

«Правда? — удивилась Шура. — Это он? А, ну да, вон ошметки валяются. Неужели в офисах везде такие водятся? А то вечно ведь бумаги для принтера не напасешься, сколько ни купи, а она опять закончилась. Только если бы жрали как тут, обрывки бы оставались».

«Нет, никаких обрывков не будет. Этого мы просто на месте преступления застали и не дали ему закончить его прожорливое зеленое дело. А так он бы все улики подлизал и всосал, ни следа бы не осталось».

«Маленький такой, а проглот. Что ты собираешься с ним сделать?»

«По-хорошему надо иссушить и прихлопнуть, очень уж пакостная зверушка, — пожалала я плечами, рассматривая жалобно попискивающего вредителя. — Но при уничтожении может выброс устроить, спалит докторам всю аппаратуру к троллям. Если только подальше унести и там придавить».

«Жалко вон как боится. Это обязательно уничтожать? Живой все же».

«Ну-у-у по идее, если заморочиться, можно привязать на кровь, будет у нас свой собственный вредитель. В смысле, нам-то пакостить не будет. А натравить можно, при желании».

«Эм, что-то я не хочу ни на кого натравливать может, просто отпустить, но прогнать?»

«Вернется и опять что-нибудь сожрет, а это уже наше с тобой хозяйство. Оно нам надо, за его вредительство отвечать? По идее-то, конечно, если как следует подпитать эту жабу тощую, можно его во что-то более полезное преобразовать. Ну типа в домашнего духа. Но! Это прорву энергии надо, и опять же привязка по крови. И обучать этого хмыреныша домашним делам придется с нуля».

«Давай подпитывай и пошли работать. Тебе что, электричества из розетки жалко? — поторопила Шура, которую не смутили трудности на пути милосердия. — Почему, кстати, он сам из розетки не наелся?»

«Эти тварьки напрямую не могут энергию поглощать, только переработанную другими существами, лучше всего людьми. Он бумагу же жрал не для того, чтобы ею насытиться, а для того, чтобы потом обсосать негативные эмоции тех, кто пропажу обнаружит. И аппаратуру потому портил. Я так понимаю, он к уволенной девчухе прямо присосался, поганец, как пиявка. То-то у нее все из рук валилось».

Через пятнадцать минут я навела порядок в кладовке, оттуда же позвонила в фирму, торговавшую канцелярией, и заказала еще бумагу.

Напичканный электричеством жабенок окуклился у меня в кармане, свернувшись в плотный клубок, стремительно поросший редкой зеленоватой шерсткой. Я подумала-подумала и, пока кормила тварьку кровью из пальца, задала ему четкую программу на преобразование. Здесь вон коты в порядке вещей, во многих домах живут. Вот пусть и принимает форму кота. А для работы по дому энергетические щупальца отрастит. Отрастит-отрастит, если есть захочет. В общем, проблема гремлина была вроде бы решена. И теперь меня больше волновала проблема с доктором. А именно: как бы так его половчее поймать, зажать и допросить? Чтобы вывернуться не мог, таинственный наш. А то слишком непонятно все, вот и существа вполне магические обнаружились, и сам доктор подозрителен до зеленых гоблинов, а Шура про магию даже не слышала. Только если в детских сказках, которые тут никто всерьез не принимает. А, ну еще есть всякие «экстрасенсы», потомственные колдуны и прочие гадалки, но этих шарлатанов и у нас хватало, особенно в ярмарочных палатках или в злачных районах, где народ похуже образован и больше запуган разными суевериями. Но этих тоже никто всерьез брать в расчет не будет, даже в мире, где магия обычное дело. Итак, какой у нас план?

Ну-у в течение дня шустрый Александр Сергеевич шмыгал мимо ресепшена с такой скоростью и с таким деловым занятым видом, что даже за хвост поймать не удалось бы, если бы этот хвост у него был.

Но! Этот не Пушкин сам вызвался съездить со мной и забрать детей из школы. Вот в машине-то он от меня так просто и не отделается!

Будет брыкаться бывшего гремлина на него натравлю. Он маленький, полуоблезлый и страшный, авось и напугает.

Глава 39

К середине дня мне стало понятно, что не только гремлины довели девочку на ресепшене до истерики, тут и сами доктора постарались. Вот интересно, почти все специалисты, принимавшие пациентов в этом недешевом, надо сказать, медцентре, были, во-первых, мужчинами, во-вторых, чем-то внешне и по поведению все они походили либо на Александра нашего не Пушкина, либо на Илью Громовержца, как между собой сотрудники прозвали Громова.

Словно профессиональный наемный полк бывалых военных разом сложил оружие и ушел в целители. Причем мужчины все были очень разные по возрасту, внешности, манере держаться. Но что-то в них было общее: в брутальных мускулистых великанах-блондинах урологе и узисте Николае и Феликсе, как они представились, и в тощеньком, невысоком, носатом и лысоватом гастроэнтерологе Семене Абрамовиче. И в молоденьком, похожем на пажа прекрасной дамы хирурге Диме. Какая-то неуловимая общность в движениях, что ли. Хотя да, именно: они все двигались экономно и очень уверенно, опытному взгляду понятно, что все как один хорошо тренированные и быстрые. А еще уверенные в себе, с очень разной, но безошибочно узнаваемой харизмой мужчин, занятых любимым делом и успешных в этом самом деле.

Короче, все они были каждый со своей неповторимой личностью наперевес и с неистощимым запасом злобного ехидства, которое они сами классифицировали как «профессиональное чувство юмора», а Шура обозвала это представление «тролли недоделанные». Хотя как по мне так вполне доделанные. Девочку довели. А потом и меня на зубок пробовать начали. Слегка так, в шутку, типа мимоходом. Да только не на ту напали. Вот уж «троллить» я в ответ могу так, что у самого замшелого болотника весь его мох облысеет от зависти.

Вообще, мне ужасно понравилось это слово, хотя обозначало оно совсем не то, к чему я привыкла в своем мире. Мне Шура уже с примерами из интернета показала и рассказала, что подразумевают под «жирным троллем» земные люди. Нет, это все, конечно, не прямо все время происходило, все же доктора люди занятые. Но так, мимоходом «пококетничать» с новой симпатичной блондинкой у ресепшена чего бы и нет? Причем начал это представление самый благообразный на вид Семен Абрамович. Прошел мимо раз, второй, все с деловым видом. Потом притормозил, присмотрелся, даже очки со лба на нос сдвинул.

— Мне кажется или с пятницы наша милая барышня за стойкой немного полиняла? Была кареглазая брюнеточка, а теперь блондиночка.

— Не только полиняла, но еще и слегка растянулась по всем направлениям, — невозмутимо ответила я, поправляя блузку на пышном Шурином декольте.

— Ну я бы скорее сказал, что наполнилась приятными объемами, — обрадовался доктор, оценив меня еще раз поверх очков. — Как врач, вплотную знакомый с пищеварительной системой, одобряю. Плюшками балуетесь?

«Издевается! — возмутилась Шура. — Что он одобряет как врач, лишний вес?»

«Он одобряет нелишний вес, — поправила я, сама с веселым прищуром поглядывая на Семена Абрамыча, кивая на его вопрос про плюшки и салютуя ему подхваченной из вазочки печенькой. — Сразу видно: опытный мужик, понимающий в женской красоте и правильном питании. А что ехидный так даже веселее».

Ну и вот этот легкий обмен шутками словно плотину прорвал, мимо моей стойки замелькали все врачи центра по очереди. Тут тебе и про цвет моих волос пошутили, и «валькирией» обозвали, и печеньки у меня из вазочки слямзить пытались. Шурочка попискивала и вздыхала, я же только радостно улыбалась всем этим брутальным мужикам, а про себя хохотала, ну как мальчишки! Поневолe скулис вспомнишь: новая девчонка в группе и пошла плясать вся армия парней. Кто круче выпендрится. Ну, и Шура, чуть пообвыкнув и поняв мои объяснения, вдруг тоже заметила, что взрослые вроде люди, а ведут себя как мальчишки! И развеселилась.

«Ничего, чем их уесть, даже я знаю. Вот кстати, насчет уесть. Это же форменное

безобразие!»

«Где?»

«Везде. Медцентр новый, район спальный. Тут пообедать негде совершенно. Если только на машине ехать, и то довольно далеко. Ты видела, что они едят? Врачи, называется! Они о своем здоровье что, интересно, думают? Эх, вот я бы порядок навела, дайте мне волю».

«Погоди, так а кто не дает-то? — удивилась я, вспоминая, как лекари вместо нормального обеда на бегу давились принесенными из дому бутербродами и литрами кофе из прикольной такой машинки. — Мы же здесь именно для того, чтобы порядок навести, нет?»

«А, нет, слушай, ну это, — как-то вдруг стушевалась Шура. — Вроде...»

«Понятно. Говори, что делать. С твоей сметкой и моей решительностью справимся».

Ну вот так и вышло, что когда в работе медцентра наступила небольшая пауза приближалось обеденное время, скоро мне надо было ехать за детьми, а пациентов стало как-то поменьше, голодные мужики один за другим потянулись в комнату отдыха к холодильнику и микроволновке. И обнаружили там вместо сухомятки нормально накрытый стол с наваристым борщом (ужасно смешной суп красного цвета, я бы ни за что не догадалась, что салат можно сварить с мясом), с котлетами, гарнирами и прочими яствами. Я под руководством Шуры колдовала возле кофе-машины. Дело в том, что она мне объяснила: даже из этого демонского агрегата можно добыть совершенно волшебный напиток, если знать пару маленьких секретиков и ловко приложить руки к готовому продукту. Ну и мы с ней решили, что, раз уж будем приручать троллье стадо, надо сразу начинать «бить по площадям», как говорили у нас в высшем скулисе, когда мы изучали заклинания массового поражения. Голодные мужики набросились на нормальный обед раньше, чем сообразили вообще спросить, откуда он взялся.

Рефлекс, наверное: когда стол накрыт, а рядом стоит красивая женщина с ласковой улыбкой и приглашает отобедать, все сначала едят, а потом думают. Конечно, я вовсе не готовила все эти разносолы сама: комната отдыха медцентра это все же не кухня. В этом мире все оказалось гораздо проще: у Шуры была знакомая женщина, которая так зарабатывала: готовила на заказ обеды для не очень больших организаций и привозила их к определенному времени. Это было дешевле, а часто и гораздо вкуснее, чем питаться принесенным с собой из дома или идти на «бизнес-ланч» в какую-нибудь местную таверну. Ну и вот Шура мне про эту даму рассказала, мы с ней составили смету сколько чего стоит, и я с этой бумагой наперевес сходила к Громову. Тот слегка ошалел от моей решительности прямо в первый день работы, но разрешил поэкспериментировать. То есть выделил деньги.

Глава 40

Так что сейчас я пожинала плоды трудов своих и строила хитрые планы на дальнейшие действия. Ничего, вся эта компания оглоедов у меня еще с рук есть будет. А то ишь! Ходят, дразнятся. Называют «милой блондиночкой». Когда очередь дошла до нашего с Шурой волшебного кофе, сам Илья Громовержец не выдержал и, получив вторую чашку, высказался вслух:

— Шура, вы не просто фея! Вы...

— Я знаю, — с несколько самодовольной улыбкой подтвердила я. — Волшебница, королева, и вообще.

«Олегу Семеновичу немного душистого перца и хм, наверное, корицы пару крупинок, как считаешь?» — азартно спросила я у своей лампочки-подельницы, глядя на рослого блондина с щегольской ухоженной бородкой, того самого, кто первым подхватил эстафету Семена Абрамовича и прискакал потроллить новую сотрудницу.

«Думаю, угадала, — согласилась Шура, с самого начала заявившая мне, что всегда знает откуда-то, какой именно кофе кому приготовить. Чувствует, сколько каких специй и в какой момент положить. — А Валерию Петровичу сливки и шоколадную крупку, увидишь, какой будет эффект».

«Шура, а ведь у тебя точно есть зачатки бытовой магии», — задумчиво констатировала я, колдуя над очередной чашкой.

— Э нет! — последняя фраза была адресована Александру Сергеевичу, тоже попытавшемуся заполучить вожделенную чашку.

Этот тихушник даже за обедом держался в тени и старался не попадаться мне на глаза, но запах нашего кофе оказался сильнее его маскировки.

— За что такая немилость? — посмеиваясь, спросил Громов, прихватив собственную чашку.

— А он знает за что, — я как ни в чем не бывало убрала баночки со специями, которые по моей просьбе привезла все та же Шурина знакомая и с помощью которых я делала волшебство с кофе. — Я вообще собираюсь Александра Сергеевича зверски шантажировать, так что пусть готовится.

— Кхм! — упомянутый Александр Сергеевич подавился булочкой, закашлялся и уставился на меня потрясенно-обиженным взглядом, под общий одобрительный смех.

— Не «кхм», а имею право, — непреклонно поджала я губы, под тихое хихиканье Лампочки. — Кстати, вы собирались отвезти меня в школу за детьми, это предложение еще в силе?

— Естественно, — добрый доктор уже оправился и таки стащил со стола чашку кофе, который я для него приготовила на самом деле, просто отдавать не торопилась.

Стащил, поднес к лицу, принюхался и опять изумленно распахнул глаза. Потом глотнул и аж зажмурился, став похожим на блаженно мурлыкающего на солнце кота. Угу, нотка кардамона и только легкий-легкий намек на запах гвоздики, самого запаха и вкуса нет, именно этот намек и кокосовые сливки. Вот не знаю, откуда Шуре пришло в голову это странное сочетание, но напиток вышел такой вкусный, что я и сама едва не стонала от блаженства, приканчивая свою чашку. А вот это совпадение то, что доктора расплющило тем же вкусом, оно странное и такое многообещающее. И смешное.

Однако наслаждение наслаждением, а время ехать за детьми действительно подошло. Так что доктор, мельком глянув на часы, отставил чашку и сделал приглашающий жест в сторону входной двери. Под понимающие переглядывания вредных докторов, которых до конца от ехидства даже вкусный обед не излечил, я невозмутимо поправила толстую косу на плече и с достоинством проследовала в нужном направлении.

— И по какому поводу вы собираетесь меня зверски шантажировать? — все же

поинтересовался Александр, когда мы уже сели в его машину и автомобиль плавно тронулся с места, вырывая из тихого двора на оживленную трассу.

— А то вы не поняли, — я пристегнула «ремень безопасности», который иначе противно пищал на меня, требуя соблюдать правила, и откинулась на мягкую спинку сиденья, искоса поглядывая на собеседника.

Что-то в его облике меня все время тревожило и цепляло, и раздражало, что я не могу поймать это ощущение, чтобы разглядеть его поближе и опознать наконец.

— Не совсем, — тут же отозвался Александр, преувеличенно внимательно глядя на дорогу.

— Издеваетесь?

— И не думаю, Саша, простите, можно мне вас так называть? Я, кстати, для друзей Алекс. Или еще можно называть меня Кей. Это прозвище с юности.

Странно. Он сказал, а у меня вдруг что-то дрогнуло в груди. И самое непонятное не только у меня. Я почувствовала волнение и смятение Лампочки, словно она тоже что-то неясное вспомнила, но так и не поймала в густом тумане это воспоминание, оно уплыло обратно в темноту. Ну и ладно, в конце концов!

Я аж рассердилась на себя и на него морочит тут голову внаглую! Я конкретные вопросы задаю, мог бы и ответить. А то ведь вот явно время тянет. Для чего, спрашивается? Ну так и есть! Нет, понятно, до школы совсем недалеко, но пока я осмысливала, что не так с доктором, с его именем и с его прозвищем, мы уже доехали. И доктор такой радостно прыг из машины, как заяц от лисы, то есть от меня. И уже снаружи:

— Я у машины подожду, вы не возражаете? Все равно в школу охранник не пустит постороннего.

— Да они сейчас и родителей не пускают, идиоты, — проворчала через меня Шура, и я пошла к крыльцу.

Благо калитку в заборе хотя бы открывают по звонку с пульта охраны.

Так, у Пашки последний урок закончился почти час назад, но он по договоренности сразу бежит в живой уголок при кабинете биологии, где практикантка из института привечает таких мальков, Антон после своих занятий его обычно забирает, и они оба ждут меня на крыльце или около него, колготаясь с другими школьниками. А сегодня хм, что-то я сыновей не вижу. Впрочем, так тоже бывает, могли чуть-чуть задержаться, сейчас выйдут.

Но прошло десять минут, потом пятнадцать. Одноклассники Антона почти рассосались по встречающим родителям я их, на удивление, узнавала почти всех в лицо без Шуриных подсказок, но от общего нашего с ней волнения даже не обращала внимания на эту странность. А моих все не было и не было. Где застряли?! Опять Тошка шапку в раздевалке потерял и сейчас роется там, шипит на Павла сквозь зубы, чтоб не торопил? Или, может, учитель какой задержал? Нет, если бы что-то случилось, мне бы уже позвонили. Так, не будем разводить панику раньше времени.

— Антон и Павел? — удивился охранник еще пять минут спустя, когда я не выдержала и пошла выяснять, куда подевались мои дети. — Так их отец забрал, час назад. Старшего с последнего урока отпросил вроде, а вы не знали?

Глава 41

«Шура, спокойно, — приговаривала я, спускаясь с крыльца. — Спокойно, Шура. Мы...»

«Да я спокойна, как айсберг, — неожиданно ровным тоном ответила Лампочка, и я слегка оторопела от того, какая ледяная решимость слышалась в ее голосе. — Я спокойна. Зря он так с детьми. Знаешь, может, ничего страшного и не случилось, хотя интуиция мне подсказывает обратное. Может, решил сам на тренировку Антона отвезти, а с младшим пока в торговом центре где-нибудь поколбаситься. Может. Но в любом случае, зря он так. Зря. Пока это все касалось только меня и я думала, что уж детей-то он втягивать не станет, я все бы стерпела, наверное. А теперь хватит».

«И что будем делать?»

«Сначала поедem к Виктору домой».

«А может, просто позвонить?»

«Естественно. Но спорю на что хочешь, телефоны будут вне доступа. И у Виктора, и у детей».

«Ты и правда так спокойно говоришь об этом?»

«У меня просто сейчас внутри кусок льда, — призналась Шура. — Слишком страшно стало в какой-то момент, все как будто смерзлось в один комок. Но так даже и лучше. Зато я способна думать».

«А раньше Виктор вот так забирал детей из школы без предупреждения? — я тоже постаралась успокоиться и переключиться на деловой лад, пока шла к машине. — Или это что-то новое?»

«Было пару раз, когда мы были женаты, но там просто накладки случались, и недоразумение быстро выяснилось, — чуть подумав, ответила Шура. — Он мне звонил довольно быстро. А сейчас, как видишь».

Пока шагала по школьному двору, убедилась, что Александра права, ни один номер не отвечал. Ни сыновей, ни самого Виктора. Тварья дупа! Я как раз подошла к машине, и, увидев мои глаза, добрый доктор резко перестал улыбаться своей почти незаметной улыбкой, лицо его вдруг стало таким словно вырубленным из скалы. У губ залегла жесткая складка, и передо мной вообще словно очутился совсем другой человек. Но я и сама была не в себе. В прямом смысле слова! Слышала себя словно со стороны. А говорила Шура. И такой у нее был голос, столько уверенной решительности в нем, что я совсем ошалела.

— Александр, у меня неприятности. Я благодарна вам за помощь, но в дальнейшем, боюсь, вынуждена буду отказаться. Вполне возможно, и от работы в медцентре тоже. Не смею больше занимать ваше время.

— Давайте я сам решу, чем мне свое время занимать, — довольно сердито ответил подобранный как кот перед прыжком доктор. — Что случилось?

Я на мгновение замерла, раздумывая, что ответить. А вот Шура не сомневалась ни секунды. Я только поняла, что она оценивающе смотрит на доктора моими глазами, и слышала:

— Бывший муж увез детей из школы без спросу, более того, телефоны у всех троих недоступны. Мы поссорились на днях, причем серьезно. И я думаю, это месть мне.

— И что вы собираетесь делать? — похоже, Александр вообще по жизни привык сразу переходить к делу и выражаться очень кратко.

— Естественно, ехать, искать и пресекать, — отозвалась Шура моим... эм, ведь по сути своим собственным голосом! Очень странное ощущение, но почему-то я не чувствую никакого дискомфорта. Все словно идет как так и надо, у меня нет никаких мыслей о том, что вот, меня потеснили в теле, перехватили управление или что-то подобное.

Может, просто не до того?

— Я еду с вами, — опять коротко и четко выдал Александр и склонил голову каким-то особым жестом, до боли знакомым, но я никак не могла вспомнить, где я его видела. — Это не обсуждается. Садитесь в машину.

Шура не стала больше спорить, кажется, она сочла докторское желание принять участие в спасательной операции просто удобной ступенькой к цели. Я диву давалась куда исчезла нерешительная клуша? Я же не просто Шурины слова слышу, я как бы ее чувства чувствую. И там больше нет ни страха, ни нерешительности, одна холодная, ледяная просто, ярость. И неукротимое стремление. Тигрица, у которой украли детенышей, менее опасна, чем эта женщина сейчас. И на что она способна, не могу предсказать даже я.

Что Шура и подтвердила через минуту, когда добрый доктор повернул ключ зажигания в замке и спросил у нее, куда ехать. Я думала, Александра назовет адрес Виктора, но она всего на секунду задумалась, кивнула каким-то своим мыслям с мрачным предвкушением и вытащила телефон. Сосредоточенно потыкав в кнопки, так, что на маленьком черно-белом экранчике быстро-быстро промелькнул список имен я даже вчитываться не успевала, Шура выбрала одно и нажала вызов. Кажется, это был не номер Виктора. И не номер бывшей свекрови ее имя я все же успела заметить, и Шура, так неожиданно вернувшая себе контроль над телом, его пролистнула, не остановившись.

— Вика? Это Александра, — между тем все так же уверенно и на удивление спокойно проговорила Шура в трубку, искоса быстро глянув на доктора за рулем и, видимо, решив, что он не помешает. — Не смей сбрасывать вызов, если не хочешь, чтобы Виктор узнал, что ты беременна не от него.

Оппа! Нет, ну я отроллела. Это Шурочка сказала?! Моя забитая Шурочка, которая боялась лишний раз хоть кого-то задеть?! Откуда этот холодный тон прожженной стервы?! Так даже я не могу, я скорее с ходу в лоб дам. А она еще и блефует с таким размахом я ведь только предположила, а она попала точно в цель! Вызов не сбросили. Доктор на соседнем сиденье тоже замер, бросив на пассажирку удивленный взгляд. Не ожидал? Вот и я тоже, а эта тигрица продолжала:

— Заткнись и слушай. — Трубка невнятно и визгливо булькнула. — Заткнись, я сказала! Мне наплевать, можешь хоть пол-Москвы перетрахать и всех детей ему приписать. Мне нужны мои сыновья. И если ты мне сейчас не поможешь, будь уверена, даже у этого идиота хватит мозгов при малейшем подозрении сдать кровь на генетический анализ. Вылетишь из теплого гнездышка впереди собственного визга.

— Да с чего ты взяла, дура, что что-то случилось с твоими недоносками! — по ту сторону трубки женский голос вроде немного опомнился и попытался если не взять реванш, то хоть немного укрепить позиции. — И что я в курсе, тоже не...

— Слишком хорошо знаю бывшего мужа и его мамочку, — мне в маленьком автомобильном зеркале сейчас было видно наше внезапно общее с Шурой лицо, и было оно неприятная такая усмешка на нем была, чтоб мне тварьей дупой накрыться. Шура, где это все раньше было, а?! — И тебя знаю, дорогая бывшая секретарша бывшего мужа. Чтобы ты да не вынюхала? Рассказывай.

— Если хорошо знаешь эту семейку, какого хрена сама довела их до такого остервенения? — огрызнулась, если я все правильно понимаю, новая жена Виктора. — Они тут ядом давились все выходные, а сегодня утром Виктор вообще невменяемый вернулся, после того как решил съездить и объяснить тебе твоё место.

Шура пропустила обвинения мимо ушей, ловя нужную информацию, а вот мне стало не по себе. Если уж по-честному, то доводила до невменяемого состояния бывшего мужа вовсе не Шура а я. И вот чем это кончилось. Нет, тварья дупа, я все равно не считаю, что Шура правильно под них стелилась! Но вину чувствую.

Глава 42

— Ты там долбанулась, что ли, мымра толстая? Всю жизнь прожила, язык в задницу засунув, а тут разом чего-то оборзела, — продолжала надрываться Вика, или как там эту новую жену зовут. — Бабка едва собственным ядом не подавилась, а еще орала из-за закрытой двери, что ты каким-то образом подменила ее косметику и она на тебя заявление подаст в полицию. Правда, к утру угомонилась про ментов, но злобы не по уменьшилось.

Шура слушала и не перебивала, хотя я всем нутром ощущала ее болезненное нетерпение. Но она откуда-то знала, что надо дать испуганной разлучнице излить желчь и выговориться, пусть с ругательствами, чтобы та начала, наконец, выдавать и ценную информацию. Шура оказалась права: после потока претензий, оскорблений и нытья эта Вика перешла к тому делу, что нас больше всего интересовало.

— Бабка с утра выдвинула гипотезу, что у тебя, прошмандовки, теперь чего доброго хватит наглости подать на раздел имущества и на алименты. А Виктору надо беречь репутацию, и просто послать тебя не получится, в его компании к этому относятся без восторга.

Шура напряглась, но не проронила ни слова. А с той стороны трубки продолжали распалаться. Видимо, имущество Витеньки его новую жену еще как волновало, и свекровушку она поддержала всеми лапами. А вот сейчас, поставленная в безвыходное положение, вынуждена сдавать планы семейства, отчего буквально корчится.

— Ну они и решили, что жирно тебе будет. Если пацанов вывезти за границу, ты тут в суд хоть за обращайся, ничего не сделаешь. Да плюс будет чем тебя в узде держать, курицу нахальную. Мы... они в интернете смотрели, сколько баб годами бьются, пытаюсь хоть увидеться, а мужики только посмеиваются, — в голосе заразы прямо чувствовалось злорадное удовлетворение. Вылезло, даже несмотря на то, что Вика вроде бы понимала не стоит портить отношения с той, у кого на тебя компромат. — Ты же дура, ты же клуша, все деткам, все для них. Сама разрешение перед весенними каникулами подписала, а паспорта их после поездки назад не забрала, идиотка. Так что Витя взял билеты на ближайший рейс, на Кипр. И ключи у него от квартиры твоей есть, съездили и забрали загранпаспорта недоносков. А дальше разберутся. Ты все равно не успеешь, толстуха. А будешь языком трепать...

— Какой аэропорт? — сухо спросила Шура, а я внутренне поежилась от завывания морозного ветра у нее в душе.

— Если ты думаешь, что я...

— Какой. Аэропорт. Быстро.

— Дура! Бочка с жиром чокнутая! Только попробуй рот раскрыть!

— Какой аэропорт? В последний раз спрашиваю.

— Шереметьево! Чтоб ты провалилась по дороге, коза недоенная!

И Вика бросила трубку. Я очень осторожно положила старенький кнопочный Шурин мобильник на колени и откинулась на спинку сиденья. Что делать? Что делать-то?! Понятно, надо мчать и спасать сыновей, но...

— Этого я и боялась, — хриловатый голос мой, губы шевелятся мои, но слова Шурины. — Все время боялась. Самый большой страх. По рукам себя била, чтобы не лезть в инстаграм, где сейчас эта акция матерей «на коленях», а все равно тянуло, как отравленное вино пить или рану расковыривать.

— Что за акция?

Я аж вздрогнула, когда рядом раздался мужской голос. Совсем забыла про доктора. А он тут. Смотрит внимательно и как-то так не с жалостью, а по-другому, но от этого взгляда чуть теплее и легче вроде бы.

— Женщины, которые в суде выиграли своих детей, а их отцы обманом и взятками вывозят детей за границу или здесь в стране прячут, не подпуская матерей. Приставам плевать, всем плевать. Сейчас эти матери пытаются привлечь внимание к проблеме: фотографируются, стоя на коленях возле службы судебных приставов, и выкладывают в инстаграм, — почти неживым голосом рассказала Шура и вдруг резко повернулась к Александру: — Едем! Быстрее! Должны успеть. Отозвать разрешение на вывоз детей за границу я все равно не успею, но главное, догнать. А там...

С такой решимостью она это выдала, что я даже подумала взорвет транспортный телепорт, если понадобится. То есть, тьфу, аэропорт!..

Александр больше ни слова не сказал, просто рванул машину с места, лихо развернувшись на небольшом пятачке. Я сидела на сиденье, вроде как вернув себе власть над телом, и пыталась дышать ровно. Шурин страх и ее мрачная решимость вымораживали не хуже заклинания ледяной стрелы, пробившей щит во время битвы и попавшей прямо в сердце.

Машина неслась по заполненным другими автомобилями дороге, каким-то волшебством, не иначе, минуя пробки и заторы. Словно по заказу, стоило нам приблизиться к перекрестку со светофором, как он переключался на зеленый сигнал. Я даже успела мельком подумать, что это наверняка неспроста. Но пока нам с Шурой было откровенно наплевать на тайны доброго доктора и его возможные магические силы. Чем больше проходило времени, тем сильнее нас трясло.

Время от времени, без всякой надежды, просто чтобы хоть что-то делать, я набирала на мобильнике номера сыновей. «Телефон отключен или находится вне зоны действия сети».

«Бесполезно. Если Виктор все обдумал, он нашел предлог забрать у мальчишек телефоны и выключить, вздохнула Шура. Они ему верят, это же папа».

Теперь, когда надо было только сидеть и смотреть сквозь лобовое стекло, как стелется под колеса сероватое полотно дороги, я снова ощутила свою подругу по несчастью в лампочке, а себя в этом теле. Вот задуматься бы, что такое странное с нами происходит, но сил на это нет. И желания нет все мысли о мальчишках. Они уже мои, родные, я так чувствую. И полностью разделяю с Шурой ее страх и ярость.

Аэропорт это такая огромная дура с множеством переходов, каких-то перегорожек, людей, стражников в форме, стеклянных стен и прочего ужасно мешающего бежать в нужном направлении баракла.

Еще когда мы ехали, по наводке Шуры я попросила у Александра его телефон и залезла в интернет. Тут Лампочка временно опять завладела телом и принялась так быстро пролистывать страницы, что у меня в глазах зарябило, а Александра с ее незаурядными, тварья дупа, способностями уже через несколько минут выяснила все про рейсы на этот самый Кипр, время отлета, окончание регистрации и прочую для меня непонятную и сложную муть, которая для нее означала очень много. И теперь мы галопом неслись через препятствия, бросив машину, кажется, в неполюженном месте, чтобы успеть к одному-единственному правильному терминалу, где уже началась регистрация на рейс. И отчего-то мы с Шурой были полностью уверены это тот самый самолет, на котором Виктор собирается увезти детей. (Акция «На коленях» действительно существует. Можно посмотреть в инстаграм)

Глава 43

Не успеваем, не успеваем! — в отчаянии бормотала я, чуть ли не вслух стена, когда мы наткнулись на очередную «рамку», пропускавшую людей в час по чайной ложке. Добрый доктор, оценив ситуацию и лихорадочное бормотание, то ли мое, то ли Шурино, уже не понять, про «если пройдут паспортный контроль, то все», ломанулся куда-то в сторону, к скоплению мужчин в форме. Он там им начал что-то быстро вполголоса объяснять. А я застыла как дурында, лихорадочно соображая, что же делать.

«Может, шарахнуть всем магическим резервом по всему, что есть в этом вашем аэропорту? — спросила больше от отчаяния. — Сожгу все к тварьим дупам, и...»

«Не смей! — взвилась Шура. — Ты что! Ты знаешь, какая тут сложная система взлета и посадки? Если ты нарушишь работу приборов, самолеты начнут падать, люди погибнут. Не вздумай!»

«А что же делать?!»

Отвратительно было чувствовать свою беспомощность, хотя я вроде не стояла на месте и протиснулась в «рамку» без очереди, но все равно остро чувствовала опаздываем! И тут контроль над телом снова перехватила Шура. Она сунула руку в карман, используя мои с ума сойти!!! мои магические навыки! И вынула энергетическую капсулу, в которую я упаковала наевшегося гремлина, чтобы он там спал, пока домой не принесу и не преобразую в домашнего духа.

«Стой! Что ты хочешь делать?! Он же спалит и испортит тут все приборы не хуже энергетического выплеска, да даже еще и мощнее получится, у меня резерва мало пока, а вот эти твари ненасытны. Сожрет всю энергию и обесточит аэропорт!»

«Не кипишуй, я все продумала, — отозвалась Шура злым и уверенным тоном, а потом собрала мою магию в тонкий щуп и одним движением вскрыла кокон с гремлином, поймав выкатившийся живой клубок на раскрытую ладонь. — Сюда смотри!»

Не поняла, кому она это скомандовала тварюшке или мне. Я как раз пыталась глазами найти в толчее Александра и понять, насколько успешны его переговоры с местными стражниками, которые называются «транспортная полиция». Но после окрика дернулась и послушно уставилась на руку, в которой сидел и недоуменно хлопал глазами греmlin. А еще в этой руке у Шуры был паспорт. Она мне уже показывала, как выглядят самые необходимые в этом мире документы, и сегодня я взяла их с собой, потому что в конце сорвавшегося из-за Виктора рабочего дня рассчитывала сдать документы на оформление в медцентр. И вот теперь Шура торопливо тыкала бумажную книжечку гремлину под нос, раскрыв на странице с фотографией, а тот послушно шевелил отросшими за время отсидки в коконе усами. Понюхал фотографию в паспорте, потом, по команде Шуры, ее руку. Тут она спохватилась, торопливо вытащила из сумки булавку и без колебания воткнула ее себе в запястье, так, что выступила капелька крови. Я даже не пискнула, хотя боль прекрасно почувствовала, и поняла, что Шура делает окончательно привязывает к себе будущего домашнего духа, еще не потерявшего способности гремлины-вредителя.

Но как оказалось, я недооценила ее действия и внезапно проснувшиеся в ней мои знания. Шура стряхнула тварюшку с руки и железным голосом скомандовала:

— Найди тех, в ком течет моя кровь, и уничтожь все документы, которые есть у них и у мужчины рядом с ними. Вообще все бумажное съешь! Быстро!

Гремлин пискнул то ли от восторга, то ли от усердия, сорвался с руки и растворился в воздухе. А я застыла с раскрытым ртом от восхищения. Ай да Шура! Ай да молодец! Это как же она сообразила-то! Гремлина стены нипочем, и по крови он найдет сыновей в течение нескольких минут.

Он невидим, неслышим и в этом состоянии быстр, как молния. И хотя дух уже сыт энергией и кровью, он сожрет паспорта в момент, даже если Виктор держит их сейчас в руках! Ну и пусть гад думает, что у него галлюцинации, пусть решит, что вообще с ума сошел. Без паспорта и билетов его не пустят на борт самолета. Даже если он отдаст служащим аэропорта все деньги, что у него есть, это ему не поможет! Тварья дупа, Шура

гений! Откуда что взялось?!

Пока я восхищалась Шуриной решительностью и сообразительностью, нас догнал Александр и хмуро побежал рядом по бесконечным коридорам аэропорта Шереметьево. Я даже спрашивать не стала, чего он там от полиции добился. Видимо, как это не редко бывает, ничего. Увы, стражники часто такие. Но как минимум благодаря доктору нас, несущихся с целеустремленностью тарана мимо разных пропускных пунктов, хотя бы не пытались задержать. Поворот, еще поворот, терминалы мелькают мимо, толпы людей как высмотреть в человеческом океане две щуплые детские фигурки? Да и бывший муж никаких особых примет, таких, что выделяют его на фоне множества людей, не имеет Александр поддержал меня под руку, когда я чуть не упала, увидев вдалеке над толпой нужный нам номер терминала.

Колени неожиданно подкосились именно тогда, когда осталось сделать последний рывок. Ну же! Ну! Людской поток плавно обтекал стойку регистрации и уплывал дальше, в «зеленый коридор» по направлению к кабинкам паспортного контроля. Я на бегу лихорадочно шарила глазами по цепочке пассажиров, избавившихся от багажа и спокойно идущих с документами в руках. Нету Нету Не они снова не они. Неужели опоздали?! Но самолет еще не взлетел!

Или мы все перепутали и Виктор взял билеты на более ранний рейс?

Или или его новая жена обманула и мы просто потеряли время?!

Вдруг Шура внутри меня вскрикнула и в следующее мгновение снова перехватила контроль, рванувшись в сторону. Я не стала сопротивляться, хотя чувствовала, что эта чехарда с управлением телу как-то совсем не на пользу и вообще все может не очень хорошо кончиться. Но сейчас на это плевать! Ведь пришел сигнал от гремлины и удивительно, что Александра почувствовала его даже раньше меня.

Может быть, сыграло роль то, что это все же на самом деле ее тело, и ее кровь, и ее дети? А-а-а, потом разберемся! Главное, зеленошкурый их нашел!

Глава 44

Через секунду не только мне, но даже доброму доктору стало понятно, в каком направлении следует двигаться. Где-то там, впереди, назревал скандал слышался разговор на повышенных тонах, и толпился народ. За спинами людей не было видно, что именно там происходит, но чутье не обмануло нас точно туда. Шура снова ощущалась в лампочке, мне вернули власть над телом, но я чувствовала какую-то нехорошую слабость. А еще моего опыта хватало, чтобы определить, не за горами магическое истощение.

Ночью я, конечно, подзарядилась из розетки, но все эти события изрядно опустошили мой резерв. Сначала гремлины, потом нервы и погоня и эти странные прыжки сознания еще. Плохо дело, но, если сжать зубы, почти наверняка продержусь, пока не заберу мальчишек.

Хотя что значит почти?! Продержусь, даже если потом упаду! Но дома! Александр глянул на меня искоса, нахмурился и подхватил под руку. Я услышала его сердитое бурчание вполголоса:

— Головой же думать надо! Разве можно доводить себя до такого состояния?!

Я с некоторым даже облегчением повисла на его руке, чувствуя, что он ведет меня в нужном направлении. И вдруг почуяла, как тоненькой струйкой в меня начинает вливаться энергия. Он что?!

— Не дергайся и сделай лицо королевы, — скомандовал между тем доктор, неумолимо рассекая толпу словно заклинание-ледокол в северных морях. — С гремлином была гениальная идея. Теперь успокойся, они уже никуда не улетят. Но ты должна предстать в лучшем свете перед представителями власти, а кроме того, не напугать детей.

Вот когда он сказал про детей, и я, и обессиленно примолкшая в своей лампочке Шура воспрянули, словно опытные боевые кони, услышавшие сигнал горна. Дети! И правда, к троллям усталость и неполадки-непонятки с магией и телом, сейчас главное без скандала забрать детей. А если и со скандалом тем более нужно принять такой вид, чтобы выгодно отличаться от другой стороны конфликта.

Нам вдвойне повезло: Шурина гениальная сообразительность с гремлином наложилась на то, что муженек со свекровушкой (а она тоже была здесь, кто бы сомневался!) не успели провести моих сыновей через паспортный контроль. Это такие будки вереницей поперек здорового зала, в которых сидели люди и проверяли у отлетающих эти их книжечки с фотографией. Как раз возле одной из таких будок, под любопытными взглядами других пассажиров, живо выстроившихся в длинные очереди к другим будочкам, бесновался и орал мой бывший муж. И орал он, тварья дупа, на Антона и Павла! Я уже неслась, не разбирая дороги и бросив доктора где-то позади, когда до меня долетели отдельные слова из этого ора:

— Вы идиоты! Придурки! Я вам на пять минут дал подержать документы! Куда?! Куда можно было их просрать за это время?! Это вас мамаша-идiotка научила отцу пакости устраивать?! Мне назло! Да?! Отвечай! — и скот, бывший когда-то вроде бы нормальным человеком, так потрянул Антона за плечи, что у того голова мотнулась, как у тряпичной куклы. Больше он ничего сделать не успел, потому что я долетела, а он отлетел. И я даже не поняла сама, как я это сделала, но только что вот козлина безрогая трясла ребенка, а в следующую секунду он с невнятным воплем врезался спиной в соседнюю будку и сполз по стеночке на пол. Я на секунду прижала совершенно дезориентированного Тошку к себе одной рукой, подхватила и тиснула другой Павла, белого от страха и потрясения, а потом отпустила обоих и спокойно пошла в сторону медленно встающего Виктора. Видимо, я так шла с таким лицом и, кажется, у меня волосы встали дыбом и слегка заискрились от напряжения магического поля я шла убивать. И поганый слизняк это понял, потому что взвыл и на четвереньках рванул в сторону, пытаясь проскочить между ног набежавших на шум местных стражников.

Вдруг мне наперерез кинулась какая-то курица, заполошно кудаяхая на лету и трепыхая крыльями. В своей всепоглощающей ярости я даже не сразу опознала свекровь, которую от одного моего взгляда в упор вдруг унесло куда-то в сторону, и там, где-то в гуще

людских тел, ее кудахтанье захлебнулось и затихло. А я шла спокойным неспешным шагом туда, где барахтался на полу бывший муж. Шла так, шла с полной уверенностью, что снесу любого, кто встанет на моем пути и помешает раздавить, наконец, эту гадину. Шаг, еще шаг. Вот сейчас!

Вокруг кистей рук начинает клубиться магическая энергия, синевато-белая, с горячими, просто раскаленными, лимонными всполохами.

Тонкая-тонкая, чужому взгляду, особенно если не знать, куда смотреть, почти незаметная. Но она уже здесь, и через секунду от проклятого урода останется только

— Стоять! — рывкнули мне в ухо, жестко перехватывая сначала под локоть, а потом за плечи. — Приди в себя! Ты хочешь совершить убийство отца на глазах у детей?! Совсем рехнулась?! Александра, прекрати!

Его слова подействовали на меня как ведро ледяной воды, вылитое прямо на голову. Что я творю?! В следующую секунду я к тому же еще почувствовала, как добрый доктор сделал еще одну странную и непредставимую в этом мире вещь он просто впитал едва не сорвавшуюся с моих рук магию. Но это же невозможно! Этого и в моем мире никто не умел, а тут и подавно, и потом подумую.

Я нашла взглядом врага, переставшего к этому моменту ползти по полу, его местные эти полицейские уже подхватили под руки и подняли на ноги. Даже отряхнули и явно пытались о чем-то расспросить, но невменяемый от ужаса бывший муженек только мычал и таращился на меня дикими глазами. Что, гаденыш, понял, с кем связался?! Дошло, придурок, что значит пытаться украсть детей у матери? Доперло, что орать на детей и пугать их безнаказанно больше не выйдет?! Тут я почувствовала новый прилив ярости. А заодно и злость на Александра какого черта тролля он мне помешал?! Да не убила бы Витеньку-поганца, но хоть покалечила!

— Какого ты влез?! — злой кошкой зашипела я на все еще сжимающего меня как в железных тисках мужчину и попыталась вырваться.

— Большого, — спокойно ответил он, разворачивая меня к себе и глядя в глаза. — Большого черта, тролля, кого угодно. Моя женщина не станет убивать придурков на глазах у собственных детей и кучи народу только потому, что я вовремя не сумел ее остановить.

Глава 45

— С каких это пор я твоя женщина? — от потрясения и негодования мы с Шурой синхронно, хором перешли с доктором на «ты». Но локоть высвободить даже не попытались, ибо крепко держал, хмырь самоуверенный!

— Примерно со второй минуты после того, как я тебя увидел, — охотно и невозмутимо пояснил Александр. — Не дергайся, это все равно ни к чему тебя не обязывает. Это только мои проблемы считать тебя своей женщиной. Решешь ли ты, что я твой мужчина, зависит только от тебя и твоего желания.

— Интересная постановка вопроса, — пробормотала я себе под нос, а Шура внутри меня согласно вздохнула.

Но вроде бы бить нахала сумочкой по голове после такого объяснения стало не за что. Да и тролль с ним, у нас тут дела поважнее! Поскольку слизняка Витеньку уже вовсю лапали кучи стражников плюс родная курица тьфу, мамаша! я на него плюнула и пошла успокаивать сыновей. А с этими поганцами я еще разберусь наедине. Они у меня сто раз пожалеют, сволочи, что решили играть в такие грязные игры. Так что я напоследок одарила обоих тяжелым, многообещающим взглядом и с удовлетворением отметила, как их скрючило. Бабка даже попыталась вскукарекнуть что-то про «спасите, она нас убьет и вообще невменяемая», но я в этот момент уже безмятежно улыбалась какому-то главному чину из стражников, пробиравшемуся к источнику беспорядка через толпу. Улыбалась невинно так и спокойно, а на его вопросительный взгляд недоумевающе пожала плечами, скосив глаза в сторону бывших родственников, и эдак плечиками пожала, мол, не знаю, но, похоже, больные.

— Забираем мальчишек и уходим, пока не влипли в долгие разбирательства, — очень разумно предложил добрый доктор, одобрительно пронаблюдав мою пантомиму на ходу.

Я только кивнула, потому что мы уже были рядом с Тошкой и Пашей, освободила свой локоть от докторской хватки, сцапала обоих сыновей за капюшоны курток и скомандовала:

— Валим, парни, пока не замели.

Тошка рот открыл от такого предложения из уст матери, Павел сморгнул уже повисшие на ресницах слезинки и несмело хихикнул.

Оба два поросенка, даже не оглядываясь в ту сторону, где объяснялся со стражами порядка их отец, послушно порысили в указанном мною направлении.

— Мадам, задержитесь на минутку!

Черт, все же один из стражей увязался. У-у-у-у, тварья дупа! Ладно, разберемся. Я справлюсь. Да я теперь вообще со всем на свете справлюсь! А где облажаюсь там Шура подхватит и поведет. Тоже мне, забитая домохозяйка, ей бы разведротой у наемников командовать с такими способностями быстро соображать в критических ситуациях! Ну и еще с нами же доктор Не знаю откуда, но есть у меня уверенность в том, что в самом крайнем случае он придумает что-нибудь и вывезет прекрасную даму с детьми на лихом коне!

Но все оказалось совсем не страшно и не сложно. Достаточно было предъявить Шурин паспорт, в который были вписаны оба сына, причем они тут же еще и вцепились в меня с двух сторон, испуганно глядя на полицейского, что само по себе усыпило его подозрения. К тому же Александр, оценив мое спокойно-приветливое лицо и снова стгущающуюся вокруг кистей рук магию (а это не я, это Шура! Кровожадная какая оказалась мамаша, пол-аэропорта готова была укокошить куда делась безответная рохля, я вас спрашиваю?!), взял все переговоры с представителем власти на себя.

Добрый доктор спокойно пояснил, что имели место быть небольшие семейные непонятки, что скандаливший пассажир находящийся слегка не в себе после обильных возлияний бывший муж, который перепутал все на свете и слегка неправильно себя повел, сорвав детей из школы не в тот день и не с теми документами, о которых была договоренность. И что сами видите мужчина не в себе, но претензий больше не

предъявляет, даже близко не подходит к бывшей жене: стыдно в глаза смотреть, и разборки не хочется, сами понимаете ну бывает, попутал мужик с бодуна. Не казнить же его теперь? Спокойно разошлись, поскандальят потом дома за закрытыми дверями. Бдительный страж кивал, на глазах перетекая из охотничьей стойки в более расслабленное состояние. Но документы на всякий случай у доктора проверил, выяснил, что он коллега по работе, и окончательно успокоился, заметив, что Виктор со свекровушкой двинулись к выходу из зала, старательно обходя нашу группу по большой дуге. Слова Александра таким образом косвенно подтвердились, заводить себе лишнюю головную боль никто из здешних полицейских явно не горел желанием, так что нас отпустили с миром, и мы потопали туда, где бросили машину доктора

И если бы не гремлины, незаметно от окружающих шмыгнувший ко мне в сумочку еще в зале паспортного контроля, я даже не знаю, сколько дней бы мы эту самую машину разыскивали. Бросили-то как попало и по сторонам не глядели, когда мчались спасти мальчишек. Тварюшка же нашла брошенный автомобиль по запаху и всю дорогу тихонько канючила на ментальном уровне про то, что в железной банке под крышечкой очень много вертящихся и вкусно пахнущих топливом железных штучек, можно хоть одну съесть?! Ну хоть одну-у-у!

Развился, паразит, до полноценного сознания и сразу оказался проглотом. Александр косился на мою сумку с большим подозрением, а когда вредный маленький дух начал выпрашивать детальку от мотора и вовсе нахмурился в ту сторону. Подозрительный тип! Но по-прежнему я не чувствую от него опасности, и это здорово сбивает с толку да и вообще, надо же как-то добраться до дома и довезти туда детей, чтобы успокоить и расспросить. Так что пусть подозрительный доктор везет. Ишь ты «моя женщина». А не на слишком ли быстрых заклинаниях у вас работает магический котел, товарищ лекарь?

«Потом разберемся, — выдала Шура. — Я что-то не очень хорошо себя чувствую. И мне не нравится Тошкин взгляд. Павел как-то вроде отмерз, а с Антоном точно что-то не так».

«Да еще бы! — вздохнула я. — Для него нормальный папа вдруг превратился в орущего монстра, а нормальная стабильная и защищенная жизнь трещит по швам. Ничего, мы сумеем его успокоить, не бойся. Самое страшное позади, мы не дали увезти детей, с остальным справимся!»

«И еще надо мягко, ненавязчиво расспросить, под каким предлогом этот козел увел мальчишек из школы и заставил отключить мобильники, — сказала Шура. — Что-то же он им наплел, что они безропотно с ним поехали, хотя у нас не было принято никогда вот так срываться. А насчет орущего папы Виктор и раньше мог сорваться, только я грудью вставала, все его раздражение оттягивала на себя, успокаивала, чуть не в попу целовала. Только бы детей не пугал. А тут не успела».

«Еще как успела! — возмутилась я. — Заканчивай клюксить! Сама чуть пол аэропорта не пришибла, а туда же, бедненькая-беспомощная. Сейчас приедем и все решим! Я сказала!»

Глава 46

— А потом папа сказал, что нас ждет большой сюрприз, — бойко тараторил Паша, сидя на стуле в нашей кухне и радостно болтая ногами. Для него все сегодня случившееся казалось одним большим приключением, пусть местами немножко и было страшно-непонятно, но кончилось же все хорошо.

— Все равно до конца учебного года чуть больше недели, а у нас каникулы начнутся раньше! На море! Он сказал, ты все знала и нарочно нам ничего не сказала, чтобы не испортить сюрприз, — тихо добавил Антон.

Он был далеко не так радостен, как младший брат.

Всю дорогу сидел притихший, не поднимая глаз, и сейчас тоже буравил взглядом стол рядом со своей тарелкой.

— А потом папа сказал отдать ему старые телефоны, потому что он купил нам новые в подарок! — похвастался младшенький, подпрыгнул на сиденье, спохватился и поскакал в коридор к рюкзаку. За телефоном.

— Мы отдали а он сразу их выключил, а в новых были другие симки, — еще более тихим голосом пояснил Антон. — Мы ничего не подумали. Такого. Это же папа и мобилы крутые, самой последней модели с играми. Уже установленными. И папа сказал, что номера мы потом со старых симок перенесем, сейчас некогда, поехали скорее, сюрприз же.

— Тош, — не выдержала я. — Посмотри на меня, пожалуйста.

Сын вскинул глаза после долгой паузы, и я поразились, как они у него из синих выцвели в почти серые.

— Сын, так бывает, — тихо сказала я, пересаживаясь на соседнюю табуретку, притягивая мальчишку к себе и обнимая крепко-крепко. — Иногда обманывают те, кому веришь. Это не твоя вина, это обстоятельства непреодолимой силы.

— Зачем? — Тошка уткнулся лицом в мое плечо, и я почувствовала, как рукав футболки стал горячим и мокрым. — Зачем он так с нами?! За что?! Он же сказал что вы договорились и мы снова будем жить как раньше. Нет. Не так. Лучше, чем раньше!

— Иногда люди делают глупости, — я поцеловала старшенького в макушку и прижала к себе покрепче. — Даже самые близкие и взрослые. Так бывает. Когда обида разыгралась, например, и хочется сделать кому-то назло.

— То есть он тебе назло хотел нас увезти? — Антон оторвался от моего плеча и зло прищурился сквозь мокрые ресницы. — А мы?! Мам! О нас он совсем не подумал! Просто обманул, как... как врагов! Как дураков каких-то. А как мы там бы без тебя? А ты тут без нас как?! А если бы тебе опять плохо стало?! А мы бы даже не узнали! Мы для него кто, куклы?! Почему?! Мы сами виноваты, да?!

— Тш-ш-ш-ш, — я снова с силой обняла Тошку, унимая его начинающуюся истерику. А Шура в моей голове мрачно рисовала картинки расчленения бывшего мужа, добрая женщина. Пять минут назад мялась и стонала, что нельзя же детям про отца гадости говорить, даже если это правда. А сейчас готова лететь и расчленять на лету.

— Тш-ш-ш, все прошло. Все кончилось, Тош. Да, плохо, обидно, что папа так но это только его решение, его и вина. Не твоя и не Пушкина. Понял?

— Посторонний дядька тебе помогать стал, просто так, и защищал, а папа! — Антон все повышал и повышал голос. — Ищет, как побольнее сделать! Сам привел эту дуру! А он не должен так! Не должен! Не должен! Он так орал там, в аэропорту, как будто мы враги! У него лицо было чужое и страшное! Мам! Почему?!

— Потому что папа поступил плохо, — я плюнула на Шурину концепцию «не настраивать детей против отца» и слегка встряхнула старшего, сбивая его накал. — Понимаешь? Даже папа может делать всякое дерьмо... нехорошее, когда от злости мозги зависли и

забылось все хорошее. Бывает так, Тош. Но это он поступил как мудака. Это он виноват. А вы все равно самые лучшие у меня, и я никому вас не отдам, понял? Павел, иди сюда, чего ты подслушиваешь и реवेश там за дверью?

Младшенький возник в дверном проеме зареванный и несчастный подслушанный разговор напрочь поломал его «приключение», за которым испуганный малыш пытался спрятаться от страшной правды. Пашка сжимал в руке новенький мобильник, которым явно собирался похвастаться еще пять минут назад. Он полез было к нам с Тошкой обниматься, но этот здоровенный «смартфон» ему мешал, и Павел вдруг с неожиданной злостью швырнул его об пол.

— Не надо мне ничего от него!

Я вздрогнула и приготовилась к треску и звону, но Оппа! Шура, ты решила выйти из тени, и сразу так эффектно? Телефон завис в полуметре от пола, потом, медленно переворачиваясь в воздухе, поднялся обратно и лег на край стола экраном вверх.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок, — сказал мой голос Шуриными словами. — Старые мобильники папа забрал, так что других пока нет. А мама не миллионер, к сожалению.

Моя рука поднялась и прищелкнула пальцами, так, что между ними проскочила радужно-синяя искра.

Этому простенькому фокусу учили на переменах еще в начальном скулисе. Баловство, но эффектное, хвастаться перед ровесниками. А теперь вот пригодилось сыновей отвлечь. Только откуда этот фокус знает Шура? А, неважно.

— Я забыл! — Пашкины слезы мгновенно высохли, а глаза засияли восторгом. — Мама, ты же супергерой! Ты же как Шторм! Ура! Ты бы нас все равно нашла и спасла! Даже если в папу и бабушку вселились злые рептилоиды, да?! Потому они были такие странные!

Тут мы с Шурой не выдержали и синхронно рассмеялись. Ох уж эти детки и их фантазии! У старшего ребенка, правда, фантазий не было, зато имелись большие и круглые глазщи.

Опять синие, а не серо-выцветшие.

— Это не шутка была?! — совершенно обалделым голосом переспросил Антон и неверяще потыкал пальцем в экран Пашкиного мобильника. — Это...

— Да какие шутки, — я пожала плечами и подмигнула. — Обыкновенное волшебство.

Уже осознанно выпустив заклинание, я напоказ сделала замысловатый жест рукой, и в кухню из коридора после небольшой паузы медленно вплыл второй мобильник. Чуть покачиваясь, он плавно сделал круг над столом и лег рядом с первым. А я снова подмигнула старшему сыну, смешно подвигав бровями.

— Ма-а? — недоверчиво переспросил Тошка, отмахиваясь от ликующих воплей младшенького, козликом скакавшего вокруг нас. — Это же магнит, да? Под столом?

Тут совершенно забывший о былых неприятностях сынуля откинул скатерть и заглянул в полутьму, еще и рукой начал шарить по обратной стороне столешницы. И вдруг пискнул, отскочил так быстро, что перевернул табуретку, на которой сидел, и чуть не брякнулся со всего размаху на пол. Хорошо, я успела поймать.

— Что это?! К-кто это?!

Я скептически оглядела высунувшуюся из-под скатерти зеленую морду в клочках отрастающей шерсти и представила:

— Знакомьтесь, это Гриша. Он теперь будет жить с нами.

Глава 47

За то время, что прошло с первой нашей встречи, подкормившийся греmlin существенно подрос, сменил хабитус с лягушачьего на какой-то полумышинный и покрылся неровными клочками шерсти. Выглядел он страшненьким донельзя, но глазища блестели разумом и любопытством. Тварька высунула нос еще дальше из-под скатерти и с интересом обнюхала замершего в прострации Тошку. Пошевелила прорезавшимися усами и умильно заморгала на меня снизу вверх.

— Кушать! Детальку! — сказала она скрипучим тонким голосом и облизнулась длинным розовым языком.

— Лопнешь, зараза! — искренне возмутилась я. — И вообще, сначала выплюни документы. Нечего-нечего рожу мне тут корчить, я твою породу знаю. Все, что сожрал не позже чем сутки назад, можешь при желании выплюнуть и вернуть в прежнее состояние.

— Вку-у-у-усно! Ма-а-а-ало! — заканючило тощее, длиннолапое, с зелеными проплешинами в белой шерстке чудо. — Гриша хочет ку-у-у-ушать! Дай! Машинку!

— А самолет, в котором пассажиры сидят, тебе не надо? — изумилась я.

И в этот момент отмер младшенький. Он сначала завизжал так, что я почти оглохла на одно ухо и дернулась спасать мелкого, но тут выяснилось, что в спасении, похоже, нуждается кое-кто другой. Потому что Пашка схватил греmlина под передние лапки, и тот даже квакнуть не успел, как сынуля выдернул тварьку из-под скатерти как репку из грядки, прижал к груди и звонко чмокнул в нос, при этом продолжая повизгивать от счастья.

— Мама! Какой хорошенький! Он живой?! Настоящий? Он наш?!

Судя по отчаянно вытаращенным глазищам, даже сам греmlин изумился, когда его назвали «хорошеньким».

Тощее, нескладное, клочкасто-лысое, с непропорционально длинными и тонкими лапками, с пастью как у сундука, полной острых треугольных зубов. Одно хорошо: привязанный дух ни за что не навредит хозяевам, а мои сыновья одной со мной крови. Но удивительно другое: дух ведь очень относительно материален. Точнее это просто сгусток энергии, принимающий ту или иную форму. А Пашка его тискает и гладит, как живого котенка. И кажется, тваренок отошел от первого испуга вон как довольно жмурится и урчит уже.

Антон тоже немного пришел в себя и закрыл рот. Похлопал ресницами сначала на греmlина, потом на меня. Помолчал пару секунд. И наконец выдал:

— Сумасшедший дом!

— Есть немного, — согласилась я, отбирая у Пашки будущего домашнего духа, пока он его не затискал до состояния котлеты. — Но в целом это существо вполне разумно и местами полезно. Особенно если выплюнет ваши паспорта. А то оформлять их заново это не то удовольствие, о котором я мечтаю. Слышишь, ты, дух нечистый? А ну, живо! Будешь хорошим монстриком, я тебе батарейку дам пожевать.

С этими словами я вынула из ящика стола металлический цилиндр с магией. Шура сказала, это от пульта кондиционера. И я даже без объяснения поняла, что за прибор она имела в виду. Все страньше и страньше. Ладно, потом. Так вот, в батарейке была не просто магия, а по-особому обработанная людьми, для греmlинов нет вкуснее и питательнее деликатеса, почему они и жрут не просто камни в горах, а именно людские вещи.

Скорчивший было жалобную моську Гриша увидел обещанное лакомство, и у него мгновенно загорелись глаза как два желтых фонаря. Он протянул лапки к вожделенной вкусняшке, но поймал мой строгий взгляд, преувеличенно печально вздохнул, изобразив маленького и несчастного греmlина, у которого последний кусок из горла выдергивают. Поднатужился и р-раз! принялся выплевывать на стол разноцветные ошметки бумаги.

Дети отшатнулись от такого внезапного фонтана, но уже через пару секунд обрывки и кусочки сами собой начали складываться в погрызенные книжечки с фотографиями, а через полминуты уже и следов не осталось от того, что кто-то сжевал три паспорта: Тошкин, Пашкин и Виктора. Неожиданный довесок. Скормить, что ли, обратно гремлину? Или придержать?

— Мама, я уже вообще ничего не понимаю, — вздохнул старший сын. — Мне все это точно не снится?

— Нет, это обыкновенный греmlin, вполне проявленный наяву, — я погладила Тошку по плечу. — Просто не все их могут видеть, только те, у кого есть определенные способности.

— А у меня есть?

— А у меня?! — почти хором спросили дети.

— Ну вы же мои сыновья. Раз я волшебница, значит, и у вас магия в крови. Только необученная и не разбуженная. Сами, без учителя, вы максимум греmlина проявленного разглядите. Так что подвиги пока отменяются, слышишь, Павел?

— Вот так всегда, надулся младшенький.

Но быстро утешился, тиская Гришу. Тому, в принципе, уже нравилось все происходящее, и он начал сам ластиться, подставляя вытянувшуюся и заострившуюся мордочку под поглаживания. Тошка, правда, пока поглядывал в его сторону несколько скептически. Его, кажется, что-то смущало.

— Мам, но ведь гремлины, помнишь, мы старый-старый фильм смотрели про них?

— По-моему, это был ужастик, а милые пушистые чудики из него превратились в чудовищ, которые все портили. Их еще ни в коем случае нельзя было поливать водой или что-то в этом роде. Они именно после этого зверели. Любое существо с голодухи может покусать и напакостить, я пожала плечами. А воду гремлины и правда не любят. Но не потому, что от нее звереют, а потому, что греmlin по сути энерго-информационная структура, которая перенимает свойства тех объектов, которыми питается. А поскольку больше всего в мире они любят всяческие механизмы и прочие изделия, произведенные разумными существами, потому что именно переработанная таким образом энергетическая матрица им вкуснее всего, то и свойства будут соответствующие.

— Э, — глубокомысленно сказал сын.

— Да все просто, Тош! Дикие гремлины на заре времен старались утащить у древнего охотника каменный скребок и сгрызть его в уголке. И сами становились на этот скребок похожи. Вода, к примеру, им была безразлична, камням же она не вредит. А вот когда люди развились в цивилизацию и стали делать сложные механизмы, все усложнилось. Вот если сейчас твой мобильник в воду уронить, что с ним станет?

— Крякнет, — уверенно сказал Тошка.

— Ну вот и греmlin. Не крякнет, конечно, но будет очень недоволен. Вполне может и озвереть, если его в ту воду силком запихивать. А в остальном, если его привязать, приручить и всему научить зверушка будет полезная, по дому, например, помогать.

— О-о-о! — хором сказали сыновья, с новым интересом уставившись на разомлевшего в Пашкиных руках Гришу.

— Ага, успели оценить новую мамину политику и объем домашней работы? Только раньше времени не радуйтесь: чтобы Гриша стал настоящим помощником, его сначала надо правильно научить. Ну вот как компьютерную игру, сначала ведь запрограммировать нужно. Вот и тут вам придется постараться и показать ему, как и что делается правильно. И не один раз показать.

— У-у-у-у-у!

— А вы как хотели? На хаяву даже чудес не бывает!

Глава 48

Поскольку драгоценный бывший муженек подложил нам свинью еще и со школой, вечером, загнав детей в кровати и смирившись с тем, что Гриша будет спать на Пашкиной подушке, иначе у обоих приключится истерика со слезами, мы с Шурой устроили совет.

«Ну, итоговые оценки им выставят, все контрольные и тесты уже были, вздыхала Александра. Но теперь надо думать, чем занять детей, пока я на работе. Наверняка Антон захочет доходить в свою секцию, а Паша полгода мечтал о выставке рисунков, где его работы будут висеть. Значит, надо выкраивать время из рабочего графика и думать, как это все совместить. Надеюсь, нас не уволят. Сейчас как никогда важно иметь работу и стабильную зарплату. Наверняка Виктор попытается оспорить размер алиментов и даже может попробовать оспорить проживание детей со мной. Ши, мне страшно».

«Не трусь. Я сама боюсь, — мрачно пошутила я. — Ну, не то чтобы боюсь, но разумно опасаясь. Именно поэтому, дорогая, нам надо обдумать и применить все меры предосторожности. В конце концов, даже магические, раз уж мы имеем такое преимущество, грех им не воспользоваться. Из дома этот хмырь болотный детей теперь не заберет, даже если явится с отрядом наемников на огнедышащем драконе. Просто потому, что дом теперь под защитой привязанного по всем правилам духа».

«Да что он может-то, этот мышколягушк? — не поверила Шура. — Удостоверения у судебных приставов сожрать в случае чего? Не сработает».

«У-у-у, это ты зря в нем сомневаешься, — моя ухмылочка, отразившаяся в выпуклом стеклянном боку электрического чайника, вышла кривоватой и оттого еще более многообещающей. — Это он с детьми маленький и нестрашный, даже забавный. Потому что я маг, они тоже маги, и дух привязан кровью, мы для него свои и вообще гарантии выживания. А для чужих, да еще пришедших с недобрыми намерениями немагов, он очень серьезный противник. Еще надо будет специально запрет на убийство ставить и членовредительство ограничивать легкой степенью. Иначе есть вероятность, что никто из агрессоров живым отсюда вообще не уйдет. Не знаю, что там за фильм Тошка поминал, только гремлины, раскормившийся до домашнего духа, очень опасное существо».

«Хорошо, значит, хотя бы дома мы в безопасности, — я прямо увидела мысленным взором, как Шура кивнула. — Но ведь нельзя же запереть мальчишек дома на все лето. У нас для них еще летний лагерь был запланирован. Для Тошки спортивный, для Павла просто отдохнуть, а теперь даже не знаю. Путевки Виктор вроде бы уже оплатил, но все реквизиты у него. Да и не отпущу я детей туда, откуда он запросто может их снова забрать».

«Слушай, ну они же у нас не идиоты. Во-первых, сами с ним больше так просто не уедут, во-вторых, хотя гремлины и чудеса прекрасно отвлекли их от истерики по поводу разочарования в папе, все равно что-то отложилось. И понять, насколько наше общее положение усложнилось, они вполне способны. Будут ходить первое время на работу в медцентр вместе с нами, а дальше разберемся. Придумаем что-нибудь. В конце концов, дрессировать гремлина очень интересное занятие, им минимум на пол-года хватит. Под его охраной можно даже выпускать их погулять недалеко от дома вполне справится с любым недоброжелателем или, например, не пустит прыгнуть под машину».

«Ну, — Шура опять вздохнула. — Уже что-то но все равно сложно все. Знаешь, парадокс. В последние дни из Виктора такое полезло, что у меня почти вся тоска по нему и по прежней жизни слиняла. Как глаза открылись и вот этого козла я любила? Что, не нашла нормального мужика? Вон их сколько вокруг, надо ж было самое дерьмо выбрать».

«Ой, вот только не начинай самадуравиниваться и угрызаться, — я поморщилась. — Прозрела отлично. Больше не будешь тосковать об этом мужчине и ждать, что он позовет обратно, еще лучше. Но грызть себя не надо. Ни у одного подонка на лбу печати нет. И ни один мужик в начале знакомства не скажет прямо: знаешь, дорогая, через пятнадцать лет я брошу тебя с детьми и буду вести себя как последний козел».

«Но звоночки-то были! Это просто я все старалась сгладить, где-то глаза закрыть, где-то свою вину найти».

«И? Тебя же всю жизнь учили именно этому! Женщина должна прощать, не обращать внимания, погода в доме, не пилить, не придирается, быть мудрой, быть уступчивой, послушной тьфу. Слушай, если слонограмона с рождения бить ногами и внушать ему, что он мышь, к взрослому возрасту он поверит. Все, завязывай нить и клюксить, чего было, того не вернешь. Теперь ты поумнела, значит, жизнь станет совсем другая. Надо думать об этом, а не прошлое вспоминать и жалеть о несбывшемся».

«Легко сказать. Ладно. Завтра с утра на работу. Надо снова вызвать сисадмина и заключить договор с его фирмой на постоянное обслуживание, надо опять же Полину Георгиевну уведомить, что ее пробный обед понравился и медцентр будет заказывать еду на постоянной основе, надо надо поискать еще одного гремлина в кладовке, потому что кто-то явно жрет туалетную бумагу и одноразовые перчатки!»

«Во! — засмеялась я, переходя к себе в спальню, падая на постель и откидываясь на подушку. — Это мне больше нравится, хотя, конечно, ужас-ужас. Но зато с оптимизмом и с устремлением в будущую жизнь. Вкрутить тебя на ночь в торшер?»

Вот последнее я, кажется, зря сказала как-то мы обе с Шурой резко вспомнили, что она уже и не имеет этой жизни по сути: она теперь лампочка. И обе мысленно сжались от боли. Не знаю, Шура за эти дни такая родная стала, ближе, чем младшая сестренка когда-то. Я ведь уехала из дома в скулис очень рано и потом виделась с семьей максимум два раза в году недолгое время, даже не все каникулы, а их часть. Нет, мы все равно любили друг друга! Но слишком разная была жизнь у пусть даже весьма обеспеченных горожан и у дипломированного боевого мага, каким я стала. А Шура... она такая близкая, понятная и не знаю, как объяснить.

Если бы я могла, я бы без колебаний вернула ей ее жизнь, хотя мне самой очень не хотелось бы уходить.

«Знаешь, а мы ведь еще не обсудили все те странности, что сегодня с нами происходили в аэропорту. Ведь временами ты явно перехватывала контроль и становилась собой. Что ты при этом чувствовала?»

«Я не помню толком, я так зла была, — тихонько ответила Шура. — Только потом усталость навалилась. Как... я не знаю даже, как объяснить. Словно я воздушный шарик, из которого выпустили весь воздух. Или батарейка, которую Гриша съел».

«Ох, не нравится мне все это. Что-то я такое читала или слышала? Нет, не могу сейчас вспомнить. Попробую утром. А то еще навспоминаю каких-нибудь ужасов, и тогда мы с тобой совсем не уснем».

Глава 49

Утро началось весело, пришлось будить мальчишек под громкие вопли: «Мама, ты что, у нас же каникулы!» Встали все только после бодрой синей молнии в район мягкого места и радостного визга Гриши, обнаружившего две пальчиковые батарейки на завтрак. После умывания и обещания чудес дети вылезли на кухню к завтраку вполне бодрые и веселые и стали вытрясать из меня душу на предмет того, что именно за волшебство будет твориться сегодня, чему мы научим нашего ручного гремлина, кто именно из сыновей будет этим заниматься (чуть не подрались за право показать Грише, как правильно мыть посуду!) и когда вообще я буду их самих учить настоящему волшебству. Приходилось отвечать сразу на сто вопросов одновременно, вылавливать гремлинов из раковины, из каши, из хлебницы, из от розетки оттаскивать. Этот маленький ухарь за ночь еще больше переродился и вел себя как жизнерадостный трехлетка.

Вроде я под Шуриным руководством неплохо справлялась. Иногда действуя совершенно на автомате она управление не перехватывала больше, но тело совершало привычные движения почти без моего сознательного контроля. Я была сосредоточена на том, чтобы вспомнить одну очень важную вещь. Эта мысль без конца крутилась в голове, задорно и нахально помахивая хвостиком перед мысленным взором, но когда мне уже казалось, что я вот-вот ее ухвачу, таяла и пропадала самым бессовестным манером.

Что-то было на лекции, еще на самом первом курсе высшего скулиса что-то об обмене душами, о двух сущностях в одном теле и... Тварья дупа! Не помню! Это была вводная лекция из курса некромантии, она у нас шла всего полгода, потом зачет, и все, этим видом магического искусства занимались только те, у кого направленность магии подходящая. А я тогда зазубрила основные постулаты, спихнула зачет и забыла как страшный сон, дура!

— Так, братья-магократы, вы позавтракали? Тогда бегом одеваться. Сегодня вы со мной до обеда на работе, а дальше разберемся. И не корчите мне тут жалобные морщины, можете взять с собой новые телефоны и мой ноутбук.

— И Гришу! — тут же поторопился внести свои условия Павел.

Гремлин счастливо взвизгнул и кинулся к нему обниматься, бросив недососанную батарейку. Антон только вздохнул. Он уже явственно ревновал к слишком тесной дружбе младшего брата и домашнего гремлинов. И слегка завидовал, судя по всему. Но, как большой, старался сдерживаться. Не всегда получалось.

«Обязательно посмотрим в кладовке, — согласилась я с Шурой. — Есть у меня подозрение, что с этим медцентром не все чисто в плане магии. Добрый доктор неПушкин про нее явно в курсе, гремлин у них бумагу для принтера жрал как не в себя а эти звери на пустом месте не заводятся. Кто знает, может, там и второй есть. Одна я двух духов привязанных не рискнула бы тянуть на собственном резерве, а втроем с мальчишками можно и попробовать. Иначе рано или поздно они Гришу пополам порвут. Антону тоже хочется такую необычную лягушку-мышку-друга».

«На месте разберемся, — отмахнулась Александра. — Сейчас шевелись быстрее, а то на работу опоздаем. Терпеть не могу опаздывать».

«Грозная какая, куда бы деться, — хмыкнула я, убирая в холодильник масло и сыр. — Чего бы тебе мужа своего со свекровью так не строить?»

«Не напоминай. Они и сами о себе забыть не дадут».

Не знаю, в какой момент бывшие родственники собирались нам о себе напомнить, но до рабочего места мы дошли без приключений. И не опоздали, потому что хозяйка-параноик Шурочка подняла нас на полчаса раньше нужного и в холл мы ввалились одними из первых, медцентр еще был закрыт для посетителей, и даже почти никого из врачей на рабочем месте еще не было. Всю дорогу уже не скрывавший обиды и зависти Антон едва позволил мне снять ветровку и убрать наши вещи в шкафчик, так и подпрыгивая рядом, как нетерпеливый мячик. Это я просто сдуру проговорила про возможность поискать второго гремлинов в недрах хозяйственных помещений, а Гриша тут же подтвердил, что там действительно кто-то есть. Но этот кто-то неправильный.

Дикий. Когда Гриша в ту часть кладовки сунулся, его побили. Хм, странно, обычно гремлины между собой не дерутся, даже наоборот. У них что-то вроде взаимной любви бывает. Просто они не гремляют рожают, а сливаются в одно существо побольше и помощнее.

— Тош, мы ведь договорились. Сначала я пойду одна и все проверю. Вдруг Грише показалось. Или это вообще не греmlin. Или это существо опасно. Бери планшет, садись на диван и поиграй, не дергай меня каждые тридцать секунд. Я сейчас быстро сделаю самые срочные дела и пойду проверю, что же там завелось.

Хм, интересно все же. Как быстро дети привыкли к чудесам. Мама-супергерой? Отлично. У нас завелся домашний дух? Еще лучше, дайте два. Я думала об этом, а сама машинально раскладывала по полкам в кладовой здешний хлам. Очень много упаковок с одноразовыми простынями, бахилами, повязками, перчатками стопки каких-то трубочек в прозрачных запечатанных мешках, Шура сказала, что это капельницы, и минут пять объясняла мне, как через них доставляется лекарство прямо в кровь. Восхитительная идея! Здешние люди даже до искусственной плазмы додумались, отроллить. Так, тут что? А, гель для «узи». Еще б знать, что за зверь, кормят его этим гелем, что ли? Шура захихикала, но ответить не успела у меня в кармане запищал телефон. Я локтем прижала к боку коробку с тюбиками геля и свободной рукой полезла в карман. Хм, ни имени, ни номера на экранчике но телефон старый, да и устаревший здесь это разные понятия. Может, так и надо?

— Да?

Тишина в ответ. Причем недоброжелательная какая-то тишина. Я пожала плечами, недоуменно посмотрела на трубку, отставив ее от уха, и сбросила вызов. Ерунда какая-то. Ну и тролль с ним, сейчас мы пересчитаем лучше еду для зверя узи и проверим срок годности в списке дел на ресепшене этот пункт у предыдущей работницы был обведен жирной красной чертой.

Я привстала на цыпочки и потянулась к верхней полке, чтобы достать оттуда вторую коробку, и в этот момент телефон снова заорал. И ладно бы он один! Откуда-то из самого темного угла заорал точно таким же противным голосом еще кто-то, с быстротой молнии мелькнул в воздухе, и в следующую секунду нечто вцепилось зубами в мой карман, рыча и повизгивая в попытках добраться до испускающего предсмертные вопли мобиля. Р-раз и карман халата повис драными лохмотьями, два и Хруп-хруп-хруп, сказал напоследок телефон, после того как замолк сигнал, и исчез в черной дыре с зубами.

Глава 50

Я даже взвизгнуть не успела, не то что шарахнуть тварюку магией. Эх, а еще боевой маг! Рассиропилась без тренировки, реакции к троллю. Но в этот раз они мне и не понадобились, потому что стоило мне заорать, как дверь в кладовку буквально вынесло, словно взрывной волной, мимо ураганом просвистел добрый доктор неПушкин, одним движением закинул меня к себе за спину и заорал на дыру с зубами:

— Фу! Фу, я сказал! Плюнь сейчас же!

— Ня-а-а! — грозно и упрямо ответила дыра, продолжая смачно чавкать остатками телефона. — Нью! Ня-ня-ня!

— Отроллеть, — сказала я из-за спины Александра, профильтровав не совсем цензурное высказывание Шуры, прозвучавшее у меня в голове. Я даже не догадывалась, что наша домохозяйка вообще такие слова знает!

— Извините, — покаянно произнес доктор, оборачиваясь ко мне и вздыхая. — Она терпеть не может определенные мелодии телефонов и всегда на них бросается, но людям никогда не вредит.

— Ага, не вредит, — я уже совсем успокоилась и теперь с интересом рассматривала то, что оказалось на другом хм конце зубастой пасти. — Только туалетную бумагу жрет без спроса и ошметки по углам раскидывает. Что это за пакость?

— Шама ты пакошь, — сказал мохнатый шарик на ножках, в который превратилась пасть. — Жачем жвенишь? Я ждешь шплю!

— Шура, простите, — Александр вздохнул, попытался развернуться, но сейчас, когда волна адреналина схлынула, в тесной кладовке это оказалось не так-то просто сделать. — Эта невоспитанная скотина вообще берега потеряла. Я ее выгоню на улицу проветриться, будет жить в грязном сыром подвале и питаться крысами! — последнюю фразу он сказал грозным голосом явно в расчете на бессовестную пасть.

— Ня-а-а-а! — обиженно взвыла мохнатушка и попятилась куда-то в самый темный угол за стеллаж.

А я наконец вспомнила, что это такое. С ума сойти! Барабашка! Ужасно редкое существо, выживший после насильственной гибели и разрушения дома домовый дух. Травмированное, а оттого довольно злобненькое и агрессивное существо, которое почти не приручается и вообще смахивает немного на сумасшедшего. Только сильный маг может такому мозги вправить. Но если у него получилось, более верного охранника не найти. Я устала на Александра, приподняв бровь с таким выражением лица, что дурак бы догадался, я жду объяснений и тролля лысого позволю сбежать без них. Тем более что я и так стою между добрым доктором и дверью кладовки, мимо моего пышного бюста ему просто не проскочить.

— Шур, я куплю вам новый телефон, — неПушкин все же попытался съехать с неудобной темы. — Любую модель по вашему выбору. Хотите, прямо сейчас пойдем и закажем в интернет-магазине?

— Хочу, — усмехнулась я. И тут же обломала его надежды: — Но не прямо сейчас. Успеется. Расскажите-ка мне, Александр Сергеевич, откуда вы вообще знаете о магии и откуда у вас в кладовке барабашки толпами?

А чтобы ему лучше думалось придвинулась к нему поближе. Меня вообще странное чувство охватило. Шура мысленно подсказала, как оно тут называется «дежавю».

— Ничего не толпами, — немного растерянно бормотнул добрый доктор, отступая на полшага и упираясь спиной в стеллаж. — Кхм, Александра? Что вы собираетесь делать?

— То, что вчера обещала, — я улыбнулась радостной улыбкой голодной рыбы-акулы, загнавшей в щель между рифами аппетитного тюленя. — Попытки и шантаж, помните?

— Э-э-э-э. Да-да.

— И ваш мобильникопрожорливый охранник вам не поможет, потому что, во-первых, я не собираюсь вам навредить, а во-вторых, будет вякать, я ему больше ни кусочка туалетной бумаги не куплю.

«Что ты с ним болтаешь, действуй давай!» — вдруг скомандовала Шура, и я опомниться не успела, как она перехватила контроль.

Ой-ей! Мама! В смысле, Шура! Ты, епть, я не это имела в виду! Кто из нас больше офигел, я или неПушкин, это еще два раза посмотреть, как говорят в одном южном приморском городе моего мира. Но целовать его мне понравилось. Понравилось, тролль все побери, потому что... потому что... я не знаю... мне показалось. Да, мне только показалось.

Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. А Шура, оторвавшись, наконец, от своей жертвы (жертва, в процессе весьма успешно перехватившая инициативу, отпустила меня... ее... тьфу ты! нас! далеко не сразу), отдышалась и скомандовала:

— Колитесь, Александр Сергеевич неПушкин. Кто вы, что вообще в этом вашем медцентре происходит и с какой крутой горы свалился к нам этот ваш бравый коллектив бывших военных. Да-да, и нечего моргать, выправку невооруженным взглядом видно. А еще у них у всех магические каналы развиты. Наводит, знаете ли, на определенные мысли.

«Шура! — ужаснулась я. — Какие каналы?! Где ты их ты не могла их видеть, я не переключалась на магическое зрение, оно у меня в этом теле еще недостаточно развито!»

«Знаю, — отмахнулась эта аферистка, столько времени притворявшаяся хозяйшккой-пайншкой. — Я блефую, не мешай!»

— Ничего-то от вас не скроешь, — то ли недовольным, то ли просто ворчливо-смущенным тоном выдал добрый доктор, но руки с моей талии убирать передумал. — Да, мы все бывшие военно-полевые хирурги, после отставки переучившиеся на другую специальность. Илья нас собрал в единую команду, мы вложили все, что у нас было, в этот медцентр. С пациентами проблем не будет, конечно, и местное население будем лечить, но основная масса придет из своих же, после военных госпиталей ну и все такое прочее. То оборудование, которое мы тут не можем поставить, есть у каждого в крупных клиниках и госпиталях, мы специально оттуда не увольнялись, оставшись на полставки.

— Все это очень интересно, но не объясняет ни магию, ни барабашек, — я склонила голову к плечу и прищурилась. Шура мысленно подбадривающе хмыкнула и чуть поменяла положение нашего общего тела, чтобы Александру было удобнее хм созерцать некоторые детали декольте.

— Вы ужасно упорная и въедливая, как военный прокурор, — осуждающе проговорил доктор, скосив глаза на полурасстегнувшуюся пуговку на моей рубашке. — Ну ладно так получилось черт! Я не должен об этом рассказывать!

— Да я-то все равно уже вас спалила. И будьте уверены, не побегу по городу распространять новость каждому встречному-поперечному. Вы сами сказали, что я «ваша женщина», а кроме того, я тут работаю! Как вы собираетесь дальше скрывать все эти аномальные явления?

Ишь ты, Шура уже умеет пользоваться моими интонациями, приправляет их своей убедительностью и вообще манипуляторша. Где, где все это было раньше?! Или это я такая молодец, разбудила в темном омуте кикимор, которые там водятся?

— Уф, не отвяжетесь ведь. Ладно. Слушайте. Все началось, когда...

Глава 51

Я затаила дыхание. Ну же, ну скажи. Да нет, этого не может быть. Он совсем не похож, и глупости это все.

«Ши, перестань, от твоих переживаний меня как будто током бьет! — мысленно пискнула Шурочка. — Слушай лучше!»

— Так вот, все началось, когда... — Александр опять сделал паузу и тяжело вздохнул, глядя на меня сверху вниз. — Когда военно-полевой госпиталь попал под обстрел в Афганистане. Это сложно объяснить. Мне порой кажется, что все мы там погибли на самом деле, а то, что произошло потом..

— Мама! — дверь кладовки распахнулась, и на пороге возник сначала один мой сын, потом второй, причем младший, разглядев мизансцену в полутьме, издал воинственный вопль и кинулся отпихивать от меня доброго доктора. — Отпусти маму! Гриша, кусь его!

— Ня-а-а! — грозно взревела в ответ забытая за важным разговором барабашка и вылетела из угла, снова раззявив черную дыру пасти.

Ответный визг выпрыгнувшего у мальчишки из-за пазухи гремлины был не менее громок и грозен, и через секунду клубок из дерущихся тварей покатился по кладовке, сбивая на пол стеллажи с упаковками лекарственных принадлежностей.

Отроллеть, зеленым хреном в печень быкозавра! — выдохнул доктор, и я вскинула на него глаза.

Я знала это ругательство. Я! Знала! А никто другой в этом мире его знать не мог!

Но события разворачивались так быстро, что времени на осознание и размышления у меня не осталось. Александр сделал резкий пасс рукой, и двух дерущихся тварек вздернуло в воздух, окатило неизвестно откуда взявшейся ледяной водой и разбросало по разным углам. Перепуганный Пашка, сам не ожидавший от своего выступления такого эффекта, уже пробрался ко мне среди рухнувшего на пол добра и обхватил за талию, спрятав лицо у меня на животе, а стоявший на пороге Антон только сложил руки на груди, глянул исподлобья на доктора, потом на меня, фыркнул, развернулся и собирался уже утопать с гордым видом, но зацепился взглядом за недовольно отряхивающуюся в своем углу барабашку и застыл.

— Это не гремлин, оно так просто не приручится, — торопливо постаралась я пресечь опасность.

Но тут же поняла, что опоздала. Почему-то именно зубы странной зверушки совершенно околдовали моего сына, и он пялился на недовольно порывающую и «някающую» барабашку глазами влюбленного подростка. Докторская питомица скоро это заметила, сначала несколько раз недоуменно подпрыгнула на месте, а потом вдруг засмушалась. Грязно-серая шерстка стала грязно-розовой, пасть захлопнулась, и на Тошку заморгали два огромных ярко-голубых глаза. Сын, как замороженный, присел на корточки и поманил страшилище:

— Кис-кис, иди сюда.

— Ня-а! — барабашка фыркнула, прямо как вредная девчонка, и демонстративно отвернулась, сложив передние лапки на груди.

— Квазиморда, не капризничай, — одернул ее доктор, который, гад такой, воспользовавшись суматохой и неразберихой, технично переставил меня с места на место, просквозил мимо и р-р-раз так! оказался на воле. — Помимо туалетной бумаги она очень любит шоколад и пуговицы. Первое можешь дать, если захочешь, а за вторым следи, чтобы не пооткусывала. Иногда увлекается и не может удержаться.

С этими словами добрый доктор подмигнул Тошке, подмигнул Пашке, уже оторвавшемуся от моего живота, чтобы поныть со своим драчливым гремлином. И мне подмигнул, паразит, заявив:

— В обеденный перерыв сходим купим вам новый мобильник. На проспекте неподалеку есть несколько салонов разных операторов, так что быстро управимся. Заодно и сим-карту восстановите, а пока мне надо к пациентам.

И смылся, свин, так ничего не рассказав! Не побегу же я с возмущенными воплями за ним по всему медцентру. Ну лад-но.

Мы еще поквитаемся, господин таинственность! За все ваши недомолвки и за все мои дежавю! Шура внутри меня только вздохнула. У нее никаких дежавю не было, ей просто вдруг понравился наш добрый доктор. И целоваться с ним понравилось. И вообще секреты секретами, но ощущалось в нем что-то такое, надежное. Не спрятаться, как за стеной, хватит, напряталась уже. Но стать плечом к плечу в уверенности, что не подведет и не предаст.

Хотя это не помешало ей ворчать, пока мы шли на свое рабочее место, чуть ли не за шиворот таща за собой старшего сына, который все никак не мог расстаться с зубастой красоткой из кладовки. Даже дуться забыл и изображать ревнивого стража маминой чести. А за Квазиморду готов был доктору простить даже покушение на оную, на честь материнскую, в смысле. Странное, кстати, имечко у зверушки. Шура мне рассказала, откуда оно взялось, даже проиграла в голове кусочек «мультика», а потом красивую песню из этой легенды. Но как по мне, так после объяснения еще страньше стало. Пашка, кстати, немного подулся, но потом увлекся тихими играми с Гришей под моим столом, где их никому не было видно, и расслаился привычным ясным солнышком. Антон же «страдал». Хотел барабашку. Но пришлось довольствоваться планшетом.

«Аксакал хренов, смылся и ничего толком не объяснил, — бухтела Шура, разбирая моими руками завалы в ящиках стола —. Телефон он мне купит в обед. Знает, гад, что в перерыв я детей одних не оставляю, значит, вместе пойдем. И при них я его запытать не смогу».

«Как ты его обозвала? — заинтересовалась я. — Что за аксы кусал?»

«Аксакал. Он про Афганистан начал рассказывать, я даже не сразу сообразила. Наша страна воевала там, но очень давно. Больше тридцати лет назад. Если он там побывал во время военных действий, то ему минимум пятьдесят лет. Нет, больше! Если он тогда был военно-полевой хирург, а не мальчишка-срочник, то и все шестьдесят. Что-то не похож он на пожилого гражданина».

«В шестьдесят уже пожилой?! — очень изумилась я, а потом вспомнила. А! Точно. Вы же в этом мире живете как бабочки-однодневки. Но ты теперь про это забудь. Мы маги. Для нас и тысяча лет не возраст. А шестьдесят по-хорошему ранняя-ранняя юность еще. Я уже молчу про тридцать с хвостиком».

Шура пару минут молчала, переваривая. Потом обернулась на детей и успокоилась: раз они тоже маги, то пережить сыновей нам не грозит. Ну и ладно.

«И все мужики в этом волшебном центре, получается, такие. Про каналы-то магические, заметила, не опроверг?»

«Опровергнешь тебя, королева шантажа и пыток! И блефа. Где только научилась? Не-не, я тобой прямо горжусь! А насчет парней...»

«Но Громовержец вон выглядит лет на сорок пять, правда цветущих мужских сорок пять. А Семен Абрамович на весь полтинник».

«Знаешь я подозреваю, что в этом вашем Афганистене они умудрились каким-то образом подцепить магию».

«Ага! — хихикнула Шура. — Хорошее выражение подцепить магию. Как грипп, что ли?»

«Не знаю, может, и как грипп, — тоже хихикнула я. — И все они остались примерно в том возрасте, в котором это случилось. Со временем, кстати, и при желании могут внешне помолодеть. Но, подозреваю, не очень хотят, это привлечет ненужное внимание».

«Да и так привлечет. Тридцать лет не стареть!»

«Ну, выкрутились, наверное, как-то. Погоди, мы еще заждем этого скользкого типа в уголок и пощупаем за что-нибудь. Ты только с поцелуями не увлекайся, а то я мысль теряю».

«Чья бы корова мычала! Тебе самой понравилось!»

«Ну я не спорю», — тут я вздохнула и прекратила разговор, уйдя в себя. Мне было о чем подумать. О невозможном.

Глава 52

— Мам, купи шоколадку! Ну ма-ам! Нет, лучше две, — Тошка ныл всю дорогу и уже весь мозг мне выполоскал своей новой зубастой любовью. Я уже согласна была ящик шоколада купить, только бы он перестал нудеть и вздыхать, как старый дед с глазами несчастного обиженного щеночка.

— А еще ей можно пуговиц купить! — с великодушным сочувствием подсказал младшенький, явно осознавший, что конкуренция за Гришу ему больше не угрожает.

Особенно если поспособствовать брату с приручением этой зубастой Квазиморды. О! старший сын даже остановился на тротуаре и снова уставился на меня умоляющими глазами. Я вздохнула. Мы только что вышли из салона связи, куда добрый доктор под ручку проконвоировал меня после коллективного обеда в комнате для отдыха. Естественно, на глазах у остальных «аксакалов» я его никуда зажать не могла, пришлось отложить вопросы до лучших времен. И по дороге при детях, как я и думала, припереть к стенке тоже не получилось. Ну ладно, хоть мобильник нормальный выбрали. Шура перехватила командование, предъявила паспорт и живо восстановила какие-то там настройки, программы и номера. А также еще что-то бормотала про отслеживание детей по мобильникам вроде муж когда-то эту функцию подключил и пароль до сих пор не сменил, надо будет самой заняться. Но потом. Вот сейчас добрый доктор остался в салоне ему надо было еще какие-то свои дела сделать, а нас попросил подождать.

Я не стала задерживаться в душном помещении и вывела мальчишек на крыльцо.

— Мам! Смотри, там через дорогу подходящий магазин! Шоколадки там точно есть, а может, и пуговицы! — выдал между тем старшенький. — Можно я сбегаю? Ну можно? Я быстро! Пока Александр Сергеевич выйдет, я уже вернусь!

— Нет, один ты не пойдешь, тут же включила паранойю Шура, — и я ее поддержала. — Только вместе, ладно. Пойдемте сходим, я хочу пить, заодно и минералку купим.

Думаю, доктор догадается позвонить, если закончит свои дела раньше, чем мы вернемся. Оба два братца-троллика радостно заорали и запрыгали, Пашка начал верещать, что Грише тоже нужна вкусняшка, купим ему батарейку. Купим же, ма-ам? Гриша у него за пазухой тоже умильно мяукал, Тошка на радостях что-то тараторил мне в другое ухо, а я в это время внимательно оглядывалась по сторонам. Не нравятся мне здешние железные кони, не нравятся, и все! Носятся как оглашенные, на дикой скорости. Да, правила дорожного движения существуют, но правила на то и правила, что всегда найдется тот, кто их нарушает. Однако когда мы подошли к пешеходному переходу и я нажала кнопку на светофоре, чтобы загорелся зеленый свет, дорога была относительно пуста. Только где-то шагах в пятидесяти у обочины стояла какая-то обшарпанная колымага, но вроде она никуда не собиралась ехать. Я покрепче взяла детей за руки и еще подумала, что для меня каждый раз эти их пешеходные переходы стресс и ощущение нарастающей опасности. И ступила с тротуара на дорогу.

Мы уже дошли почти до половины перехода, когда напряжение в моей душе вдруг взорвалось вулканом, чувство опасности взвыло сигнальной магической сиреной, душа провалилась куда-то в бездну. Я в ту же секунду поняла, что я дура последняя и что мое нежелание переходить дорогу было не тупым страхом перед машинами, а предупреждением интуиции, которую я, идиотка, проигнорировала! Причем я даже не поняла, с какой стороны опасность, пока резкий визг колес не заставил меня обернуться. Тот самый драндулет, что стоял спокойно у обочины, вдруг рванул с места, набирая скорость так, что следы на дороге дымились, и несся в нашу сторону не сворачивая. Все так быстро происходило, и в то же время мне казалось, что я вижу один из тех фильмов, которые Шура показывала мне на своем ноутбуке.

Причем фильм этот двигался рывками, это, кажется, называется «покадрово». Сама не знаю, когда я успела все это подумать и вспомнить, потому что бесконечно долгое мгновение ужаса пронеслось с невероятной скоростью, меня оглушил дикий, звериный какой-то вой Шуры, железная смерть летела на нас, и увернуться было уже не успеть. Единственное, что я смогла, это с отчаянным криком отшвырнуть обоих сыновей с пути взбесившейся железной коробки.

Так отшвырнуть, что их разбросало в разные стороны явно не только силой моих рук, но еще и магией. А вот сама я никуда отпрыгнуть уже не успевала. В ушах звенело от крика, моего, Шурино и детского, от визга шин и бешеного биения крови в жилах, но я отчетливо понимала все. Даже если рвануть в сторону не успею, потому что бампер автомобиля словно нарочно выцеливает меня, ищет, чтобы убить. И весь свой невеликий магический резерв я уже выжгла, спасая сыновей.

Время словно заморозилось, я чувствовала, как медленно-медленно тянется бесконечность между двумя ударами сердца. И вдруг эта растянутая бесконечность лопнула с оглушительным хлопком!

Сначала я в ужасе подумала все, это в меня врезалась машина. Но нет, в следующую секунду оказалось, что автомобиль пронесся где-то внизу. А я лечу. Быстро лечу сквозь невыразимую какофонию каких-то гудков и скрежета. Я даже успела повернуть голову и увидеть выскочившего на крыльцо Александра. Он, с искаженным от напряжения лицом, стоял на крыльце, вытянув в мою сторону руки, и да это же магия! Его магия выдернула меня из-под колес и несет несет в сторону! А дети?! Целы?! Кажется но где?! Наверное, я оказалась слишком тяжелой, и он меня не удержал. А может, его силы исчерпал щит, который, как я теперь поняла, он грохнул между мной и несущимся автомобилем. Но мой полет кончился не слишком хорошо.

Закрутило, завертело, ударило обо что-то твердое и колючее, и я со всего размаху упала на тротуар, покотившись по нему, как сбитая шаром кегля, обдирая руки и лицо о шершавый асфальт. Едва справившись с падением, восстановив выбитое ударом дыхание и не обращая внимания на кровь и ссадины, не чувствуя боли, я вскочила и кинулась обратно к дороге.

— Тошка! Павел!

Старший сын обнаружился у кромки тротуара, целый и невредимый, но белый как мел и с расширенными от ужаса глазами. Младшего я, как оказалось, откинула на противоположную сторону проезжей части, и теперь он сам бежал оттуда мне навстречу, заливаясь беззвучным слезами.

Живые оба, господа, живые. Лихорадочно ощупывая детей с головы до ног, я даже не сразу сообразила оглянуться на Александра как там спаситель? Но он сам возник рядом, и я только мельком удивилась, почему его лицо тоже залито алым. А, от перенапряжения кровь носом пошла. Бывает у магов, разом выплеснувших резерв на непосильное заклинание. Но тоже живой Автомобиль-убийца между тем проскочил дальше по дороге, но далеко не уехал. Вот откуда был этот грохот и вой машина врезалась в бетонный столб. Туда ей и дорога. А тому, кто управлял этой адской колесницей, еще дальше!

Надеюсь, этот кто-то не сдох, потому что я сама его убью!

— Мама, мама! — младший сын вцепился в меня мертвой хваткой, старшего я сама обняла и ни за что не хотела отпускать, нас всех троих колотило и трясло нет, четверых.

Добрый доктор тоже не слишком хорошо выглядит, и его потряхивает. Но все вроде живы. Все живы да, Шур?

Шура?! Я в ужасе опустила глаза на свой нагрудный карман, в котором уже привычно носила свою ненаглядную Лампу, и увидела, как оттуда мелкой крошкой сыплются пластиковые обломки.

Глава 53

— Шура! Шура! — я кричала в темноту до хрипоты.

Было очень страшно, но не за себя. Сама не знаю, как я очутилась в этом жутком месте, где не было ни верха, ни низа, ни света, ни тени. Расстояния и времени тоже не было. Шура! я почти сорвала голос, который, как ни странно, у меня все же был. А еще был холод и ощущение жуткого одиночества.

— Не кричи так, Ши, — вдруг сказали прямо у меня за спиной, и я резко развернулась, хотя сама не поняла, как я сделала это, висая в пустоте.

— Шура! Слава богам!

Молодая и очень красивая женщина с толстой русой косой на пышной груди грустно улыбнулась мне и склонила голову к плечу:

— Какая ты все же шумная, кошмар. Ты так разоралась, что мне даже пришлось вернуться иначе ты бы полвселенной на уши подняла.

— Ну и хорошо, ну и правильно! — я шагнула к ней, стремясь схватить за руку, притянуть, обнять.

Только тут я поняла, что у меня тоже есть тело, но не Шурино, а мое собственное, из прежнего мира.

— Ты такая красивая, — сказала Александра, отступая на полшага и грустно улыбаясь. — Я примерно так себе тебя и представляла. А еще я всегда сама хотела быть такой: решительной, быстрой, сильной. Уверенной в себе. Чтобы все испытания по плечу и ничего не страшно.

— Да кто тебе глупости такие сказал не страшно?! — поразила я. — Еще как страшно! Точно как и тебе. Но ведь ты и сама научилась перешагивать через страх и действовать! Ничуть не хуже меня. А вот быть такой мамой и такой доброй, спокойной, теплой это то, чего всегда хотелось мне и чего я не умею.

— Без тебя я бы никогда не стала ни сильной, ни смелой, — покачала головой Шурочка. — Это я твоей силой сильная, а сама по себе клуша. Поэтому все справедливо. Ты останешься жить и позаботишься о моих... наших детях, а я уйду туда, куда должна была отправиться уже давно. А у вас все будет хорошо, с мальчишками и добрым доктором. Видела, как он кинулся? Как смотрит на тебя?

— Да не на меня! Дура! — я от страха, что Александра сейчас уйдет, потеряла терпение и способность разговаривать спокойно. — На тебя он смотрит! На тебя! Это же твоя жизнь! Твои дети! Как ты можешь опять просто взять и сдать?! Оставить их?!

— А кто меня спрашивает? — Шура не рассердилась. — Ты не поняла еще? Я просто не могу остаться. Не может быть две души в одном теле, это разрушает его. Помнишь тот зачет по прикладной некромантии и серую книжицу с чернильной кляксой на обложке, которая лежала на столе у преподавателя? И еще открыта была как раз на странице с описанием?

— Но найдем тебе другую лампочку, придумаем что-нибудь! — не хотела сдаваться я. — Время-то есть, не сразу же тело разрушится!

Я вспомнила! И дурацкий зачет, и дурацкое пособие. Вспомнила! И не собиралась отступать.

— Глупенькая, ты так и не поняла? Не была я ни в какой лампе. Это просто иллюзия, самовнушение, какой-то странный финт разума. Я с самого начала была с тобой в одном теле. Иначе как бы мы слышали мысли друг друга? Как бы я из лампы вдруг перехватывала контроль над телом?

— Но тогда же еще лучше! К троллям лампочку, мы что-нибудь другое придумаем.

— Нет, Шивон. Времени не осталось, — Шура грустно покачала головой, и на ее глаза

навернулись слезы. — Понимаешь, ведь я сама отказалась от своей жизни, когда позвала тебя. Так что она теперь твоя.

А я вдруг почувствовала, как она ужасно не хочет уходить и из последних сил старается мне этого не показывать. Как ей горько и страшно, как она уже скучает по своим мальчишкам и, вот странность, по этому непонятно откуда взявшемуся незнакомому мужчине, умеющему молча подставить плечо и не требовать ничего взамен. Это была ее жизнь. Хорошая, плохая, всякая. Она ее прожила и выстрадала, она сама научилась справляться с трудностями, а я... Хорошо со стороны указывать, что все проблемы пустяки! Легко рубить с плеча, если это вроде как не совсем твоя жизнь. Поучать чужую слабость тоже труда не представляет, как и чести. Очень просто сказать ой, да она сама дура, сама виновата, что слабая! Сама отказалась! Сама хотела уйти!

Так чего теперь?! Легко, да даже близкому человеку в запале такое можно ляпнуть, а уж чужому так и вовсе слова сами на язык просятся, греют самолюбие, утешают страхи я не такая, я вот бы не позволила так с собой, да я бы со мной такого не случится! Меня не предадут близкие, я не останусь сломленная и одинокая в тяжелой ситуации. Слова-заклинания. Обвинить того, с кем беда случилась, чтобы уверить самое себя: я в безопасности, я же не такая, это она дура.

М-да только это так не работает. Слабость и беда может случиться с каждым никто не совершенен. И я не имею права из-за минутного Шуриного отчаяния, в котором она пожелала исчезнуть из своего тела, отнимать у нее жизнь. Это не честно, это гадство и свинство, а еще... А еще я успела ее полюбить, эту дуручку из другого мира, такую похожую на меня в своем самопожертвовании и такую другую! В чем-то слабую, в чем-то сильную. Живую. Полюбить как сестру, родную и близкую. Никогда и ни с кем мы еще так не понимали друг друга с полуслова, с полумысли! И разве теперь я смогу забрать ее тело, просто чтобы выжить и не бояться темноты?!

— Шура, стой! — я все же была лучше нее тренирована, быстрее двигалась, даже в этом странном месте, поэтому мой рывок оказался для нее неожиданностью и я все же успела поймать дурынду за руку. — Не смей мне тут, слышишь?! Ты права не имеешь вообще! У тебя дети! Им, кроме защиты, еще и мама нужна, настоящая, понятно?! Так что бегом пошла на место и не вякай даже!

Я нарочно почти грубила и почти орала, в надежде, что мягкая, спокойная Шура в последний раз спасует перед таким напором, уступит, стусуется и... Ага, не тут-то было. Она так рванулась из моих рук, что я даже вскрикнула от неожиданности. Но не отпустила.

— Дура! — дожили, теперь она меня обзывает. — Ты не поняла, что ли?! Кто-то из нас умрет! И я не хочу, чтобы это ты была, понимаешь?! Живи! Будь счастливой за двоих! Ты сможешь, и ты заслужила, а я сама, сама выбрала! Сама и буду отвечать!

— Так и я сама выбрала, — ко мне вдруг пришло спокойствие, Шуриных рук я не выпустила, но дергать и трясти ее перестала, просто смотрела ей в лицо и улыбалась. — Там, дома. В моем мире. Я сама выбрала уйти, чтобы те, кто остался, не пострадали. Так что все правильно. Я свою жизнь прожила и ни о чем не жалею. А ты не имеешь права сдаваться и бросать свою. У тебя еще есть обязательства. Ты должна все наладить и все исправить сама. Вырастить детей. Найти себя, реализоваться в том, что тебе действительно нравится. Полюбить по-настоящему, а не как этого жаба-кровопийцу. Получить ответную любовь. Это твоя жизнь, Шура. Твои уроки. Ты не имеешь права перекладывать ее на чужие плечи.

Это я прямо по наитию нужные слова нашла! Не уговаривать Шуру забрать жизнь как приз и подарок, а представить это как ее обязательства. Все же она слишком правильная девочка. Она заколебалась И этого мгновения мне хватило, чтобы, крутнувшись на одной ноге, рывком затащить ее на тот пяточок стабильности, где я до этого висела, а самой, оттолкнувшись, упасть во тьму.

Глава 54

— Да хрен я тебя отпущу, идиотка ненормальная!!! Не смей!

+Это Шура так орет?! Еще и ругается м-м-м примерно как полковой старшина на новобранцев-первокурсников. Что она делает, дура?! Нет, а кто она после этого? Взяла и сиганула вслед за мной, вцепилась как в родную маму, чуть не задушила. Летит вместе со мной, зажмурилась и орет в голос. Ее лицо близко-близко, и я вижу, как оно начинает таять, становиться все прозрачнее, словно Шура превращается в призрак.

Но меня это уже не пугает, потому что я тоже становлюсь словно бы легче и воздушнее с каждым мгновением, и я откуда-то вдруг знаю, что сейчас самое главное крепко-крепко прижаться к своей нечаянной подруге-сестре и ни за что ее не отпускать. Вот сейчас сейчас!

Нас дернуло и рвануло, кидая из стороны в сторону, словно мы прыгнули со скалы на магической лиане-тянучке, привязав ее за ноги, есть такое развлечение у юных магов-экстремалов. Шура завизжала, я тоже не смогла молчать, но мы обе цеплялись друг за друга из последних сил, хотя неведомые силы швыряли нами, как кеглями, и с неожиданной силой пытались оторвать одну душу от другой. Главное, мы, кажется, уже сами не понимали, за каким троллем впились одна в другую, в голове осталась только одна мысль нельзя отпускать! Нельзя разделяться!

С Шурой мы уже орали хором, так, что наш крик сливался в один. Как еще голос не сорвали, и вдруг все прекратилось. Вот раз! И нету падения, нету темноты. И криков нету. И Шуры?! А я сама нахожусь неизвестно где, и это самое неизвестно где ругается страшными словами таким знакомым-знакомым мужским голосом, я его слышала столько раз давно-давно, уже почти забыла. И совсем недавно! Два голоса и два образа наслаивались один на другой, заставляя меня теряться в догадках и надеждах.

— Ну нет уж, хватит с меня! — яростно прошипели мне в лицо, и сильные руки выхватили из пустоты, стиснули, встряхнули. — Один раз я тебя отпустил и потерял, больше никогда! Что за идиотская привычка к самопожертвованию?!

Я распахнула глаза и судорожно вздохнула, глотая прохладный воздух как куски льда, с трудом и усилием. Зрение отказывало, все двоилось и троилось, плавая в мутном тумане. Но голос. Голос! И руки! Такие знакомые.

— Я больше тридцати лет думал, что потерял тебя, несносная девчонка! Больше тридцати лет каждый день винил себя в том, что случилось! Клял себя за то, что поверил клевете и не поверил в тебя и снова не узнал! Почувствовал, но опять не поверил этим чувствам. Прости, прости. Шивон! Открой глаза!

Какое там открой! Они у меня не просто раскрылись распахнулись и вытаращились! Потому что я тоже не верю ни собственным ушам, ни глазам этим, которые все равно ни тварьей дупы нормально разглядеть не могут! Но... но Кейдан?! В ответ меня стиснули так, что дыхание перехватило, и поцеловали. И еще раз поцеловали. И еще осыпали поцелуями лицо и руки, волосы, плечи. Я верила и не верила, таяла и плавилась в этих руках и никак не могла сообразить на каком я свете? Задыхаясь и отвечая на поцелуи, чувствуя, как по щекам слезы текут ручьями, я перестала задавать вопросы, потом, все потом. Живая я или нет, здесь я или там какая разница?! Я ведь даже не надеялась на эту встречу. Я даже думать и вспоминать себе запрещала. А сейчас, да катись оно все под гору огненными колесами! Кейдан! Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я отрыдалась, прежде чем утихли наши яростно лихорадочные поцелуи и объятия до боли. Но муть в глазах наконец рассеялась, я повернулась в руках своего любимого мужчины и напряженно уставилась ему в лицо.

— Ну что? — забеспокоился добрый доктор, знакомым-знакомым таким движением спрятав глаза за пушистыми, всем девчонкам на зависть, ресницами. — Ну, не похорошел, да, не лорд. Но если захочешь, я подкорректирую внешность, чтобы стать больше похожим на прежнего.

— Кей? Что за чушь ты несешь? — искренне удивилась я. — Какая разница, как ты выглядишь, если это ты?! Я ведь... я ведь даже не надеялась! Я себе даже думать об этом

запрещала! Слишком больно.

— Ну вот, опять слезы. Ши, перестань у тебя обезвоживание наступит, хотя я даже не знаю, возможно ли это там, где мы сейчас.

— А где мы? — я поспешно вытерла слезы о его рубашку и попыталась выпрямиться, что было не так просто сделать, сидя у него на коленях. — И кто я?!

— Здравствуйте, приехали порталом, — добрый доктор снова повторил до боли знакомый мне жест, насмешливо приподняв одну бровь. — Да все там же, куда ты по собственной дурости второй раз попыталась самоубиться, в межмирьи. На Земле это место еще называют Порогом или Зазеркальем.

— А Шура?! — у меня заглодело сердце от боли и раскаяния.

Ведь если Кейдан в теле Александра, значит я в теле Шуры, а она сама... а я тут радуюсь, объятия-поцелуи, счастье фонтаном! Но ведь это все не мое, это все должно принадлежать...

— А ну прекрати сейчас же! — Кей резко встряхнул меня несколько раз. — Шивон! Глупая девчонка! Ты не поняла еще?! Ну-ка быстро вспомни, каким цветом была покрашена стена, возле которой стояла твоя кровать на первом курсе?

— Зеленым, — машинально ответила я, совершенно сбита с толку.

— А теперь быстро: как звали кошку Анны Марковны из третьего подъезда?

— Липка, а полностью Липосакция. Очень тощая была, за то и прозвали, — все так же без раздумий выдала я. И замолчала, пораженная.

— Ну, поняла, наконец? — Александр Сергеевич улыбнулся мне знакомой Кейдановской улыбкой. — Нет? Вот дуреха. Не было никаких двух душ. Всегда была ты одна, просто в разных воплощениях. Здесь это называется в разных реинкарнациях. Ты позвала на помощь и сама притянула свой опыт из другого мира и другой жизни, уж не знаю, из прошлого или из будущего. Наверное, все же из будущего, из того времени, где ты научилась быть не только сильной, но и вредной девчонкой. Ну же, Шивон! Шура! Ну осознавай быстрее! Это. Все. Была. Ты! С самого начала!

— Но погоди, — я все никак не могла прийти в себя и осознать. — Погоди, но Шура же... а я... да мы совсем не похожи!

— У таких ненормальных, как ты, и раздвоение личности необычное, — вопреки насмешливым словам, Кей прижал меня к себе с невыразимой нежностью и снова поцеловал. — Не похожи, как же. Все отдать, лишь бы другим было хорошо. Если бы ты, дуреха благородная в двух лицах, не пыталась спасти «ту, вторую», одна часть памяти просто исчезла бы и осталась бы только та часть, что помнит опыт Шивон. Или Шуры. Но ты же упертая, как не знаю кто! Ты так цеплялась за вторую половину опыта, что две части слились воедино.

«Шур? Шура».

«Да здесь я только я теперь ты. Так странно. И забавно. Мне нравится».

«Полный дурдом. Я тоже теперь ты и знаю заранее, что ты ответишь. Я теперь так и буду беседовать сама с собой?»

«Ну можешь не беседовать, можешь спеть сама с собой или станцевать. С тебя станется».

«Эй, это я тут ехидина всегда была, а ты добрая и милая!»

«Ну, упс, как бы. Считаю, что ты-я испортила меня».

«А-а-а-а!»

«Ой, да ладно. Главное, все живы!»

— Я все равно ничего не понимаю, — вышло жалобно и почти по-детски. — Кей, а дальше-то что?

Глава 55

— А дальше будем выбирать. Один раз я уже вышел отсюда и отряд свой вывел. Кстати, парни будут рады тебе, хотя им до сих пор стыдно за то, ну когда все поверили в твое предательство.

— Погоди, но как вы здесь оказались? Ведь ты разбил зеркало, и та тварь, я думала, я надеялась, что она разрушилась, не успев причинить вреда.

— Так и было, — Кейдан прижал меня к себе и поцеловал в висок, но я вдруг поняла, что это он прячется от меня. В смысле ему до сих пор стыдно и больно за тот случай, и то, как он меня потерял, долго-долго жгло и разъедало его душу изнутри чувством вины. — Ты, как всегда, выбрала спасать других, а не себя. Ты была такая всегда, а я не знаю, не знаю, почему я об этом забыл! Наверное, ревность и глупая детская обида, что «выбрала» все же не меня, застили разум. Повелся как мальчишка, как последний идиот. И потерял тебя.

— Но я же здесь! — извернувшись в его руках, я погладила своего мужчину по щеке, тронула уголок губ.

Мне хотелось передать ему всю ту нежность и радость, что я сейчас чувствовала. Показать, что да тролль с ним, с прошлым, было там, не было чего! Он же нашелся! Он же нашел меня! Это же главное! Ерунда все остальное!

— Не надо себя грузить, а то я по-омню, как ты это умеешь! Сейчас загрузишься и будешь год страдать, как неправильно поступил. К троллям!

И шутливо ткнула его кулаком в плечо, приводя в чувство. Кей дернулся, действительно словно очнулся, моргнул, посмотрел на меня и опять обнял, прижимая к себе и целуя. Ну вот так мне нравится. Вот так правильно.

— Знаешь, — сказал он некоторое время спустя, — я хочу показать тебе, как все было. Мне стыдно, страшно и больно об этом вспоминать, но я должен. Не знаю. Чтобы быть уверенным, и...

— Ох уж эта твоя болезненная честность, — я поморщилась и вздохнула. — Не успокойсь ведь, пока душу до дна не выплеснешь, да? Смотри, какой я дурак, вдруг разлюбишь? Нет, и не надейся! Показывай давай мне даже немножко любопытно, как все было со стороны, а еще хочется одним глазком заглянуть в ту жизнь. Попрощаться, понимаешь?

Кей кивнул.

— Мнемоскан будешь использовать? А в этом теле у тебя энергоструктура достаточно развита?

— Нет еще, но здесь тела и нет, это же межмирье. А душа, которая уже один раз чему-то научилась, этого никогда не забудет. Готова к экскурсии в прошлое? Тогда смотри.

Замок Эрдвейен рушился. Падали узорные угловые башни, медленно и беззвучно сминая каменное кружево в песок и щебень, проседала мощная защитная стена внешних укреплений. Оттого, что магический полог глушил все звуки этого эпического действия, было как-то особенно жутко. Одинокий шпиль белой стрелы, вызывающе торчавший в небо посреди этого каменного хаоса, гордый и нерушимый, только подчеркивал картину общей катастрофы.

— Всех взяли? — отрывисто спросил Кейдан у одного из стоящих рядом мужчин, снимая тяжелый рунный шлем и пристраивая его на пирамиду из боевых барабанов, еще пятнадцать долей назад задававших ритм стенобитному заклинанию.

— Если ты про предательницу, то она вон там, вместе со своим любовником, — фыркнул Фарис, отстегивая закопченный латный нагрудник со следами прямых магических попаданий и мотнув головой куда-то влево, где среди остатков первой сгоревшей осадной магомашины была заметна какая-то возня.

— Я не знаю, что случилось с ее мозгами, впрочем, там явно не все в порядке было еще в тот момент, когда она решила предать нас и променять тебя на это ничтожество. Но теперь эта женщина явно рехнулась окончательно, — через пару минут молчания снова заговорил Фарис, заметив, как напряженно друг и командир вглядывается в мельтешение людей с обломков. — Мало того, что шипит на всех прежних друзей, как драная кошка, еще и таскает за собой здоровенное зеркало, в которое на себя прямо налюбоваться не может. Демоны, я не понимаю, как нормальная боевая магичка, классная баба и отличный друг, которой мы все доверяли, могла превратиться вот в это. И на ментальное проклятье или приворот не спишешь ведь, с этим ее феноменальным иммунитетом. Так что это она сама так изменилась под влиянием «чуйств»!

Мужчина скривился и сплюнул в сторону. Потом сочувственно покосился на Кейдана и вздохнул. Сам Кейдан, третий герцог Грочестер, только зло прищурился, потом расстегнул и сбросил на землю слегка опаленный плащ со вшитыми в подкладку рунными бронецепочками и решительно зашагал с холма вниз, туда, где среди деревянных обломков и каменной пыли под присмотром четвертой сотни герцогских энтарionoв сидели на земле и на телегах пленные. Новая леди Эрдвейен сидела на разбитой телеге и куталась в кусок ткани, больше всего похожий на сорванную штору.

Ее муж, Райно Эрдвейен, обнимал ее за плечи и смотрел на суету вокруг телеги с кривоватой презрительной усмешкой на красиво очерченных губах. Потом он заметил Кейдана, и усмешка стала злой.

Лорд выпрямился и демонстративно обнял за плечи жену, собственническим жестом притягивая ее к себе. Он словно еще раз хотел показать, что, даже захватив крепость, тот все равно проиграл другую битву и Шивон принадлежит другому мужчине. Женщина тоже обернулась, и Кейдан почувствовал, как сводит у него плечи под этим взглядом, столько в нем было непривычной злобы и презрения.

Ну конечно больше всего мы ненавидим тех, кого предали. Стараясь не показать, насколько эта картинка резанула по живому и убила последнюю, иррациональную и неправильную надежду, герцог чуть сжал зубы и холодно глянул на проигравших. По закону о магических войнах и сохранении крови теперь все земли и источники графства принадлежат победителю, но при этом он обязан был отпустить прежних владельцев и всех, кого они захотят забрать с собой. И позволить им увезти все, что поместится на уцелевшие телеги.

Кое-какой скарб верные слуги уже собрали, наверняка и драгоценности, зашитые в полы одежды, у бывшего правителя имеются. С голоду не умрут, и Шивон сможет по-прежнему вести жизнь высокородной дамы. О которой никогда не мечтала, пока не решила вдруг, что все же любит Райно и не бросила ради него Кейдана, унеся заодно планы крепости Росшерхард и все защитные артефакты со стен. Все же она была сильной и умелой магичкой, ей хватило сил деактивировать и украсть самые мощные. А сейчас бывшая возлюбленная золотого герцога смотрела на него взглядом готовой укусить ядовитой змеи и до побелевших пальцев цеплялась за резную раму большого старинного зеркала, лежавшего рядом с ней в телеге. Стекло было затянато какой-то полупрозрачной тряпкой, и Кейдан не обратил бы на это никакого внимания, если бы его бывшая возлюбленная поменьше нервничала. Ну в самом деле тут замок рухнул, а она вцепилась в какую-то ерунду. Странно.

Шивон вообще выглядела странно. Это была она, сомнений нет, Кейдан, даже не напрягая истинного зрения, видел ментальный отпечаток в ауре, его не подделать. И она была в своем уме, не под воздействием, не под проклятием, Фарис прав. Но она... За все время, прошедшее с ее неожиданного предательства и побега, герцог не видел Шивон вблизи. Только издали, только мельком, на приеме у короля и потом в храме, где она венчалась с Райно. Ему тогда не дали приблизиться, да и сама женщина явно его избегала. И он не мог заметить ничего странного, а сейчас стоял и хмурился, не понимая, что его так беспокоит, и почему веселая, честная, сильная и открытая Шивон так изменилась. Почему он не видит больше женщины, которую любил больше жизни, а видит совершенно незнакомое существо? Существо? Кейдан резко втянул воздух сквозь стиснутые зубы и обернулся:

— Патрика ко мне! Бегом!

Шивон на телеге что-то злобно зашипела, но резко побледневший Райно быстро прижал

ее к себе и что-то сказал на ухо, продолжая сверлить презрительно высокомерным взглядом проигравшего соперника.

— Мой лорд? — штатный маг-следователь герцога подошел своим неслышным шагом и остановился в паре мер от своего командира, вопросительно глядя на него. Потом, повинуясь едва заметному движению бровей, пристально всмотрелся в Шивон.

Нахмурился, словно что-то вспоминая, потом резко вскинулся и побледнел:

— Лорд! Прикажите поднять зеркало!

Шивон зашипела, и Кейдан с ужасом понял, что она теряет человеческий облик, превращаясь во что-то странное. И это странное рвется из рук побледневшего Райно, так рвется, что тот ее еле удерживает, не обращая внимания на кровавые полосы, которые она оставляет на его теле ногтями. Или когтями?! Почему ему почудился зеркально-стеклянный взблеск, когда она взмахнула рукой?

На помощь бывшему господину Эрдвейена уже кинулись стражники и воины с ближайшего поста, Шивон скрутили, и двое мужчин подняли и поставили на землю рядом с телегой то самое зеркало. Кейдан подошел к нему, внутренне все еще недоумевая и вопросительно оглядываясь на Патрика, настороженно застывшего рядом. Нахмурился и сорвал прикрывавшую стекло вуаль. И замер. Там, в зеркальной глубине, была его Шивон. Не отражение, не картинка, а настоящая Шивон.

Пленница она с такой надеждой кинулась к разделяющей их стеклянной грани, с такой радостью. С такой верой, что он все понял и пришел за ней, что он не поверил клевете и колдовской обманке. Кейдану показалось, что из-под ног вдруг выдернули землю.

Глава 56

— Разбей зеркало! Если хочешь спасти меня, бей!

Он поверил и опять ошибся. Он должен был лучше знать свою Шивон. Знать и помнить, что она всегда прежде всего думает о других, а тем более о тех, кто ей близок и дорог. Кейдан понял весь ужас своей ошибки, когда зеркальный монстр за спиной взвыл и рассыпался в крошку, а его девочка просто исчезла. Осталась пустая позолоченная рама и деревянная основа, а Шивон разбилась в осколки вместе со своей тюрьмой. Мгновенное понимание и ощущение беды упало на плечи как каменная глыба, придавив к земле.

— Шивон! Шивон, какой же я идиот, лучше бы ты была с другим, лучше была счастлива с кем угодно, пусть не со мной! Но была жива! А-а-а-а-а-а! — дикий, полный боли крик улетел под низкие тучи, и Кейдан резко обернулся, с изумлением поняв, что кричит не он, хотя этот самый крик просто рвется из него, раздирая грудь. Кричал Райно. Залитый кровью из порезов соперник упал в грязь возле телеги, бился и выл как раненый зверь, легко разорвав магические путы и отбросив от себя кинувшихся к нему охранников. — Не-е-е-ет! Шивон, не-е-е-ет! Не-е-е-е-ет!

Кейдан зажмурился и с такой силой сжал кулаки, что коротко обрезанные ногти впились в кожу ладоней почти до крови. Больше всего на свете ему хотелось сейчас сделать то же самое кататься по земле и выть, орать, кричать от невыносимой боли. А потом встать и убить подонка, из-за которого... из-за которого... Нет. Нечего валить с больной головы на здоровую. Райно мерзавец и идиот. Но ты, ты сам, Западный Ветер, ты! Ты поверил. И предал. И потерял. И виноват не меньше!

Тяжелым шагом, не чувствуя ног, Кейдан подошел к тому месту, где ворочался и рыдал в пыли былой соперник, и грузно опустился рядом. Молча. Он не знал, сколько прошло времени, только машинально отметил, что низкое, затянутое тучами осеннее небо потемнело окончательно. Где-то в стороне зажглись лагерные костры, люди отдыхали после битвы и продолжали жить. Это было очень странно ведь без нее жизнь должна была остановиться. Но нет.

— Ты не убивал ее, — раздался вдруг хриплый шепот.

Кейдан повернул голову и почти безразлично посмотрел на лежащего на земле Райно. Того было трудно узнать под маской из крови и грязи, всегда великолепный и очень ревниво относившийся к собственной внешности Рай был похож на полуразложившийся и вываленный в помоях труп. Но Кейдану было все равно, как, впрочем, судя по всему, и Райно.

— Ты просто разбил зеркало, а убил ее я, — опять прохрипел он. — Там, в зеркальном храме на Затерянном острове. Еще давно меня предупреждали, что этот древний артефакт несет зло, что исполненные с помощью него желания оборачиваются во вред всегда. Но мне как глаза застило. Я хотел ее больше всего на свете, больше жизни. И я взял браслет с алтаря...

Кейдан нахмурился. Мысли ворочались в голове тяжело и медленно. Какой остров, какой браслет? Что несет этот червь? Какое это теперь имеет значение?

— Я загадал желание, и артефакт подсказал мне, где искать проклятое зеркало, в каких книгах найти информацию и заклинания. Я сам не заметил, как постепенно стал терять разум и волю. Только цель, только одержимое желание заполучить ее любой ценой. Это не оправдание, — «труп» в грязи заперхал, засмеялся пересохшим горлом. — Это моя вина. Я сам отдал себя в плен этой одержимости. И я добился. Я получил двойника. Зеркало. Обманку. Хищную тварь под маской лучшей женщины этого мира, а ее убил.

— Заткнись, — устало сказал Кейдан. — Мне плевать на твои мотивы и твои угрызения совести.

— Нет, ты дослушай!

Райно рывком приподнялся, на руках подтянулся ближе к сопернику и вдруг с силой вцепился в его куртку скрюченными пальцами.

— Слушай! Если не хочешь окончательно потерять ее!

Кейдан дернулся, резко развернулся и схватил Райно за грудки, тряся его, как собака крысу:

— Ах ты гад! Сволочь! Что ты несешь?! Я убью тебя!

— Потом! Можешь убивать! — столь же яростно проорал в ответ тот, в свою очередь впиваясь пальцами в рукава куртки Кейдана и тоже встряхивая его. — Хоть сто раз! Но сначала спаси ее!

— О чем ты?! — Кейдан разом почувствовал, как ослабели руки, и отпустил соперника.

— О ритуале, идиот. Этот проклятый браслет почти выпил мою душу и мой разум, но и я кое-что успел узнать, пока он не разбился в осколки вместе с монстром из зеркала и я не опомнился от морока. Шивон уже не вернуть, но ее можно догнать! Там, в Зазеркалье, между мирами! Это опасно и трудно, это дорого обойдется, но это возможно!

— И ты хочешь, чтобы я ритуалом отправил тебя следом за ней? — Кейдан почувствовал, как лицо перекосило в какой-то злобно-сардонической гримасе.

— Нет. Я отдал бы все, чтобы пойти следом, но я больше не имею прав на нее, — Райно говорил все тише и последние слова произнес почти шепотом. — Я буду платой. За проход.

Кейдан замер. Потом отпихнул от себя Райно и встал. Посмотрел на все еще лежащего на земле мужчину сверху вниз и сквозь заледеневшие губы выдавил:

— Повтори!

— Я отдам свою магию в обмен на открытие прохода. Шивон не умерла, просто ее душу и память унесло в Зазеркалье. Скорее всего, ее притянет в тот мир, где она переродилась, и есть надежда, что память этой жизни останется с ней и проснется в новом теле. Тогда ее можно будет найти. Иначе же... иначе ваши с ней пути перерождений разойдутся и вы больше никогда не встретитесь ни в одном из миров.

— Вставай.

Кейдан сам не понимал, почему он верит словам Райно. Тот уже и так натворил столько бед, и доверять ему просто глупо. Но безумная надежда оказалась сильнее разума. Они готовили ритуал почти до утра. Это было странное сумасшествие, но никто из друзей Западного Ветра даже не пытался остановить его. Тем более, что они тоже чувствовали себя виноватыми. Шивон была и их другом, и они тоже поверили в ее предательство. То, что она погибла, спасая всех их, больно ударило по душе и совести каждого. Когда все было готово, бледный, кое-как умывшийся Райно, за эту ночь постаревший, казалось, на несколько сотен лет, встал в пентаграмму и скомандовал:

— Будь готов шагнуть, как только откроется портал. Если опоздаешь, другого шанса не будет.

— Погоди, — Кейдан усмехнулся, глядя ему в глаза. — Я понимаю, что жертвой ты пытаешься успокоить свою совесть, но этого мало. Ты перестанешь быть магом, но не перестанешь отвечать за все, что натворил. И в конце концов, ты же всегда мечтал занять мое место.

С этими словами владетель Западного Предела снял с шеи герцогскую цепь и накинул ее на плечи потерявшего дар речи Райно.

— Ты обязан сделать так, чтобы герцогство стало самым процветающим на этом материке. Ты должен не мне ей! Она отдала жизнь ради этого. Так что ты не имеешь права умереть. Будешь жить и работать, пока есть силы.

Райно на секунду прикрыл глаза. Было видно, в какой ужас привело его решение Кейдана, но также и понятно, что он подчинится. Что же он сам выбрал этот путь.

— Ты с ней никогда не встретишься? — все же спросил Кейдан после того, как

герцогская цепь, повинаясь ритуалу передачи власти, мягко замерцала магическим светом на груди бывшего соперника. — Отдаешь последний шанс?

— Я действительно люблю, — Райно выглядел совершенно обессиленным, но решительным. — И с тобой ей будет лучше. А я свой шанс все равно потерял. Все, начнем!

— А ну стоять! — рявкнул вдруг голос из рассветной мглы. — Рехнулся, командир?! Куда собрался один?!

Кейдан поперхнулся воздухом, глядя, как его отряд его боевые товарищи, самые близкие, прошедшие с ним огонь и воду, выходит из полутьмы и выстраивается полукругом, отрезая его от слабо мерцающей пентаграммы с Райно в центре. Старина Фарис, правая рука и самый верный друг. Хмурый и прячущий боль на дне глаз. Линнет, щеголеватый и быстрый, как магическая боевая ласка, братья Шедхлдоны, белокурые гиганты лучшие магические кузнецы на всем Западном Пределе. Гордон, Зигфрид и Шай целитель, логистик и разведчик. Патрик отрядный маг, молодой и еще не обмятый, но способный и верный. Все смотрели спокойно и решительно. Всем было, по большому счету, нечего терять: их единственная семья- команда. Ну так сложилось, бывает.

— Один не пойдешь, командир, — нахально заявил самый младший из воинов, троллев мальчишка Грин Майерсон, прибившийся к команде на правах оруженосца и ученика не так давно, зато прочно. — Мы с тобой.

Кейдан не успел возразить, Райно вдруг дернулся и прикрикнул:

— Время! Да катитесь хоть все к демонам в болото, проходу все равно, сколько вас туда провалится, плата взимается за открытие! Кейдан! Не зевай!

Пентаграмма, начерченная прямо на сырой земле, очищенной от дерна, засветилась ярче, лицо Райно исказилось как от боли его магию безжалостно тянули, высасывали из тела. Над поляной мягко зажегся и рассыпался голубоватыми искрами овальный портал в пустоту.

Кейдан в последний раз оглянулся на родной мир, тряхнул головой, посмотрел на Райно:

— Я найду ее. Прощай, враг. И шагнул в портал. А следом за ним быстро и организованно ушли все девять воинов из личной гвардии Западного Ветра.

Глава 57

— Ну не плачь, глупая, — Кейдан целовал меня в мокрые щеки, глаза и губы, обнимал и гладил по спине, по волосам. — Все в прошлом. Я понимаю что он все равно был тебе дорог.

Я только молча всхлипнула, вспоминая взъерошенного смуглого мальчишку, похожего на сердитого вороненка, с которым подралась в первый же день после поступления в скулис. Того, с которым мы обменялись клятвами верных друзей, того, с кем готовилась ко всем экзаменам, ссорилась, мирилась, смеялась и соревновалась столько лет. Райно прощай, друг. Мне так жаль но я рада, что твое сумасшествие все же было не совсем твоим.

Проклятые артефакты исполнения желаний жуткая ловушка и страшный соблазн. Стоит только один раз уступить своим сокровенным, но эгоистичным и темным порывам и назад вернуться очень трудно, почти невозможно. Это болото засасывает быстро и безжалостно, подменяя совесть злостью и уверенностью, что тебе все должны. Но ты сумел освободиться, друг, и я рада, что мой выбор этому помог. Где бы ты ни был будь счастливым!

— Нас притянуло в этот мир на несколько десятков лет раньше, чем тебя, какая-то аномалия пространства и времени, — тихонько рассказывал между тем Кейдан. — И выбросило в таком месте и в такой момент, о-хо-хо. Ну, я говорил, Афганистан, военный госпиталь, обстрел. Я сам толком не знаю, как так вышло, что мое здешнее воплощение оказалось на тот момент моим ровесником. И причем все парни тоже были рядом, в этой ловушке. Чуть не погибли сразу, ушли только с помощью пробудившейся магии и довольно долго скопом считали, что мы сошли с ума, получив ПТСР и раздвоение личности в прибавку к галлюцинациям. Много времени понадобилось, чтобы разобраться с памятью, с новой жизнью, с новым миром и магией, о которой тут никто не знал. Но справились. Вот только тебя не было и я снова чуть не сошел с ума. Хорошо, парни мозги вправили и сказали: надо просто ждать. Рано или поздно Ты не представляешь, что я почувствовал, когда ты вдруг шепотом выругалась «тварьей дупой», когда думала, что я не слышу!

Я в последний раз тихонько вздохнула, потом хихикнула и решительно вытерла глаза рукавом. Посмотрела на своего Кейдана снизу вверх сквозь мокрые ресницы и улыбнулась:

— И что дальше? Куда мы теперь?

— Домой, — Кей тоже улыбнулся и встал, помогая мне подняться. — Да нам другой дороги и нет, платить за портал сквозь межмирье к новому миру нам нечем. Не магию же отдавать. К тому же разве ты сама хочешь еще куда-то уйти, когда там...

— Дети! — я подпрыгнула как ужаленная и мысленно обругала себя на все корки. Дура-эгоистка!

Дети! Как я вообще могла о них забыть?! Оставить их Витеньке, его мамаше и новой жене?! Да ни за что!

— Я ведь правильно помню, мальчишки не пострадали? — обеспокоенно спросила я, оглядываясь по сторонам. — И меня ты выдернул. Только лампочка разбилась. А я так и не поняла, кто пытался нас сбить и, главное, зачем?! Это ведь точно нарочно было сделано. Никакая не случайная авария.

Кейдан нахмурился и кивнул куда-то в сторону:

— Да вон она висит, злобная идиотка. Машина врезалась в столб, а эта умная дама даже не была пристегнута, рассчитывала свернуть после наезда в подворотню, где нет видеокамер, и быстро сбежать из угнанной чужой машины.

Я посмотрела туда, куда он кивнул, и раскрыла рот от изумления.

— Вика?! Это же новая жена моего бывшего мужа! Но зачем?! Она же и так получила все, что хотела! И я ясно дала ей понять, что обратно Витеньку даже с доплатой не

возьму!

— Ты ее напугала своим шантажом. Беременность ведь правда не от твоего мужа, — Кейдана аж перекосило от этого слова. — А кроме того, она узнала про раздел имущества. Поверь, твой бывший тот еще жук, хотя и придурок, там есть что делить. И ей было что терять, если ты проболтаешься о чужом ребенке. И она решила избавиться разом от всех проблем. Сбить тебя, а если получится, то и мальчишек, все меньше претендентов на наследство.

— Отроллеть, охренеть! — выдохнула я, вглядываясь в смутную женскую тень, тающую во тьме. — Дура же! Ну да какого хрена, никакие деньги не стоят того!

— Это для тебя, — кивнул Кейдан. — Ты первая все раздашь и еще помогать помчишься. А она, ну, сама выбрала. Счастливое перерождение мадемуазель Виктории теперь не светит. Ребенка только жалко.

Я ахнула и прикусила губу, ой, мамочки! Она же была беременна! И срок немаленький! Вон та слабенькая искорка, что просвечивает сквозь полурасстворившийся силуэт. Маленькая, еле-еле мерцает. Кажется, это девочка, я шагнула в сторону от Кейдана и всмотрелась в этот еле тлеющий огонек.

— Маленькая, Кей, это неправильно! Она ведь утянет малышку за собой в темноту, туда, где все с этими перерождениями плохо!

— Утянет, — тяжело вздохнул Кейдан, ловко поймал меня за руку, не пуская рвануться в пустоту. — Ши, ты понимаешь, что она еще даже не родилась? Этот светлячок даже сознания еще толком не пробудил.

— Но боль, холод и страх она уже прекрасно чувствует, — я подняла умоляющий взгляд на своего мужчину. — Кей, ты ведь здесь явно не в первый раз, и...

— Есть только один способ, — снова вздохнул добрый доктор, погладив меня по волосам. — Тебе придется родить дочь. Если сейчас мы заберем ее с собой, тело надо будет зачать как можно скорее, и...

Я не дослушала, вывернувшись и одним толчком перелетела такое огромное расстояние до еле тлеющего огонька, поймала его в ладони и прижала к груди. Огонек почти не грел, но при этом довольно больно жег руки, точнее, не он сам, а та разреженная тень, из которой я его выдернула.

— Ох, ну что за дурында! — сердитый Кей поймал меня за шиворот и довольно бесцеремонно выдернул из серотемной пустоты. — Домой, неугомонная! Пока еще кого-нибудь не пожалела!

Эпилог

— Ну, и во-от нет, мам, до лета не приедем, мне в феврале рожать, о чем ты вообще, — я машинально погладила округлившийся животик и откинулась на мягкую спинку компьютерного кресла.

Этот «трон» за мою стойку ресепшена приволок лично Громовержец, с рыками про «если женщина хочет развлекаться на работе во время беременности, подите все вон и обеспечьте ей условия!». Кресло как раз было одним из условий: суперудобное, супермягкое в каких-то нужных местах, с регулируемым всем, включая подставки для ног. Мне кажется, я в нем и спать смогу и даже рожать, при желании. Тем более банда наемников, то есть команда Кейдана, после прохода из другого мира в этот за тридцать лет остепенилась и выучилась на отличных врачей, роды принять смогут.

— А что Виктор? Почему ты все время о нем спрашиваешь, мам, что за странный интерес? Нездоровый какой-то. Да, я так считаю, нездоровый, — мобильник у уха ощутимо нагрелся от маминого неудовольствия, но с некоторых пор ее дочка-мямля научилась так строить родню даже за тысячу километров по телефону, что сильно возмущаться она не рискнула. Брату на меня жаловаться стало бесполезно, опять же, он как-то попробовал позвонить и наехать за то, как я с матерью разговариваю, да как себя веду, что люди скажут. Ну, я и сама себя в обиду не дала, а потом трубку забрал мой муж и так поговорил с новым родственником, что они теперь на него (и на меня с детьми заодно) косо посмотреть боятся. Уважают. — Ну ладно, удовлетворю твоё любопытство. Суды по разделу имущества идут, и нет, я не собираюсь быть совестливой королевой и оставить своих сыновей без той доли имущества, что им принадлежит по закону, даже несмотря на то, что денег нам и без Витечкиных подачек на все хватает. У каждого будет своя квартира и деньги на обучение, когда школу закончат, это минимум, что такой никудышный отец обязан им дать. Мне самой на хрен от него ни копейки не надо, а вот сыновьям он обязан. И пикнуть теперь боится, чтоб с работы не вылететь, я-то не постесняюсь скандал устроить во всех соцсетях и везде. Мамуля его притворяется ветошью и не отвечает. Ага, после очередных зеленых бородавок на лысой голове она в мою сторону даже дышать боится. И сыночку придерживает, хотя тот и сам стал в коленках слаб со мной тягаться. Да, я так считаю. Да, мама, я стала бессовестной, ты совершенно права. Достаточно того, что я больше десяти лет пахала на эту семейку без выходных и проходных, как раб на галерах, пока этот умник задом кресла в офисе проминал. И втихую от жены деньги по счетам прятал, дома на море покупал и любовниц туда таскал. Да, мама, я такая злая. Ага, я помню, какая была милая девочка, да, каждый встречный не стеснялся сесть верхом и ножки свесить, да еще при этом морду скорчить такую, как будто одолжение мне делает. Нет, токсикоза у меня нет, я отлично переношу беременность и не поэтому озверела. Я переложила телефон в другую руку и цапнула из вазочки на стойке румяное яблочко. Ох, будет моя дочка фруктоедкой, всю беременность смотреть на мясо не могу, только разные экзотические и не очень плоды нам подавай. Похудела даже, несмотря на растущий живот. Но в меру. Мам, тебе действительно хочется и дальше на эту тему общаться? Может, о чем-нибудь более приятном поговорим? Что? Ну вот и умница. Да, уже точно известно, девочка будет. Да, мамуль, наша принцесса.

Мальчишки? Да ждут не дождутся, Пашка вообще горит энтузиазмом, да. Антон слегка настороженно отнесся к новости, но быстро привык и строит из себя заранее солидного старшего брата. Но в целом им особо-то некогда раздумывать на эту тему. Ну сама же знаешь, школа, секции, Пашка в художественную школу пошел, ему там дико нравится.

Мама в телефоне какое-то время умиленно кудахтала о внуках, а потом снова начала допрос с пристрастием. Что поделать, возраст, воспитание, вбитые с детства установки ее уже не изменить. Но научить некоторым новым правилам оказалось вполне реально.

— Ну да, и Александр с ними очень много занимается, дети, по-моему, скоро жить переедут к нам в медцентр. С ними тут все наши мужики носятся, ну они и...

Еще бы, пацанам только дай в мужские игрушки поиграть то на стрельбище с командой, то на мотогонки слава богу, только как зрители, то на картинг, то в спортзал учиться «приемчикам». Да Виктор отродясь столько с детьми времени не проводил! Так что если Тошка сначала немного дичился, то потом быстро про свою ревность забыл, это мне в пору ревновать: беременную маму в кресло посадили, яблочко принесли и умотали по

своим интересным мужским делам.

— Да, представляешь! — Мамуля у меня упорная, скоро опять на прежнюю тему свернула, и я решила, что на сегодня общение пора заканчивать. — Нет, с Виктором и его матерью сыновья общаться не хотят. Ну, знаешь! После того как его новая гримза нас чуть не убила, пусть спасибо скажет, что в его сторону не плюют! Ничего, подлечит простатит и снова женится, не дай бог, конечно, такое сокровище любой другой женщине. Но бывают и на подобное любительницы, вроде недоброй памяти Вики, которая и его, и свекровь сожрет и не подавится. Так им с мамашей и надо. Все, мам, ну не хочу больше о них разговаривать! Поведай-ка лучше, что доктор сказал на последнем осмотре. Ты дневник давления ведешь, как он велел? Я тебе дам «забыла»! Сейчас перезвоню Егору и шею ему намылю, какого пердимонокля за тобой не смотрит нормально? Сын родной!

Уф-ф-ф-ф! Полтора часа как не бывало, весь обеденный перерыв. Но зато дочерние обязанности на неделю вперед выполнены, мама там у себя по ту сторону телефонной связи отвалилась сытая впечатлениями. Ей теперь есть о чем посудачить с соседками, похвастаться и пожаловаться, полный набор. Дочка-то чего учудила!

Но зато короче, разговоров хватит ровно на неделю, потом опять позвонит. Под столом завозились и пискнули, я чуть откатилась в кресле назад и строго шикнула, заглянув в полутьму:

— А ну тихо! Что опять не поделили?! Гриша, батареек больше не дам до вечера, если будешь Квазю обижать!

Ага, эти две живности таки прижились у нас окончательно. Со временем и после долгих дебатов было решено придать обоим облик кота и кошки чтобы не вызывать лишних подозрений. Ничего так котики вышли, почти как настоящие пушистые и пакостные. Кейдан, посмотрев в жаждущие глаза Антона, даже перепривязал барабашку к нему, подарил. Счастью не было предела, собственно, после такого подарка старшенький как раз и смирился окончательно с тем, что у мамы появился новый муж, и мы таки будем жить вместе. В его доме, который даже круче папиного, там даже спортзал для занятий боевыми искусствами в подвале есть!

И бассейн! Вот только пока суперзанятые сыночки где-то шлендрают, живность свою они мне подбрасывают. Формально чтобы те меня охраняли и помогали, а на самом деле чтобы я за ними присмотрела.

А то как маленькие детки: то дружба меж них до гроба, то дерутся, только розовая и белая шерсть клочьями во все стороны летит. А Пашка с Тошкой только хихикают и чуть что зовут доброго доктора.

Вообще Кейдан очень грамотно выстроил отношения с моими сыновьями, я даже не ожидала. И вполне спокойно считает их своими.

Да-да, мало ли какой спермодонор по ошибке мимо пробежал, пока он меня не нашел. На «твои дети — мои дети» это никак не повлияло. Эх, как вспомню, дурдом после наезда тот еще творился. А как я впервые пришла в медцентр не как Шурочка, а как Шивон?! Парни из команды Кейдана тогда меня чуть не задушили в объятиях от радости! Они подозревали кое-что после моего появления и такого явного интереса командира, но уверены не были.

Когда первая радость схлынула, мне еще пришлось с каждым отдельно разговаривать, все ловили момент и приходили каяться-виниться, как они поверили в мое предательство. Вот дурни! Это когда было вообще?! В прошлой жизни! Пришлось мозги вправлять. Кому улыбкой, кому поплакаться в жилетку, а кому и подзатыльник дать. Чтобы дурью не маялся. Эти идиоты, прости господи, все тридцать лет тут почти монахами жили не считали себя вправе семью заводить, пока командир меня не нашел. Ну, то есть сначала им просто не до того было новый мир, новые тела, новая память, магия, выживание, бардак и кошмар. А как все наладилось так у мужиков крыша поехала на командной солидарности. Теперь же они чуть ли не бегом кинулись устраивать личную жизнь. Чую, скоро кресел для беременных здесь станет много.

Кстати, насчет магии, нам еще только предстоит понять, что она в этом мире и как

работает, и при чем тут электричество. Не на один десяток лет работы и исследований. Других-то магов ребята за столько лет так и не встретили. Зато с помощью своих способностей такие связи в самых верхах заимели, что теперь можно вообще ни о чем не беспокоиться.

— А ну тихо, я сказала! Сейчас по разным углам расскажу! — в очередной раз шикнула я на снова что-то не поделивших тварюшек под своим столом и встала, чтобы размять спину.

Сейчас пойдут пациенты, обеденный перерыв, на который парни стараются не назначать прием, уже закончился. Жизнь продолжается.

— Ма-ам? А чего она такая, ну, такая, — слегка опасливо спросил Павел, заглянув под чепчик и оценив сморщенное красное личико сестренки.

— Страшненькая? — засмеялась я, с нежностью поправляя одеяло на новорожденной. — Потому что только сегодня родилась. Это очень трудное занятие — родиться, вот и переутомилась, ничего, через пару дней будет красotka.

— Много вы понимаете в женской красоте! — возмутился все еще бледный и страшно усталый после всех волнений Кейдан, которого не пускали в роддом всей командой, чтобы он там никого из врачей случайно не убил, если я при схватках закричу. — Она красавица! Самая красивая девочка в мире! Светлячок маленький, принцесса...

Кей с такой нежностью смотрел на дочку, так бережно перехватил крошечный сверток у меня из рук и прижал к себе, что у меня дыхание на секунду остановилось.

— Светлячок ей подходит, — авторитетно заявил Антон, тоже разглядывая нового члена семьи. — Мелкая, лапки тонкие, на жучка похожа. Давайте ее Светлана назовем? Красивое имя.

— Сам ты на жучка похож, — обиделся за сестру Павел. Но Светлана и правда красивое имя. Мне нравится. Я ее нарисую сейчас и подпишу! Будет самый ранний портрет!

Мы с Кейданом переглянулись и одновременно кивнули, улыбнувшись.

— Светлана, Светлячок. Рисовать в палате, наверное, не самое удачное занятие, но ты по памяти, хорошо? — я отобрала ребенка у мужа, потому что новорожденная начала крутить головкой и недовольно причмокивать крошечными пухлыми губками. — Проголодалась, козявушка. Сейчас покормлю, сейчас, вот ведь! Вся в папу, такая же нетерпеливая и упертая!

Кейдан хмыкнул и явно что-то хотел сказать про «нетерпеливость и упертость» как наследственные качества со стороны обоих родителей, но тут Светлячок окончательно потеряла терпение и завопила, требуя грудь. А чтобы подтвердить свое заявление, наша новорожденная доченька напряглась и выдала маленькую фиолетово-белую молнию, искоркой пробежавшую по кружевному краю конверта.

Оппа! — сказал Антон, когда мы все слегка опомнились, а возмущенная малявка уже присосалась к моей груди. — Еще одна волшебница? Ну все-е, родители, теперь не отвертитесь! Я давно понял, вы что-то недоговариваете! И с обучением магии все тянете! Теперь все расскажете! И научите!

М-да, — Кейдан забавным жестом почесал в затылке и посмотрел на меня озабоченно. Но потом улыбнулся и пожал плечами. — Зато сила какая! Уже в пеленках!

— Да-да, — задумчиво подтвердила я, спихивая со своего одеяла пригревшегося там котика Гришу. Они с Квазимордой сюда в обход всех правил просочились, сущности энергетические, очень им любопытна была почему-то моя доченька. Теперь понятно, кстати, почему. — Белофиолетовая молни. Классификацию по цвету силы помнишь? Молодцы мы с тобой, муж, что сказать.

И мысленно добавила: «Этому миру только урожденной некромантки не хватало для полного счастья. Конечно, еще до зачатия побывать за гранью это даром не проходит. Ну, теперь скучать точно будет некогда! Светка, ты еще дашь тут всем прикурить! А и правильно. Так держать, дочь!»

КОНЕЦ